

Роман Ерохин

Девочки
наши
за Вердежан

Об авторе

Роман Алексеевич Ерохин родился 4 октября 1925 года. В семнадцать лет добровольцем ушел на фронт. После войны почти полвека проработал в крупнейшей газете республики. Легенда белорусской журналистики, Роман Ерохин неожиданно заявил о себе как талантливый писатель. Его книга «Интонация вздоха» (2005) о выдающихся людях, с которыми был дружен либо хорошо знаком, стала событием литературной жизни. И вот новая книга Романа Ерохина — художественно-документальная повесть «Девчонки наши за Верденом». Она — результат многолетних «раскопок» писателя на заросшем бурьяном поле истории: наши девушки сражались с гитлеровцами во Франции! Их необыкновенные судьбы богаче мифа.

ISBN 985-6509-17-3

9 789856 509172 >

Роман ЕРОХИН

ДЕВЧОНКИ НАШИ ЗА ВЕРДЕНОМ

Документальная повесть

УДК 821.161.1(476) 31
ББК 84(4Бел=Рус)-44
Е 78

Ерохин, Р. А.

Е 78 Девчонки наши над Верденом: Док. повесть / Роман Ерохин. — Минск: Ю. М. Сапожков, 2006. — 208 с.

ISBN 985-6509-17-3.

От рядового бойца Минского подполья до командира женского партизанского отряда, лейтенанта Французских внутренних сил — такой путь прошла в годы Великой Отечественной войны Надежда Лисовец, главная героиня этой документальной повести.

УДК 821.161.1(476)31
ББК 84(4Бел=Рус)-44

ISBN 985-6509-17-3

© Ерохин Р. А., 2006
© Оформление. Издатель
Ю. М. Сапожков, 2006

ВМЕСТО ПРОЛОГА

На проводе — Москва.

— Алло, Минск? Управление стройтреста номер семь?

- Д а .

— Вас беспокоит Алексей Маресьев из комитета ветеранов войны. В вашем тресте работает Надежда Иосифовна Лисовец?

— Заслуженный строитель...

— Да-да, заслуженный...

— Начальником участка отделочных работ.

— Как нам с ней связаться? Ее приглашают в Москву на встречу с де Голлем.

— С кем?

— С генералом Шарлем де Голлем, президентом Франции.

В управлении стройтреста номер семь явное замешательство:

— А... в чем дело?

— Надежда Лисовец — лейтенант Французских внутренних сил, участник Сопротивления...

— Надежда Иосифовна, вы воевали во Франции? И никогда ничего не говорили...

— А что говорить? Все воевали...

Тетя Катя, Надежда Лисовец, Аня Михайлова и бывший их комбат Виктор Игнатьев держатся кучкой,

словно боясь потерять друг друга в толпе. Соседями, как и в автобусе, — советские летчики войны «Нормандия-Неман».

Над летным полем Внуково-2 с гулом проносится «Каравелла». Из аэровокзала выходят председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный, глава правительства Алексей Косыгин, министры...

Подрулив к аэропорту, воздушный корабль вздыхает облегченно, замирает. На трапе появляются президент де Голль с супругой, министр иностранных дел Кув де Мюрвил, сопровождающие их лица. Советские руководители тепло приветствуют высоких гостей.

Генерал Шарль де Голль и Николай Подгорный обходят строй почетного караула. Потом президенту Франции представляют государственных деятелей, летчиков-космонавтов Юрия Гагарина, Алексея Леонова...

Лисовец не слышала, как и кто представлял ее, де Голль коротко вскинул два пальца к каскетке, пожал Наде руку, сказал по-русски:

— Спасибо, мой лейтенант.

У Нади в груди — словно пружина. Сжалась и вдруг весело развернулась:

— Бонжур, мон женераль!

И, будто испугавшись, что он не поймет ее по-французски, перевела:

— День добрый, мой генерал!

НАЧАЛО

Колеса отстучали уже добрую тысячу километров, а в вагоне все не остывали разговоры о бронзово-жарком сочинском солнце, о море синем...

Группа минских студентов возвращалась из Сочи, с геологической практики.

Горы, море!.. Впереди — Москва, два-три дня на Сельхозвыставке...

Полустанок. А поезд — скорый! — остановился. С чего бы это?

В вагон вошел пожилой мужчина, окинул хмурым взглядом студентов, сваленные в кучу зеленые рюкзаки, примостился на краешке боковой скамьи.

— На фронт собрались?

Ребята и девчонки весело загомонили:

— Ага, на фронт...

— Повоюем!..

— Воевать так воевать — пиши в обоз!

— А меня в кашевары!..

Кто-то пропел: «Если завтра война, если завтра в поход...»

Мужчина не принял их веселья. Вздохнул:

— Видать, не знаете еще... Не «если завтра» — сегодня уже... началось.

— Что началось-то, папаша? Что?..

Он опять окинул их хмурым взглядом, опять вздохнул:

— Война началась, сынки. С рассветом сегодня... Немцы напали на нас...

Ребята молчали, как оглушенные.

А колеса уже выстукивали: вой-на, вой-на, вой-на...

В другом конце вагона вдруг залилась гармошка и сильный девичий голос весело вплелся в ее переборы:

Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой...

Там жили еще в довоенном времени.

Дорога длиною от ночи до ночи. Треволнения свалили всех в сон. Рассвет оборвал его: бомбили поезд. Состав остановился, и пассажиры рассыпались по полю. Улетели немецкие стервятники — паровозный гудок вернул всех в вагоны.

Потом была еще бомбежка, еще... Но в поле, в лес уже никто не бежал: то ли надеялись — и на этот раз пронесет, то ли надоело...

А когда до дома, до Минска, было уже рукой подать, поезд встал основательно. Где-то под Смолевичами. Никто не бомбил, поэтому невдомек людям было, в чем дело. Из вагона в вагон ползли слухи: впереди путь разбит, Минск бомбят...

Мало-помалу пассажиры покидали поезд. Студенты тоже выбрались из вагона. Что дальше?

Ясно было одно — добираться в Минск. Но как? Надя предложила пешком идти, здесь каких-то тридцать километров, не более. Но ее поддержала только Настя Тылиндус, остальные решили дожидаться: пойдет же когда-нибудь поезд.

Вдвоем так вдвоем, распрощались со всеми — до встречи в Минске! — и зашагали по шпалам вслед тонувшему на горизонте багровому солнцу.

Шагали споро. Надю подгоняла мысль: как-то они там, родные, как ее маленький Валерка? Настя — толстушка по сравнению с ней — едва попевала, сошла со шпал, семенила обочь.

Спустя час, уже в сумерках, добрались до железнодорожного моста. Пришлось сворачивать: мост охранялся, не пройти.

Хилый проселок завел их в лес, во тьме казавшийся непролазным, оглушавший тишиной и жутью. Надя забеспокоилась:

— Заблудимся...

— Не бойся, я хорошо знаю эти места.

Да, Надя знала эти места. Вместе с мужем строила когда-то шоссе Минск—Москва, съезды от него к станциям.

— Ты ведь знаешь, до университета я строителем была...

После семилетки — Минской 1-й железнодорожной — Надя училась в Могилевском строительном техникуме. Там и познакомилась со своим будущим мужем, Борисом Грабовским. Потом вместе работали. Вместе решили поступать в Ленинградский автодорожный институт. Он поступил, а она осталась в Минске: ждала сына... А чтобы не терять год — пошла на геофак в свой университет. На второй курс ведь можно и перевестись в Ленинград.

Сын родился, а муж умер — вдруг...

— Вот такая моя биография, — вздохнула Надя.

...В Минск вошли за полночь. Московское шоссе втянулось в Советскую улицу — мимо черного массива парка Челюскинцев, темногорбых Дома печати, Академии наук, мимо приземистой деревянной Комаровки... Ни души, ни огонька, ни звука... Надя зябко передернула плечами.

Когда до Оранжерейной осталось всего-то ничего, — будто крылья выросли, будто и не было долгой дороги.

Калитка закрыта. Пес молчит. Неужто никого?.. Даже в дверь стучать страшно.

Мать и сестра Зина словно бы и не спали. Повисли на шее Нади, зашлись слезами. Все живы-здоровы? Все... Только Васи — Зининого мужа — нету: в туберкулезном санатории в Орше.

Огня не зажигали. Надя прошла к мальчишкам. И сын Валерка, и племянники — Павка, Олег, Вовка, Шура спали. Их безмятежный сон враз снял все треволения. Снова, снова в город!..

— Пошли, Настя.

Мать заволновалась:

— Куда?

— Надо, мама, надо. К Алине... Мы скоро придем.

Слепой — к рассвету — туман вползал в Гомельский переулок, опахивал дома, деревья...

Алинка Красовская — подруга Нади — училась на историческом в пединституте. Зачем они сейчас шли к ней? Ну конечно же — узнать, что в городе...

В домике с палисадником ни звука, сколько ни стучались. Надя закурила в раздумье, постояла. Потом снова достала из кармашка сатиновых шаровар коробку спичек, поднялась на крыльцо. Перед самой дверью выложила из спичек крупно: «Надя». Если подруга еще в городе, будет знать, что она, Надя, в Минске.

А потом было утро, такое, словно бы и солнце не всходило.

Надя с Настей первыми вскочили с постелей, хоть вроде бы и глаз-то сомкнуть не успели: легли с рассветом. В доме от гула самолетных моторов дрожали стекла.

На улицу высыпали и высыпали люди. Все глядели в небо. На Минск, почему-то с востока, наваливалась армада самолетов с черными крестами... Надя метнулась на огород, в сад, взобралась чуть не на самую верхушку огромного клена, принялась считать...

На тридцать восьмом сбилась: на завод имени Кирова полетела первая бомба. Потом еще, еще... Столбы черного дыма с оранжевыми сполохами, за ними треск, грохот-

Страх согнал с дерева. Казалось, каждая бомба — твоя.

В дом заскочила чья-то очумевшая дворняга, заби-лась под кровать. Племянники, сын Валерка — дрожат по разным углам. Надя схватила кожаное пальто, напялила на себя, чтоб дворняга не покусала, выдворила ее из дома. И ребята тотчас успокоились, словно собака была страшнее бомбежки.

Тогда Зина спохватилась — своего пса нет. Фашиста. Тоже небось куда-нибудь забился.

— Надь, я домой пойду, — тихо сказала Настя и стала собираться. Жила она в деревне Климовичи, что в Минском районе.

— Я провожу чуток...

В городе начиналась паника. В сторону Московско-го шоссе тянулись машины, повозки.

И Надя заторопилась обратно, домой.

Вернулась, и втроем — мать, Зина и она — сели обсуждать: что же дальше? Сводки по радио были противоречивы. Слухами пользоваться — голова кругом пойдет. И Надя предложила:

— Надо эвакуироваться.

Это слово она только что слышала в городе.

Мать запротестовала: куда в белый свет из своего дома идти! Зина задумчиво молчала. Тут и так ясно, о чем она думала: куда с детишками мал мала меньше.

— Но ведь немцы придут! — пыталась уговорить Надя.

— А что немцы? — спокойно возразила мать. — Немцы тоже люди...

— Да ты что, мама!

— Вот послушай, доченька, что я тебе расскажу. В ту войну тоже немцы были в Минске. И ничего, жили мы, выжили.

— Мама!

— Нет, ты послушай... Одним разом и я страху набралась. Отец когда-то, в честь своего первенца, посадил елку. Ну, елка, скажу тебе, была необыкновенная, заморская какая-то, будто серебром посыпанная... Когда немцы пожаловали в Минск, елка та большая уже стала. И вот одним разом солдаты к нам пришли, взяли топор, замахнулись на эту чудо-елку. Дрова им, знать, понадобились. Бросилась я к ним — упрашивала пощадить ее, а они ружья на меня наставили. Ну, думаю, конец пришел. А тут в огород командир ихний завернул. Разобрался, стало быть, что к чему, и прогнал солдат, а передо мной очень уж извинялся...

— Зина, собирай детей в дорогу! — решительно заявила Надя. — А я подскачу к Воронковым.

Воронковы жили рядом. Василий, дальний родственник Лисовцов, работал начальником бойни на мясокомбинате, и у него, конечно же, должна быть машина.

Семью Воронковых Надя застала в сборах.

— Вася, забери и нас...

Василий заколебался: не густо в машине с местом.

— Вася, без нас ты не поедешь!

Он не поехал без них.

Выбрались из Минска к полудню. Василий с женой и двумя детьми и Зина, Надя со своими мальчишками. Мать так и не уговорили.

Но далеко не уехали. В деревне Гатово их машину остановили военные: приказ — весь транспорт поступает в распоряжение армейских частей.

Пришлось возвратиться.

Калейдоскоп суматошливых часов, суток, событий, дорог захватил Надю в свой бешеный круговорот.

И уже не было ни минуты подумать: когда и где он остановит свое жуткое мельтешенье.

В дом влетел взъерошенный Олег.

— Надька, немцы!

Он выкрикнул это скорее восторженно, чем испуганно: первым принес весть!

— Спокойно, Олег, спокойно, — обняла его Надя, больше себя успокаивая, чем его. Вокруг них тотчас сгрудились остальные братья Олега. То к одному из них, то к другому тыкался носом Фашист: давайте поиграем...

Кличку дворняге дали, видимо, за ее недобрый нрав. Соседи сначала посмеивались, потом привыкли. Но сейчас... Надя даже вздрогнула от мысли, что может статься, услышь фашисты эту кличку. Как могла объяснила ребятам.

— Давайте звать пса Жучкой?

Одиннадцатилетний Павка сразу все понял, малыши согласились из любопытства.

А Фашист никак не хотел отзываться на новое имя.

С первого дня немцы расклеили по городу свои приказы, страдая население по всякому поводу и без повода самыми страшными карами. Один из приказов был: всем мужчинам явиться в район озера, которое студенты минских институтов, вырывшие его, успели назвать Комсомольским, но не успели торжественно — 22 июня — «открыть».

Надя, два дня не выходившая из дому, собралась к подруге своей — Вале Жодик, нынче, как и ее муж, окончившей физкультурный институт. Мать и Зина отговаривали. Но ведь и дома сидеть-то в полном неведении немогуту!

— Ой, Надька! — только и сказала Валя на предложение Нади пойти к озеру, посмотреть, как там и что.

Испугалась, но пойти согласилась.

На улицах редкие прохожие настороженно жались к стенам домов. А по тротуарам, по мостовым разгуливали, горланя, немцы. Веселые, довольные, с закатанными рукавами...

Когда до озера оставалось два-три квартала, Надя с подругой вынуждены были остановиться, свернуть в чей-то палисадник. Из боковой улицы брела колонна пленных красноармейцев — одни в сапогах, другие в обмотках, в разодранных гимнастерках, обросшие, осунувшиеся. Обочь колонны шли автоматчики с овчарками...

Весь низменный правый берег Свислочи — берег озера, обсаженный еще хилыми деревцами, кишел людьми. Военнопленные стояли, сидели, лежали на траве большущей молчаливой толпой. Чуть поодаль от них сидели парни в штатском — явно минчане. Надя и Валя с другого берега рассматривали их, надеясь увидеть кого-нибудь из знакомых.

Солнце торчало в зените, словно задержалось там по чьей-то злой воле, и нещадно калило все вокруг, куда только могло достать. Хотелось пить. И Надя подумала: каково-то им, на том берегу?..

Пятеро парней, что сидели близ плотины-моста, поднялись, пошли к воде. И вдруг... Сухо прострочили автоматы. Надя ойкнула, закрыла лицо руками.

Валя вскочила, потянула Надю в сторону домов, густо облепивших левый берег. Надя оглянулась. Там, возле самой плотины, распластавшись у кромки воды, лежали те пятеро...

— Ой, мамочка!.. «Елку пожалели...»

Валя удивленно посмотрела на нее, снова потянула за руку:

— Какую елку? Пойдем скорее отсюда...

«Немцы тоже люди...» — вспомнила Надя слова матери.

Разве ж люди!..

КАК НАЙТИ СВОЙ ОКОП?

Устроившись на подоконнике распахнутого окна, Надя думала, думала, думала... Не приведи господь времечко пришло!

Вернувшийся домой Вася — муж Зины — обнадеживал в первые дни: война на три-четыре месяца... А обернулось все совсем не так, совсем не так! Вот сентябрь на исходе, война катится все дальше и дальше, и никто не знает, когда назад поворотит.

И хуже всего, не видит Надя себя в этом времени. По рукам-ногам повязана им. Будто стреножена ничегонеделаньем. Не время — омут непроглядный. Глаза пообвыкли, а мысли мечутся, не находя пристанища.

Все дни в эти тягостные месяцы — как по полочкам в памяти разложены. Снимешь один — и рассматривай. Да светлого ничего не увидишь, не вспомнишь.

Ворвались немцы в Минск как-то весело. Хотя, говорят, здорово потрепали их на подступах наши войска. Передовые части фашистов в самом городе не задержались, проскочили дальше. Улицы, особенно окраинные, как Оранжевая, где жили Лисовцы, были пусты, будто перед грозой... В центре дымились, догорая, целые кварталы.

Как-то прибежала Валя Жодик, выпалила с порога:

— Надька, хапок в городе всюю идет, а мы в подушки зарылись. Давай собирайся...

— Какой хапок? — не поняла Надя.

— Да так прозвали это... Люди на склады бегают, берут муку, сахар, крупы...

Надя аж задохнулась:

— Так это ж грабеж!

— Не чужое люди берут, свое. Мы не возьмем — фашистам достанется.

Надя подумала: а может, и в самом деле... Добро-то наше, советское...

И день-другой тоже бегала в железнодорожные пакгаузы.

Как-то вечером соседка постучалась, Беспрозванная:

— Надь, там, под вагоном, наш красноармеец раненый лежит. Одежку бы ему другую... Я б с сыновей своих что-нибудь нашла.

Надя знала: у Беспрозванной — трое взрослых сыновей. Конечно, костюм найдет, а вот идти боится.

— Ладно, давайте, схожу.

— Под третьим вагоном он лежит...

Смешно получается — все считают ее отчаянно смелой, а она идет в ночи и дрожит от страха. А ну как немцы уже выставили охрану на железнодорожных путях?

Обычно на путях перемигивались красные, зеленые, желтые огни, а сейчас темень кромешная. Если б не знала здесь каждую стрелку, вряд ли отыскала бы тот путь и те вагоны... Вот они — первый, второй, третий... Сердце колотится так гулко, будто колеса вагонные выстукивают на рельсовых стыках.

— Товарищ! Товарищ! — громким шепотом позвала она темень.

Темень молчала.

И вдруг — из-под четвертого вагона:

— Кто вы?

Надя, не отвечая, бросила костюм под невидимые колеса.

Потом долго себя корила: спросить, не нужна ли ему, раненому, еще какая помощь, не сообразила. Эх, Надька!

Назавтра, чуть свет, побежала туда, но ни под четвертым, ни под другими вагонами никого не было. А ведь могло статься, и он таким же беспомощным был, как тот танкист...

Наде не надо было снимать с полочки своей памяти тот день, чтоб заново рассмотреть. Она его помнила так, как будто вчера это произошло.

Немцы уже добрую неделю хозяйничали в Минске. И вот однажды, под вечер, через сад Лисовцов прометнулась группа красноармейцев в темно-синих комбинезонах. Сиганули через забор, за которым уже ни одного дома — топкий луг. За забором кончался город...

А один упал — в малиннике. То ли изнемог, то ли случилось что.

Надя выскочила на улицу. Ни души, погони нет. Шмыгнула в малинник. Там на спине лежал он, танкист. Глаза закрыты, будто неживой.

— Товарищ...

Он открыл глаза, всмотрелся в нее, хрипло спросил:

— Ты кто?

Надя растерялась: как ответить-то — кто она?

— Своя...

Раненый тихо застонал и снова впал в забытие. Надя опустила на колени, осторожно отвернула на его груди порванный комбинезон и... отшатнулась. Рана — огромная, во всю грудь.

Рванулась было в дом, но сразу же раздумала. Чем Зина и мать помогут? Врача бы надо.

Вспомнила: Юзя Астрейка — медсестра! Живет по соседству, через два дома.

Упрашивать Юзю не пришлось. Выхватила из шкафа простыню, набрала каких-то пузырьков, ножицы — и за Надей на улицу.

Рану обработали быстро, перевязали.

Все это время раненый молчал, не стонал, хоть и был в полном сознании. И лишь когда Надя сбегала в дом, принесла кое-что поесть ему, тихо попросил:

— Сестричка, в кармане документы... Возьми, спрячь...

Удостоверение красноармейца Нечая Николая Яковлевича, комсомольский билет, три червонца...

Куда спрятать? В доме могут найти. Закопать?

Прошла в дом, пошарила по полкам, ящикам. Вот — коробка из-под монпансье, чем не «сейф» для документов.

Заодно и свой комсомольский билет спрячет. Достала, развернула... Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи. Лисовец Надежда Иосифовна. Год рождения — 1914. Время вступления — 1929. Время исключения — 1936-й... Но об этом пометки в билете нет.

Надя вздохнула.

Работали они тогда с мужем в научно-исследовательском институте дорожного строительства. Это было время, когда только-только обнародовали положение о выборах. И вот в отделе зашел разговор — один инженер высказал недоумение: прямое голосование — понятно, а почему тайное? Привыкли на собраниях голосовать поднятием рук, а тут — тайное.

Через несколько дней в райкоме комсомола — по Московской, на горке у Западного моста — собрался актив. Повестка дня — о бдительности. В прениях взял слово группорг Яша Либман: «Я ждал, что выступят Борис Грабовский и Надежда Лисовец, расскажут, какие разговоры ведутся у них в отделе. Вражеские

разговоры! Потеряли товарищи комсомольцы бдительность...» И тут же, на активе, их исключили. Потребовали отдать билеты. Пока растерявшийся муж шел к столу президиума, Надя сообразила, соврала: нет с собой билета, дома оставила.

С тех пор минуло вот уже пять лет. Надя продолжала жить комсомолкой, хоть в списках не числилась. Где он теперь, их сверхбдительный группорг? Посоветовал бы, как быть, что делать сейчас комсомолке Надежде Лисовец...

Две недели выхаживали танкиста в малиннике. И выходили. Подняли на ноги. А потом и проводили:

— Иди на Лошицу. Так надежнее.

Улыбнулся танкист:

— Дай Бог свидеться...

Кто бы мог подумать, что спустя тридцать два года бывший танкист Нечай приедет поездом дружбы с Украины в Белоруссию, разыщет Надю...

Вовремя ушел он. Ушел в ночь, а наутро во дворе дома Лисовцов встали на постой немцы. Потрепали их на фронте, в Минск на отдых прибыли.

...Неподалеку заревели моторы. Чего-то фашисты всполошились в ночи, горланят встревоженно.

Надя слезла с подоконника, закрыла створки окна. Время, видно, за полночь уже, в доме давно спят все. Вот развспоминалась Надежда!..

Перетряхнула в памяти день за днем все эти три месяца без малого — и тошно на душе стало, тревожно. Рождалось предчувствие чего-то такого, что должно было повести к переменам в ее жизни.

Пришел Степан Заяц. Был он их дальним родичем, до войны работал в Минском райисполкоме. Чернявый, кряжистый. Надя всегда говорила — на Кирова похож.

— Здравствуй, Екатерина Демьяновна, — обнял он за плечи мать. — Привет твоему потомству — и детям, и внукам. Мир дому вашему!

Наде не по настроению пришлось его веселость. О каком мире говорит он, когда вокруг такая карусель! Набросилась на него:

— Мира желаешь? А кто воевать будет? Ты ж коммунист! Где вы все попрятались, в норы зарылись?.. Кто ж нам теперь подскажет, как жить-то дальше?..

Степан ошарашенно смотрел на нее. Потом повернулся к Зине, засмеялся:

— Зина, на цепь ее! Сорвалась... Фома неверующий!

Надя вспыхнула пуще прежнего:

— Верующий—неверующий... Чему нас верить-то учили? Как в этой песенке — могучим ударом, на чужой земле?.. Шапкозакидательство... Уж три месяца драка идет на нашей — слышишь? — на нашей земле! Минск сдали на шестой день... Где он — этот могучий удар?

И разревелась. Зина сгребла детей, облепивших Степана, выдворила из комнаты. Степан, увидев, что веселый тон его не принят, сел на табурет посреди комнаты, свернул сигарку.

— Работать тебе идти надо, — обратился он к Наде. — Читала приказ: всем на биржу труда? Вот...

— Подштанники этим гадам стирать?! — опять взорвалась Надя.

— Зачем же? — невозмутимо ответил Степан. — Попробуй в городскую управу устроиться. Пригодится, может...

Последнее его слово — «пригодится» — как-то сразу остудило ее. Посмотрела вопросительно на Степана. Но он спокойно раскуривал сигарку.

Мать и Зина вышли из комнаты — вроде как за ребятами присмотреть.

Степан поднялся, прошелся из угла в угол.

— Попрятались, говоришь, зарылись? Выла бы солдатом, знала бы: чем надежнее окоп, тем больше шансов выжить. А выжить — значит дальше воевать. Из окопов-то сподручней врага бить, чем на виду торчать. Иль не согласна?

Помолчав, добавил:

— А почему армия наша отошла?.. Не время сейчас судачить об этом. Другие дела есть. Так что давай отнесем разговор на после победы.

— Ты веришь в нее?

— А ты?

— Хочу верить...

— Вот и правильно.

Зачем приходил Степан Заяц, Надя так и не поняла. И не спросила. Потом узнала: к Жоржу Семенову, что по соседству жил, на Луговой.

Наниматься на работу в городскую управу Надя пошла в тот же день. Пошла не одна — с Алиной Красовской и Ниной Барановской. С Ниной зналась три университетских года — были соперницами в соревнованиях по лыжам. Худенькая, высокая, она всегда занимала первое место, Надя — второе. Нине сейчас бы учиться уже на пятом курсе исторического факультета.

В управе им отказали, направили на биржу труда. А на бирже повезло: направили в управу, в подотдел строительного управления.

Пока искали этот подотдел, Надя с омерзением думала: откуда, из каких щелей повыползали эти люди? Чистенькие, гладенькие — на службе «нового порядка»...

Заведовала подотделом Анна Фабиановна Рабчинская.

— Лисовец, вы строительный техникум кончали?

— Кончала! — с вызовом ответила Надя. — Строить новый порядок будем?

Рабчинская улыбнулась:

— Нет, будем улицы расчищать, руины разбирать.

Черт возьми, улыбка-то какая обворожительная... Съездить бы по морде!..

Получили метлы, лопаты и — день за днем — расчищали, подметали улицы, выбирали из руин целые кирпичи.

Пришел срок и зарплату получать. Выдавала ее кладовщица Зина Мазалова — бывшая первокурсница мехфака политехнического института. Может, и неплохая девчонка, но относились к ней тоже враждебно: хоть и лопаты только выдает, да все равно — начальство! А раз начальство у фашистов — значит, не наш человек, чужак.

Расписываться в ведомости подруги не стали, поставили крестики.

— Неграмотные мы.

Зина Мазалова обиделась:

— Зачем вы так?..

Получили около двенадцати рублей за день, чуть больше оккупационной марки. Как раз на три сигареты.

А потом Надю вызвали к секретарю городской управы:

— Назначаетесь землемером.

Вот как, значит на повышение? Так недолго и карьере сделать.

— Какую же землю я должна мерить?

— Бывшую колхозную. Будете наделять землей в первую очередь лояльных новым властям.

Надя растерялась. Что делать? С кем посоветоваться?

Побежала к Нине и Алине. Судили-рядили и порешили: тиф!

Срочно «заболела» Надя. Лежала дома, закутавшись в тридцать свиток. Как хотелось, чтоб скорей Степан Заяц пришел! Он-то должен знать, что ей делать. Не могла она, никак не могла принять новую должность. Колхозную, советскую землю делить?!

Целую неделю «проболела», а Степан не шел.

На восьмой день пришла... Рабчинская.

— Здравствуйте, — услышала Надя ее голос в прихожей.

— День добрый, — ответила мать.

— Мне нужно видеть Надежду Лисовец. Вы ее мама?

— Тиф у нее, нельзя к ней...

— Я не боюсь. Где она?

Рабчинская решительно распахнула дверь, прошла, села на табуретку к постели.

— Как самочувствие?

Надя молчала, не зная, с чего начинать врать.

— Довольно притворяться. Я не враг вам...

И как-то естественно, по-домашнему стала рассказывать о себе. У нее такой же маленький сынишка, как и у Нади. Живет с мамой. Муж где-то воюет, наверное. Был секретарем партийной организации в политехническом институте.

— И не смотрите так, с ненавистью, на всех, кто пошел работать. Ведь вы тоже работаете, иначе нельзя. Так что же — кто-то должен и вас ненавидеть? Я только что узнала — вас посылали колхозную землю делить. Постараюсь что-нибудь сделать для вас.

И она постаралась. После «болезни» Надя стала городским землемером. Многие дома в городе сгорели, земельные участки пустовали. И вот — сидела в город-

ской управе, принимала посетителей. Но все равно — уж лучше бы улицы подметать...

А руины на улицах все больше и больше косили оккупантов. То в одном конце города, то в другом гремели выстрелы, ухали взрывы. Не трудно было догадаться, что бьют из тех окопов, о которых говорил Степан Заяц.

Но почему же она, Надя, не в тех окопах?!

АУСВАЙСЫ НА ДОРОГЕ НЕ ВАЛЯЮТСЯ

Засунув озябшие руки в карманы кожаного пальто, Надя неторопливо, как и Герасимович, шагала вдоль заборов и заборчиков по своей Оранжерейной. Николай Филиппович ни дома у себя, когда она за ним пришла, ни сейчас, по дороге, не спрашивал, зачем его хочет видеть Степан Заяц. Шел спокойно, будто на работу. Говорил, конечно же, не о том, о чем думал. Что вот весна нынче нерешительная, что у них, железнодорожников, зарплата — не зарплата, кот заплакал, справлялся о здоровье Надиной матери.

Тоже, как и Степан, скрытничает...

Фашист, переименованный в Жучку, твякнул на незнакомого человека, но, сторожко обнюхав Герасимовича, вроде с пониманием отнесся: не чужак. Подался в сад по своим собачьим делам.

Наде тоже пришлось торчать в саду, сторожить, не появился бы сторонний человек. Как и в прошлый раз, когда Зинин муж, Вася, по просьбе Степана привел в дом брата Воронкова — Максима. До войны тот работал в милиции, жил под Лошицей. Его еще разыскивать надо было: остерегался ночевать дома.

Степан, как и с Максимом Воронковым, шушукался с Герасимовичем в столовой один на один. Надю это бесило: не доверяет? Но почему?..

Через полчаса Герасимович — такой же спокойный, несуетный — ушел, провожаемый уже доброжелательным Фашистом-Жучкой. Надя тотчас вошла в дом, собралась немедленно высказать Степану свою обиду. Но тот не дал ей и рта раскрыть:

— По соседству с вами живет полицаи — знаешь его?

— Знаю...

Полицаи этот, молодой, лет тридцати, приженился здесь, на Луговой, живет безбедно, в отличие от других — интеллигентный...

— Сходи, пожалуйста, передай ему, что я тут.

— Полицаю?!.

Степан посмотрел на нее так, будто сказать хотел: «Ну как ты не понимаешь!» Подошел, обнял за плечи.

— Он учитель. В полиции — по нашему заданию.

Надя сжалась вся — наконец-то Степан введет ее в круг своих друзей и дел.

Будто разгадав ее мысли, тот сказал:

— Закон подполья: я верю тому, кто борется рядом со мной, но это не значит, что он обязательно должен знать меня в лицо. К провалам ведут не только ловкачи из СД, но и случайности. И еще: не каждый может выдержать пытки в фашистских застенках. Поэтому ты знаешь только меня, а я — только его... Значит, в случае ареста кого-то из нас цепочка в руках палачей наверняка порвется и оставшиеся на свободе продолжат борьбу.

Помолчав, тихо добавил:

— Тебе — верю. Иначе не приходил бы сюда. И не посылал бы почтарем к таким, как этот «полицаи».

Свидание с полицаем длилось считанные минуты. После того, как тот ушел, Степан снова уединился с Надей.

— Кто ходит в начальстве в городской управе? Можешь ли ты дать самые подробные характеристики на них?

— Всех не знаю. Но постараюсь узнать.

— Каким образом?

— В промышленном отделе работает Мария Контуш — с ней у меня добрые отношения. В архиве — Наташа...

— Давно знакома с Наташей?

— Когда еще землемером работала...

Надя рассказала и историю знакомства, и предысторию. Одной еврейке Наташа вместе с подругами «обновила» паспорт, и та из Розы обратилась в Веру. Но однажды Розу кто-то опознал, последовал арест. В это же время арестовали и Наташу, по доносу: в ее квартире ночевал подозрительный мужчина. Как потом узнала Надя, «подозрительным» был подпольщик Владимир Омелянюк. Наташе удалось выкрутиться, притворилась девицей вольного поведения, которой совсем безразлично, кто из мужчин бывает у нее, лишь бы красивый да угостить мог.

— Однажды подходит она к окошечку моей землемерской конторки и спрашивает: «Вы Надя Лисовец?» И рассказала, как сидела в тюрьме вместе с Розой-Верой, как били ту... Привет от нее передала и слова: «Пусть Надя не боится, я не выдала ее».

Надя вдруг оборвала рассказ, улыбнулась:

— И на меня характеристика требуется? Ведь я тоже вроде в начальстве хожу — уже десятник.

— Нет, на тебя, если понадобится, сам напишу. А вот на других — постарайся сделать побыстрее.

— Постараюсь.

Через день Надя снова встретилась со Степаном, передала ему стопку исписанных листков. Степан не стал читать, положил в карман, похвалил скупо:

— Молодец.

— Трудилась в поте лица.

— Еще одна просьба. Надо аусвайсы достать. Три-четыре штуки.

— Хоть десяток!

Степан смотрел на нее вопросительно.

— Так уверенно говоришь, будто в запасе у тебя...

— Точно, в запасе.

Эти грязно-зеленые обложки-книжечки — аусвайсы у Нади действительно водились. Как десятник она отвечала за табель, расставляла рабочих по местам их «службы» — лед скалывать на тротуарах, разбирать руины-завалы, посыпать песком улицы. Учет рабочей силы вести было нелегко: одолевала текучка. В один день придут все восемьдесят рабочих, в другой — и половины нет. Текучка эта объяснялась тем, что, во-первых, работа оплачивалась нищенски, во-вторых, украсть у немцев на таком «производстве» было нечего: ломтики, лопаты да кирпичи...

По субботам Надя отмечала в аусвайсе каждого рабочего: был на работе. И шла в управу к секретарю строительного управления, чтобы тот аккуратно круглой печатью «подтвердил» эту ее отметку. В понедельник — на очередную неделю — Надя подавала списки на восемьдесят рабочих, фамилии их вписывались в чистые бланки. Аусвайсы подписывал тушью шеф биржи труда. Меньше людей выйдет на работу — чистые бланки остаются. Значит, кого-то можно наделить этим пропуском, заявив его чернорабочим в списках и в табеле. Документ чистенький, без подделки... А главное — случись что — не проверишь. Каждую неделю — новые фамилии, попробуй упомнить все.

Степан Заяц обрадовался этому ее рассказу так, будто Надя снабдила его целым вагоном взрывчатки.

— Что ж ты молчала до сих пор?!

— А ты не спрашивал...

— Сейчас я тебе назову фамилии трех человек, которым позарез нужны аусвайсы. Как только оформишь все, тотчас, сегодня же, забудь их...

— Сегодня не управлюсь. На аусвайсах требуется еще штампик. Немцы и полицаи на всех постах особенно обращают внимание на этот штампик — букву «К», часто меняющую свой цвет: красная или черная тушь.

— Кто же тебе организует это?

Надя заколебалась. Но тотчас решительно и даже весело ответила:

— Ты знаешь только меня, а я — только его. Твои слова?

Степан засмеялся:

— Конспира-атор... Молодец!

— Приходи через три дня. И чтоб в паспортах были эти же фамилии.

— Это я знаю...

Аусвайс каждому необходимо было иметь при паспорте, иначе — недействителен. А паспорт оставался наш, советский. Немцы доверяли советским паспортам больше, чем своим аусвайсам.

В понедельник Надя оформила пропуска этим трем товарищам. А штампик поставить не удалось. И она пошла к мужу своей подруги Вали Жодик — Нечаеву. Тот, имея, как и Валя, диплом института физкультуры, сапожничал на Червенском рынке. Сама же Надя и помогла ему «переквалифицироваться»: оформила в управе патент на частное предпринимательство.

Нечаев удивился ее приходу, но и обрадовался:

— Чего изволите, мадам? Обувку починить? Или модельные сообразить? А может, в аренду сдать этот шикарный дворец?

От широкой его улыбки будто и вовсе тесно стало в сапожничьей будке.

— Понадобится — ив аренду попрошу, — в тон ему ответила Надя. — Только на свидание не с тобой, верзилой: полбудки занимаешь.

— Мадам! Достаньте строительных материалов — и я отгрохаю такие апартаменты!..

— Я подумаю об этом на досуге, — засмеялась она. — Но сегодня я пришла с другим заказом... Мне ювелир нужен, не сапожник.

Заказ был выполнен ювелирно. Нечаев быстро и ловко вырезал из сырой картофелины штампик с буквой «К». И красная тушь в запасниках у него нашлась.

«Прорепетировали» на обрывке тетрадного листа. Получилось чисто. Тогда проштамповали аусвайсы.

С этого дня «шикарный дворец» Нечаева нередко сдавался в «аренду» для свиданий тем, кто в этом нуждался, а сам хозяин продолжал «ювелирничать» в аусвайсах, которые приносила ему Надя для отметок, когда контрольная буква «К» по указанию немецкой жандармерии меняла свой цвет.

Потом Степан Заяц добавил поручений: приходил к Наде и просил «сбегать» на ту или иную улицу, посмотреть, кого вчера или сегодня повесили немцы, нет ли среди них знакомых... Это были самые страшные поручения, самые жуткие зрелища.

Все чаще и чаще гремели взрывы, выстрелы в Минске. И на каждый взрыв, на каждый выстрел немцы отвечали виселицами.

Однажды мать пошла с соседкой в церковь, что открылась на Интернациональной. Пока просили господ Бога о ниспослании на землю мира и согласия, на

улице, против церковных дверей, выросли виселицы. Вышли молящиеся после обедни и обмерли...

Домой мать еле добралась.

— Злыдни, антихристы, убийцы...

Знобким мартовским вечером, когда до комендантского часа времени оставалось самая малость, в дом кто-то сторожко постучался.

Дети спали. Зина прошла на кухню, зажгла лампу, что делалось из-за экономии керосина редко.

— Кто?

— Свои, Зина, свои.

Надя узнала голос Степана. Что-то в неурочное время пожаловал... Подхватила с постели, быстро надела халат, вышла в кухню.

Степан Заяц был не один. С ним — рослый, средних лет светловолосый мужчина. С шапкой-ушанкой в руках.

— Можно переночевать у вас товарищу?

Степан не спрашивал, а вроде бы ставил в известность: так, мол, и так — надо.

Когда светловолосый снял, повесил на вешалку изрядно потрепанное пальто, Степан, потирая озябшие руки, сказал:

— Вот так, значит, сестрицы, познакомить не могу: не для знакомства время... Но и скрывать не буду: товарищ — из леса, партизанский командир. Приютите до рассвета?

До рассвета Надя не сомкнула глаз. Вот она — возможность уйти в лес, взять в руки оружие, чтоб бить, убивать проклятых вешателей. До мелочей продумала все. Сына, Валерку, оставит на попечение Зины и матери — где четверо, там и пятый! С работы уйдет прежним путем: тиф! А потом и справку можно достать — похоронена там-то и тогда-то...

Но с рассветом Степан похоронил все ее расчеты:

— Дом ваш — это наша крепость, за стенами которой всегда можно укрыться. Хватит и так вам риска — трем бабам да детишкам мал-мала меньше... Кроме того, аусвайсы твои, Надежда, на дороге не валяются. Здесь, в городе, такой чистый пропуск почище автомата в лесу может стрелять. Понятно?

Головой-то понимала, да сердцем принять не могла.

— Ну, вот что! Это — приказ. А солдаты приказы не обсуждают.

Первым из дома ушел Степан. Через десять минут — его товарищ из леса.

Он, товарищ этот, еще не раз будет гостем здесь. А вот Степан...

Последний раз Надя увидела его где-то спустя неделю.

Вероятно, он шел к ним. Их дом под номером 23 был последним в Оранжевой. Дальше — Свислочь.

Обмерла Надя, когда увидела его из окна. Степан стоял, поднимая руки, а трое здоровенных детин шарили у него по карманам.

Родилась надежда: а вдруг это... то, что стало уже обычным делом на минских улицах — среди бела дня останавливать прохожего и выворачивать карманы в поисках сигарет.

Ну, вот, опустил Степан руки. Говорят о чем-то, вроде спокойно. Потом он, кивнув на Надин огород, пошел от этих троих.

А чего они стоят, ждут? Почему не уходят? Почистили карманы и... Что еще надо?

Степан прошел огородом на отшиб, к уборной.

Трое стоят, смотрят... Не боятся, что убежит. Да и куда бежать-то? В Свислочь прыгать? Невелика речка, но пуля враз достанет...

Как родилась надежда зыбкой, так и умерла тотчас. Это — арест. Степан вернулся к троице верзил, зашагал впереди них. Под конвоем.

Ни разу не глянул на окно Нади.

Что делать?

Будь в доме хоть какое-то, пусть самое завалющее оружие, она знала бы, что делать. А тут — как в пустыне. И улицы, и дома, и люди, а не побежишь, не позовешь на помощь.

Скрипнула, будто вскрикнула, калитка. Надя бросилась к окну: кто?..

Вася, едва переступив порог, выпалил:

— Степана арестовали! Видел, как вели его по нашей Оранжевой.

И снова калитка вскрикнула. И снова Надя метнулась к окну.

Пришла Лида Валах — двоюродная сестра Жоржа Семенова.

— Арестован Жорж!

Бог ты мой, и эта с вопросом: что делать?

— Пошли!

— Куда?

— Не знаю... Может, на Беломорскую? Предупредить жену Степана. За что арестовали? Может, случайность?..

Пройдет много-много лет, прежде чем люди вырвут их дела из темного небытия, осветят ярким светом. Надя часто будет заходить в музей истории Великой Отечественной войны, что вырастет на Центральной площади Минска. Будет читать-перечитывать скупые, взрывающие прошлое строки:

«СИ. Заяц (Зайцев) — член комитета (ноябрь, декабрь 1941 г. — март 1942 г.), один из организаторов подполья в районе Комаровки. Член КПСС. Рас-

стрелян в мае 1942 г. Посмертно награжден орденом Отечественной войны I ст.».

«Г.М.Семенов (Жук) — член комитета (ноябрь, декабрь 1941 г. — март 1942 г.), один из организаторов подполья в Октябрьском р-не. Член КПСС. Казнен фашистами в мае 1942 г. Посмертно награжден орденом Отечественной войны I ст.».

«Н.Ф.Герасимович — хозяин явочной квартиры. Ремонтировал оружие для партизан. Повешен 7 мая 1942 г. Посмертно награжден орденом Отечественной войны I ст.».

Великой Отечественной...

БОМБА НЕМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Он пришел днем. Спокойный, улыбчивый. Будто город жил не в хмуром сорок втором, а еще в сороковом. Ни на улице, ни в доме спокойных теперь не встретишь, а он... как из кино довоенного.

— Надя, есть поручение. Сходи на Комсомольскую. На углу с Интернациональной тебя встретит белобрысый паренек — Володя, кое-что передаст.

— А как я его узнаю? Белобрысых — пруд пруди.

— Он тебя узнает. Все, что передаст, принесешь домой.

Надя надела плащ, заглянула на кухню, чтоб сказать матери: «Я скоро...». И вышла из дому.

Эти майские дни выдались прохладными. А может, не от прохлады, а страх обуял — все внутри мелко, противно подрагивало. И чтоб приглушить этот тихий озноб, Надя стала думать о порученце из леса: «Тоже, небось, коленки дрожат, когда в Минск идет середь бела дня, а вот поди ж ты — спокойный...». Ни имени, ни

фамилии, даже клички его подпольно-партизанской она не знала. Но в дом к ней его привел Степан Заяц. И еще — Степан сказал: «Из командиров он...».

Свернула с Советской на Комсомольскую, а озноб уже — чечетку зубы выбивают. Утишила шаг: до Интернациональной — сотня метров, и надо всматриваться в белобрысых. И немцев — прорва, и вроде каждый глазами ее ощупывает.

Во встречной толчее заметила парня — в форсистой куртке. Да нет, не он. Насвистывает беззвучно, размахивает в такт воображаемой мелодии свертком — рулоном газет, будто тросточкой.

Бросила взгляд дальше, вперед: где ж он, этот белобрысый Володя?..

— Надя?

— Да-а...

Он не дал ей ни испугаться, ни удивиться:

— Я Володя... Это вам.

Володя стоял с ней считанные секунды. Словно остановился, чтоб только поздороваться.

— Привет друзьям!

Улыбнулся светло, распахнуто и пошел той же дорогой — к Советской, все так же беззвучно насвистывая.

Сверток жег Наде руки. Свернув за угол Интернациональной, к Республиканской, она запихнула его под плащ.

А вдруг бомба? Рванет неурочно — душа к облакам...

С этим ощущением и летела домой.

Прилетела, вытащила не дыша из-под мышки сверток, тихо, не стукнуть бы, положила его на стол.

— Вот ваша... бомба замедленного действия.

Человек из леса посмотрел на нее со своим светлым спокойствием, как-то смешно хмыкнул. Уверенно взял сверток, резко развернул. Надя застыла в удивле-

нии и разочаровании: на столе лежала большая стопка газет — маленьких, однолистных.

— Верно сказала. Огромной силы заряд заложен здесь. Только действия он — немедленного.

В комнату влетел Олег. Что-то хотел поискать, подошел к шкафу. Но Надя быстренько выпроводила его:

— Погуляй, погуляй малость.

Обратилась почему-то шепотом к лесовику:

— Можно — посмотрю?

Он рассмеялся:

— Посмотри. Оставить не могу. Ни одного экземпляра.

Надя подошла к столу, села.

«Звезда». Орган Горкома КП(б)Б.

Никогда с такой вот жадностью — острой, захлеб — не читала она газет. Пробежав дыханием по прыгающим строчкам первой заметки, оборвала чтение, начала сызнава — с заголовка, только бы не упустить чего-то важного, стреляющего каждым словом. «Звезда» — родная белорусская газета — вышла в Минске! В городе, где каждая улица, дом, камень, травинка — под жандармским рентгеном...

Сначала строки дрожали мелкой дрожью, буквы — как кочки, на которых глаза то и дело спотыкались, успевая лишь каким-то боковым зрением ухватить смысл, то, что туманилось между этими кочками, точками, запятыми... Потом строки успокоились, их уже можно было не только прочесть, осмыслить, но и заучить наизусть.

Сообщение и обращение редколлегии: «Товарищи! С сего дня Минский Горком КП(б)Б возобновляет издание своего органа — газеты «Звезда». Пишите в газету о жизни партизанских отрядов, о боевой их деятельности, об отдельных партизанах, проявивших себя в борьбе...»

Походя, не обрывая чтения, задала кому-то вопрос: «А куда же писать?»

Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении нового боевого ордена — Отечественной войны.

Новости с фронтов. Партизанские новости. Голос Якуба Коласа: «Беларусь, родная Савецкая зямля». Из обращения ЦК КП(б)Б: «Подымайтесь все, кому дорога наша Родина, на всенародную борьбу...». На первой странице — передовая, там, где и положено ей быть, — вверху слева: «Партизан! Ты видишь, на фронт тянутся немецкие эшелоны, груженные солдатами, боеприпасами и техникой! Взрывая железнодорожное полотно, мосты, пуская под откос составы — этим ты облегчишь наступление Красной Армии. Видишь телефонный кабель — рви его...».

Ну, вот... Взрывай, рви, пускай под откос! А Степан говорил — аусвайсы...

— Командир, возьмите меня в отряд, в лес!

— Могу! — так же решительно ответил лесовик. И уже тише: — И не могу. Я понимаю вас. Но и вы поймите: стреляют не только автоматы. Люди, которые выпустили здесь, в подпольном Минске, газету, нашу «Звезду»...

«Словно сговорился со Степаном...»

— ...считайте, взорвали такую бомбу, от которой немцы не скоро очухаются.

Много позже Надя узнает, что редактором этого первого номера подпольной «Звезды» был тот самый белобрысый парень с распахнутой улыбкой — Володя Омелянюк. И что спустя несколько дней после полу-минутного свидания с Надей на углу Комсомольской и Интернациональной он погибнет в короткой схватке с оккупантами. И что потом, когда отгремит Великая Отечественная, его имя, подвиг его люди назовут легендой. Именем Героя Советского Союза Владимира

Омельянюка нарекут улицу в городе, в котором он более трехсот тяжелейших дней и ночей шел к своему бессмертию.

БУДНИ

Сегодня Надя шла на биржу труда не по служебным делам. В сумке у нее вместо обычной пачки аусвайсов — на подпись шефу — лежали бутылка спиртного, два полновесных куска сала и масла. Шла выручать соседского парня — Генку Гриневича от отправки в Германию. Вся надежда была на небескорыстную помощь Ольги, работавшей на бирже в юношеском отделе. Надя знала, что отдел этот возглавляла немка, тоже не отказывавшаяся от подношений.

Ольга встретила ее — будто ждала. Спрятав бутылку в стол, усмехнулась:

— Хватит моей фрау и сала с маслом.

Ждать ее пришлось около часа. О себе, о том, что ставит себя под удар, Надя подумала потом уже, когда домой вернулась. А сейчас, в эти долгие шестьдесят минут, только и гадала: выгорит — не выгорит...

Лицо у вернувшейся Ольги излучало довольство: знай, мол, наших!

— Все в порядке. В другой раз, фрау говорит, чтоб к закуске этой добавкой спирт был.

В конторку свою на Володарского Надя пришла чуть не в праздничном настроении: доброе дело сделала!

Откуда ей было знать, чем обернется для нее это доброе дело...

Зина Мазалова — только Надя на порог — вскочила с табуретки, умоляюще протянула встречу руки:

— Помоги!..

— Что случилось?

— Подружку в Германию отправляют!

Надя даже чертыхнулась:

— Не могла вчера сказать?!

— Ее сегодня утром забрали.

— Вот тебе и добавка!..

— Что?

Глянув на Зину, поняв ее недоумение, Надя задумчиво произнесла:

— Спирт нужен. Добавкой к закуске — салу, маслу...

Мазалова еще больше растерялась:

— Да где ж его, этот спирт, достать?

— А черт его знает, где достать! Только — надо...

Надя знала: перед отправкой в Германию немцы держат молодежь два-три дня взаперти, пока не наберут сколько надо.

— Утро вечера мудренее...

К полудню, управившись с делами, Надя заторопилась домой. Сердце что-то заныло. Бывает такое — то ли в предчувствии беды, то ли просто нервы...

Завидев мать в огороде, остановилась у калитки, не в силах произнести ни слова. Только смотрела вопрошающе-требовательно: «Ну, скорей — что случилось?»

Мать медленно вытерла о подол юбки руки, подошла и — с тем же вопросом:

— Что случилось?

Отлегло от сердца.

— Ничего... А дома?

— Слава Богу...

Да, нервы стали сдавать. Особенно после ареста Степана Зайца.

— Приходил Петька Лагута с каким-то хлопцем, я сказала — на работе ты. Бутылку оставили, на кухне...

Надя прошла в дом, в кухню. На столе стояла поллитровая бутылка. Что-то коричневое. Попробовала на

язык — огнем обожгло. Схватила кружку воды, прополоскала рот — не помогло. Зараза какая-то...

В кухню вошла мать.

— Адрес они свой оставили. Вот...

Пробежав глазами две карандашные строчки, Надя тотчас заспешила к выходу. Раз Петька Лагута завернул к ним, значит, неспроста. Давно не бывал.

Адрес привел на какой-то склад, сплошь заставленный бутылками, канистрами, склянками.

Лагута встретил ее радостной улыбкой:

— Сколько лет, сколько зим!

На табурете сидел Жора Фалевич. Надя знала, что этот худой высокий парень учился на химфаке университета. И жена Лагута — студентка химического факультета. Отсюда, верно, и дружба у Петьки с Жорой.

— Ну как, однокашница, жива-здоровая?

— Чего приходили к нам?

Петька обернулся к Фалевичу:

— А что — незваный гость хуже татарина? Посидеть с тобой хотели, чарку-другую пропустить за то, что живы.

— Заразу какую-то принесли, язык обожгла.

— Это в бутылке-то?

— В бутылке.

Парни снова переглянулись, расхохотались.

— Да это ж перцовка — на чистом спирту!

Воистину — неисповедимы пути господни. Жора Фалевич работал в аптеке, Лагута — здесь, на складе аптечном. Жора-то, понятно, — химик. А этот — геолог...

О жизни, о работе — разговор с шуточками-прибауточками, будто вовсе неинтересная тема. Иль запретная? Больше вспоминали практику на Кавказе. Как же давно это было!..

Поговорили — лучше бы не говорить. Это ж как со света во мрак — снова на улицу, где все черным-черно...

Вчера Надя снова ходила к виселицам, посмотреть, нет ли знакомых. Теперь уже не для Степана Зайца — нет Степана! — смотрела. Для лесовика...

От Лагуты и Фалевича шла домой с подарком — бутылью с рыбьим жиром.

— Для Василия.

Петька знал, что у мужа Зины — туберкулез.

— А это на всякий случай, мало ли... Только смотри — не попадись.

В картонке — бинты, вата, йод.

«Смотри — не попадись...». Что это — просто предупреждение или?.. Догадывается о ее связях с лесом?

Об этих связях он и потом не спрашивал ее никогда. Она ли к нему приходила, он ли к ней заглядывал — передаст медикаменты, предупредит: не попадись.

А в лесу бинты нужны были как хлеб.

Думала тотчас обрадовать домашних рыбьим жиром, да пришлось повременить. Дома Надю ждала Лида — сестра Васи, что была замужем за Василием Воронковым. Как и Надя с сыном и племянниками, не успели Воронковы эвакуироваться летом сорок первого.

Лида, сославшись на то, что заждалась, домой пора уже, попросила Надю проводить ее до калитки. А у калитки шепнула:

— Максим из лесу пришел, просил аусвайс...

Максим Воронков давно уже обосновался в партизанском отряде, Надя догадывалась: с помощью Степана Зайца.

— Погоди минуту.

Вернулась в дом за чистым бланком аусвайса, потом вместе направились на Червенский рынок, к Нечеву. Сапожник по-прежнему ювелирничал для Нади.

А вечером... Пришла-таки беда. Не ошиблось сердце, заняв в полдень нехорошей болью.

Худую весть принесла Настя Тылиндус. Она по-прежнему жила в своей деревне, в Климовичах, но в Минск изредка навевывалась, хоть дорога сейчас — не приведи господи. Немцы зверели день ото дня.

— Генку арестовали! — всхлипнула она от порога. Вдохнула сухо, охрипши после уже выплаканных слез.

— Ермолинского?!

Настя не ответила. Установилась незряче в какую-то точку в окне...

Все утро Надя только и думала об Ермолинском, своем университетском однокурснике. Шла на службу, полчаса разнаряжала по участкам рабочих — расчищать улицы, еще полчаса брела на биржу — просить за подругу Зины Мазаловой, а Генка Ермолинский — занозой в сердце. Будто вот, рядом, шагал с ней — шумливый, улыбающийся. Как живой-

Надя даже вздрогнула от этого «как живой». Может, жив еще, а она хоронит... Но тут же вздохнула тяжело: арест — это конец, конец!

Ольга встретила ее по-деловому равнодушно, хоть вроде бы и удивилась:

— Опять?

— Опять.

Глаза ее вместе с Надиными руками жадно шарил в сумке: что сегодня принесла?

Подарок Петьки Лагуты и Жоры Фалевича — бутылка спиртной перцовки, как волшебный «сезам», отворил двери на свободу молодой дивчине. Черт возьми, как недорого ценится жизнь человека в этом сволочном мире «нового порядка»!..

Вернулась Надя в контору — Зина Мазалова сразу к ней, будто знала уже все:

— Как мне отблагодарить вас?

— А ты мне похвальную грамоту выдай! Так, мол, и так — управа награждает Лисовец за ее нелояльное отношение к «новому порядку», выразившееся в обмене бутылки на человека...

Но, увидев глаза Зины, Надя сказала серьезно:

— За что ты меня благодаришь? Иль сама никогда добро людям не делала? — И еще тише добавила: — А подружке своей посоветуй не сидеть наседкой на гнезде в ожидании, когда снова погонят. Пора самой выбирать дороги...

Такие, как Генка Ермолинский, не сидят сложа руки. Дороги ли, тропинки — выбирают правильные.

К Лисовцам пришел отец Жоры Фалевича — такой же, как сын, высокий, худой — и плакал, спрашивал Надю: может, письмо какое немцам написать, может, отпустят?..

Не отпустят.

Руководителя подпольной группы, комсомольца Г.Г.Фалевича, передававшего партизанам оружие, медикаменты, распространявшего подпольную литературу среди населения, фашисты расстреляют 15 сентября 1942 года.

В ЛЕС, В ПАРТИЗАНЫ...

Прибежала Алина Красовская:

— Надь, помоги!

Наказав Зине Мазаловой принять в конце дня у рабочих лопаты-ломики, Надя вывела Алину из конторы.

— Что стряслось?

— Эдик был арестован...

— Когда?

— Да уже неделя как...

Навстречу, вниз по Володарской, шли, раздевая их глазами, трое фашистских унтеров. Надо сойти с тротуара, таков указ оккупантов.

— Чем же я помочь могу, Алинушка? Ведь не гауляйтер я, приказы мои недействительны...

— Да он уже на свободе!

Пока шли к ее Гомельскому переулку, Алина сбивчиво рассказывала. За что брата арестовали, она не знает. Но вот сегодня — счастье-то! — Алина от Эдика записку получила. В семь-восемь часов вечера он ждет ее на шестой версте Могилевского шоссе.

— Что еще в записке?

— Больше ничего.

— Надо ехать.

— Боюсь я одна. Поедем со мной, а? Возьмем велосипеды и...

Взяв дома свой велосипед, матери и Зине Надя сказала только:

— К сумеркам успею.

А они и не спрашивали — куда? Привыкли.

Из города выбрались благополучно и в назначенное время были на шестой версте.

Но верста — понятие, растяжимое на тысячу метров. Где ждать?

Сошли с велосипедов, медленно побрели по обочине — вперед, к седьмой версте.

И когда шестая, по их шагам, завершалась, когда уже вконец отчаялись встретиться, из придорожного ельника услышали спокойный голос:

— Алина! Здесь я.

Алина вздрогнула, бросила велосипед, метнулась в ельник.

— Стой! — Надя схватила ее за руку. — Пройдет машина — тогда.

Машина прошла с полным кузовом гитлеровцев. Сидели хмурые, даже не повернулись, не посмотрели на стоявших обочь велосипедисток. Надя усмехнулась: верно, партизаны испортили настроение. Да и от Сталинграда все еще никак не очухаются...

Алина, едва брат вышел из ельника, повисла у него на шее, всхлинула. Надя, неотрывно следя за пока пустынным шоссе, строго проговорила:

— Объятия отменяются. И место, и время весьма неподходящие. Оставляем велосипед. Нам с Алиной и одного хватит... Домой тебе, Эдик, ехать нельзя, давай к нам, на Оранжерейную. Там и обговорим все... На шоссе не надейся, тихие тропки выбирай, чтоб на посты не нарваться. — И улыбнулась: — Побрить бы тебя, да бритву не сообразили прихватить.

Дома ждали его, волнуясь, долго. Уже сумерки сгустились, комендантский час пробил, а его все не было.

Уложив спать сына, потом племянников, Надя вышла с Алиной, дрожащей от нетерпения и тревоги, в сад. Рядом вертелся ласковый Жучка-Фашист.

Пес первым и услышал шуршание велосипедных шин. Зарычал тихо, но гавкать раздумал, будто почуяв, что хозяйка ждет именно этого пришельца.

— С приездом! — улыбнулась Надя, когда Эдик вкатил велосипед в калитку.

— Встречаете? Почему цветов не вижу, оркестра не слышу? — сбалагурил Красовский.

— Может, сперва бутерброд с икрой, рюмочку коньяку? — в тон ему спросила Надя.

— Согласен на картошку в мундире.

И мать, и Зина с Васей встретили Эдика так, будто он здесь, в их доме, в семье жил безвыездно с малолетства, только неделю назад отлучился по делу.

Сначала были картошка, Васина бритва под копилку. А потом уж разговор.

— За что арестовали? Зазевавшегося фашиста в руинах кирпичом отправил на тот свет. Почему меня не повесили? Может, к тому часу ни одной виселицы вакантной не оказалось... Одним словом, отправили меня в лагерь. А из лагеря — в персональном автомобиле. Шоферу понравился, он и вывез меня с мусором. По-королевски. Только вот мусор шибко вонючий был, а так ничего...

Красовский, рассказывая, балагурил безостановочно. Он был так же красив, как и его сестра. А по характеру — полная противоположность. Алина — серьезная, рассудительная, а он...

— Ладно, красавец Красовский, будем считать — повезло тебе, — сказала Надя, когда они остались в комнате вдвоем. Алина больше молчала, только ластилась и ластилась к брату. — А что ж дальше?

— Дальше? — переспросил он. И решительно: — Буду и дальше заниматься отправкой фашистов на тот свет. Лучшего занятия сейчас не вижу.

— Кирпичом?

— А ты можешь предложить способ поинтеллигентней?

— Надо подумать, — уклонилась Надя от ответа.

— И долго думать?

Кто ж его знает — долго ли, недолго? Придет в очередной раз лесовик, с ним и подумаем. Но сказать Эдику об этом Надя не сказала. Не могла.

— Утро вечера мудренее.

И улыбнулась про себя: эта поговорка, по всему, становилась для нее самой-самой.

А утро, которое вечера мудренее, не приходило долго. И все эти дни Красовский скрывался у Лисов-

цов. Оформлялись документы, с которыми он мог бы уйти в лес, если будет на то согласие из отряда.

Лесовика ждали целую неделю. А пришел — и ошастливил Эдика, согласившись взять в отряд.

Уходили они порознь, условившись о месте встречи. Алина прикатила на велосипеде — попрощаться. Надя плотно забинтовала Эдику живот и грудь... Эдик вроде как потолстел, плотно обмотанный бинтами: надежный способ переправить в лес новые подарки Петьки Лагуты.

— «Мститель», значит? Хорошее название отряду дали. Точное, — без обычной своей улыбки сказал он. И к Наде: — В долгу я у тебя. Чем долги берешь?

Надя ответила тоже серьезно:

— Хоть одного фашиста — за меня...

— Лицевой счет на тебя оформлю.

Сели, помолчали — на дорожку.

«Ну вот, — вздохнула Надя, — на место Жоры Фалевича, Генки Ермолинского в строй встает Эдик Красовский...».

Не знала тогда Надя, не могла знать, что в лес, в партизаны чуть ли не одной дорогой с Эдиком Красовским отправится Генка Ермолинский. Слух тот, год назад, о его аресте оказался ложным. Осенью сорок второго был арестован и казнен секретарь подпольного райкома партии Октябрьского района Минска Николай Константинович Корженевский, под началом которого Ермолинский работал в подпольной группе пожарно-сторожевой охраны плодоовощной базы, держал тесную связь с группой Жоры Фалевича. Видный минский подпольщик Евгений Иосифович Ермолинский после освобождения Белоруссии сражался в рядах Красной Армии и погиб в Восточной Пруссии весной 1945 года.

АРЕСТ

«Товарищ Лисовец Надежда Иосифовна со- держала явочную квартиру для партизан и под- полных партийных работников. Являлась ак- тивной участницей по вербовке лиц в партизан- ские отряды. Она осуществляла связь с партизанским отрядом «Мститель» и Логой- ским подпольным РК КП(б)Б. В начале 1944 года была арестована немецкими властями.

Бывший комиссар партизанского отряда «Мститель» и секретарь Логойского подпольн. РК КП(б)Б, Герой Советского Союза Тимчук ИМ. 9.8.45.»

Снега поднасыпало за ночь на добрую лопату, и Надя возилась поди уж с полчаса, расчищая дорожку от крыльца к калитке. Второй день нового, сорок чет- вертого года родился белей-белого, и радоваться бы ему, чистому, светлому, будь время иное.

На долгую, ох на долгую дорогу разбежалась война!..

Особенно тяжким был сорок третий год. Фашисты после своего поражения под Сталинградом и вовсе озверели — расстрелы, виселицы стали почти каждо- дневным их делом в Минске. Тысячи минчан были ра- стерзаны ими осенью, когда партизаны подорвали на mine гауляйтера Белоруссии Кубе — в конце сентября это было.

Тяжким был год. Но и надежд прибавил он людям. Красная Армия разгромила фашистов на Курской дуге, Украину почти всю освободили, значит, скоро конец и нашим мукам, часть Белоруссии уже очистили от погани треклятой.

Надя по-прежнему снабжала партизан аусвайсами, принимала их дома. Только осторожней стала, опыта нажила. Даже с подругами не всегда откровенничала, чтоб в случае чего не подвести их под удар.

...Сходив за водой, Надя села с матерью и сестрой завтракать. Мальчишек накормили загодя. Васи дома не было.

Зина поднесла ложку ко рту, да так и застыла, неотрывно глядя в окно.

— Надя, немцы!

Напротив дома затормозили две черные легковые машины.

«За мной», — будто горячая игла вошла в сердце.

— Зина, ты — Арцимовская, я Лисовец. Ясно?

Из машин высыпали пятеро — один в штатском, трое из СД, пятый — в желтом — из гебитскомиссариата. Ворвались в дом.

— Лисовец Надежда?

И тут же начали обыск. Шарили в шкафу, комод, в диване...

Олег и Павка подались было на улицу, но штатский автомат преградил им дорогу:

— Назад!

Мальчишки сгрудились в углу возле матери и бабушки. Хорошо, что Валерку-несмышлениша тоже пригорнули к себе...

Надя прошла в свою комнату.

— А ты ждала нас? — резко спросил один из жандармов.

Русское произношение довольно чистое, и Надя про себя отметила: «Переводчик». Хотя, собственно, зачем им переводчик, если этот здесь... Этот — в штатском, черный, как цыган, с золотым зубом — усердствовал в обыске больше всех. Потом, в тюрьме, она узнала: Колька Свист, из уголовников.

Вслед за ней в комнату ввалились четверо, пятый остался, видимо, сторожить.

Ввалились и тотчас встали как вкопанные. Перед ними — во всю стенку, вроде как коврик — географическая карта с огромным яркоалым СССР.

«Вот-вот, посмотрите! Одна шестая всей суши земного шара, — с удовольствием вспомнила Надя из школьного учебника. — Замахнулись — подавитесь...».

Переводчик подошел к карте, повел пальцем влево, вправо. Что-то сказал, Надя разобрала лишь два слова: Берлин, Москва.

«Ну-ну, Москву вам только и видеть, что на карте. Еще Сталинград, Орел с Курском, Киев найдите, о многом напомнят они вам...»

Обуявший вначале страх как-то поулегся, ожила надежда: а вдруг пороются, не найдут ничего — и повернут назад?

— Одевайся!

Натянула на себя лыжный костюм, надела пальто. Из шкатулки насыпала в карманы махорки. Проходя через комнату Зины, хотела снять с руки часы — Павке отдать, но гитлеровец вызверился:

— Шнель, шнель!

Коротко — глазами — простившись с родными, с Валеркой-кровиночкой, шагнула за порог.

Надя уже садилась в машину, когда Жучка-Фашист — бегал где-то по задворкам — рванулся к жандармам, залился злым-презлым лаем, схватил одного за сапог. Последнее, что мог он сделать в защиту хозяйки.

Ударил короткая автоматная очередь.

Эх, Жучка, Жучка, зачем, за что тебе дали такую кличку — Фашист!..

Машины натужно ревели, пробуксовывая в глубоком снегу. Немцы о чем-то разговаривали, не обращая

никакого внимания на Надю, словно бы ее и вовсе не было в машине.

И Надя попыталась отключиться от них, уйти в себя. Думать, думать, думать...

Больше двух недель она ждала этого ареста. «А ты ждала нас?» Да, конечно. Сначала хотела податься в лес. Раздумала. Ведь нужна она тут. Помнила слова Степана Зайца: ее аусвайсы не хуже автомата стрелять могут... А главное, если б могла она, как та пташка, отвести беду от своего гнезда. Уйди она в лес — всю семью перебьют, и детишек не пощадят, как вот Жучку-Фашиста.

Две недели не ночевала дома. То у Алины Красовской на Гомельском переулке пряталась, то у Зины Мазаловой на Северном. Хотя и понимала: не дома, так на работе возьмут.

И о причинах ареста гадать не приходилось.

Где-то в середине декабря из отряда пришли в город Генка Гриневич, которого она в свое время спасла от угона в Германию, и Костя Сенько. С заданием раздобыть для партизан соли. Мать Кости и Лида Воронкова вместе с хлопцами явились к Наде: аусвайсы нужны.

Аусвайсы у нее были — аккурат два. Но на один нужно было поставить печать, и она пообещала завтра поутру это сделать.

В своем строительном отделе аусвайсы Надя отдавала проштамповывать всем списком, не по отдельности. Как заполучить сейчас печать на один? Посоветовалась с Марией Контуш из промышленного отдела. Та сходу предложила:

— Давай я нашу прихлопну! Секретарша как раз на рынок отлучилась, попросила меня присмотреть за ее хозяйством, печать передала: вдруг понадобится, пока она в отлучке...

Мать отговаривала Надю:

— Не сносить тебе головы, с мальчишками связываешься...

Не послушалась...

Генка Гриневич и Костя Сенько напоролись где-то на немцев. Схватили их, и вот уже две недели кряду идут на Серебрянке аресты.

...Машины подкатили к трехэтажному корпусу медицинского института. Бывшего института.

— Выходи!

Зимнее утро и здесь было белоснежным. Рукой подать — альма-матер, корпуса ее родного университета. Тоже — бывшего...

— Шнель, шнель!

Толчок в спину. К крыльцу.

Колени дрожали. На лестнице то и дело спотыкалась. На самый верхний — третий — этаж...

Длинный, сквозной коридор. Втолкнули в большую пустую аудиторию, приказали:

— Носом к стенке!

И тишина. Густая, горячая, тягучая, будто уши варом залили. Надя обернулась на миг. У дверей стоял здоровенный верзила с повисшим на груди автоматом. Ноги расставлены широко, локти в стороны...

Мельком глянула на часы. Пятнадцать минут девятого.

Сейчас будет допрос. Бить будут. Пытать... Только бы не электричеством. Надя убедила себя: все выдержит, любую боль, только — не током... Почему?

Хотелось думать о доме, о сыне, а мысли как-то несуразно скакали далеко от дома. Кого еще арестовали?.. Как там Зина Мазалова будет одна на работе?.. Что я стану говорить?.. Конечно, расстреляют. Вернее, повесят... Мария Контуш... Ее не выдавать... Генка Гриневич и Костя Сенько... В сорок третьем, вроде,

ушли хлопцы в лес. В то время в отряд брали только с оружием, и они добыли его, подкараулив, убив на Червенском тракте, возле бани, повадившегося на свидания фрица.

Потом добыли еще один револьвер. Жутко вспомнить — выманили у Олега, Надиного племянника. Этот десятилетний шпингалет как-то нашел под мостом заржавевший наган и — никому ни слова — спрятал под фундамент сарая. А спустя полгода показал Генке Гриневичу. Худом могло все обернуться, найди наган немцы. И могли найти. Намедни они всю Серебрянку перетряхнули в поисках оружия.

Вечером это было. Оцепили район, прочесывали каждый переулочек, дом, хозпристройки. Надя, узнав об этом, помчалась домой. У нее был ночной пропуск, и ее пропустили через оцепление. Прибежала, схватила карманную магнитную мину, спрятанную под кроватью Валерки, выскочила в сад, за огород, швырнула в болото.

Во время обыска была спокойной, не ведая, что под сараем лежит Олега наган...

Назавтра все болотце облазила, обшарила, но мины не нашла. Куска золота так не жалела бы... Единственная возможность была самой — самой! — что-либо подорвать, и вот на тебе — собственными руками выбросила.

Откуда-то донесся душераздирающий крик. Надя вздрогнула. Пытают? Сейчас и ее... Мелкий озноб пробежал по всему телу, потом так стало колотить, что зубы сжала, чтоб не застучали...

Почему не вызывают на допрос? Почему медлят?

Глянув на часы, отметила: уже час, как стоит она лицом к стене.

...И еще час простояла. Страх измотал всю душу, тело. Ноги подкашивались, стенка перед глазами за-

плыла туманом, когда в коридоре затопали, закричали.

Распахнулась дверь, и в аудиторию втолкнули десятка полтора заключенных. Больше — мужчины. Измощенные, измученные, избитые. Их также поставили к стене. Но они не были столь покорными, как Надя. Огрызались на конвоиров. Один — низкорослый, кряжистый, лет сорока — повернул голову к Наде, улыбнулся:

— Новенькая?

— Да...

— Главное — никого не выдавать. Может, этим и спасешь себя. А начнешь, назовешь хоть одного — сильнее бить будут, чтоб и второго, третьего назвала. Первые дни стерпеть надо...

Спиной ощутила — дверь снова распахнулась.

— Лисовец! Выходи!

Кто вел ее по коридору — не видела. В ушах, раз за разом, будто молотком, отстукивал спокойный голос: «Первые дни стерпеть надо...»

Да, это вопрос. Чем же пытаться будут? В маленьком пустом кабинете только столик в углу. За столиком — смазливый, интеллигентного обличья офицер СД. На зеленом френче — ни пылинки, волосы прилизаны, только ближе к затылку короткий русый хохолок. У окна — тот самый «переводчик», что при аресте был. У двери — цыганистый Колька Свист...

— Подойдите к столу.

Вежливый.

— Снимите пальто, здесь жарко.

Колька Свист подбежал, стянул с нее пальто.

— Фамилия? Имя, отчество?

Переводчик переводил быстро. В отличие от офицера голос у него был какой-то сиплый.

— Где работаете, кем?

Ответила.

— Как давно?

Ответила.

А на столе лежали три аусвайса. Она их сразу узнала: один — ее, два — Генки и Кости.

— Кому давали аусвайсы?

— Ребятам с нашей улицы...

— Для чего?

— Попросили — я дала. Чтоб в Германию не взяли.

— Где достали?

— Лишние были...

— А печать? Кто вот на этом ставил печать?

— Не знаю. Секретарю строительного отдела все отдавала.

— Кого знаете из промышленного отдела?

Вот оно! Мария Контуш...

— Никого не знаю.

Пощечина... А вроде бы и руки, гад, не поднимал. Надя инстинктивно прикрыла щеку ладонью.

— Снимите часы.

Сняла. Он легко их принял, бросил в ящик стола.

— Кто в промышленном отделе ставил печать?

— Не знаю я...

Дикая боль пронзила шею. Из глаз — красные, желтые, зеленые огоньки...

— Кто ставил печать?!

И снова удар — резиновой палкой.

Надя отпрянула от стола, подальше от этого «вежливого» палача. Но куда здесь убежишь! Подскочил, одним ударом свалил ее на пол.

— Кто ставил печать?!

— В уборную...

— Что? — не понял палач. А дошло — кивнул Кольке Свисту: — Отведи!

Туалет был в конце коридора. Тридцать шагов — тридцать ударов плеткой. Колька Свист бил молча, остервенело. В конце Надя не выдержала, побежала...

Откуда, из какой щели выполз этот зверь? Понятно было бы — при немцах так вот измываться, зверствовать: выслужаться надо. А здесь ведь, в коридоре, немцы не видят...

— Выходи!

А как выйти — страх держит?

— Выходи!

Жгучая плетка гонит назад. К палачу...

Надя вбежала в кабинет. Не смотрит на палача, боится его вежливых глаз. Глядит поверх, на короткий русский хохолок...

Что еще они придумали?

Надевают на шею деревянный хомут-ошейник с железными шипами внутри, защелкивают. Без размаха — одной кистью руки — пощечина. Отшатнулась — шипы вонзились в горло, шею.

Красный туман...

Когда он рассеивается, Надя не видит в комнате ни переводчика, ни Кольки Свиста. Не видит и палача, он только угадывается каким-то чужим, боковым зрением. Лишь русский хохолок не уходит...

Исчезает хохолок. Его прогоняет новая, еще более жгучая боль. И опять — красный туман...

Сколько раз это повторялось: хохолок — боль — туман?..

За окнами уже сгущались сумерки, когда Надю вывели в вестибюль, где стояло несколько железных будок, похожих на кабины телефонных автоматов. В одну из них и втокнули ее.

Глухо, жарко. Рубашка слипается с исполосованной спиной. Ноги не держат. Прислонись к стен-

ке — словно током боль пронзает все тело. Надо попробовать сесть. Вот так, скорчившись, голову на колени...

«Первые дни стерпеть надо...». Сколько их еще будет — первых, вот таких? Сегодня она выдержала. Не назвала Марию Контуш. Доведись встретиться с ней — с чистой совестью взглянет в глаза.

Попыталась вспомнить Марию в школе, которую вместе кончали. Нет, не вспомнить. Надя училась на два-три класса впереди.

И не надо бы, наверное, думать сейчас о Марии. Выбросить, выветрить ее из головы! Неровен час, в беспмятстве всплывет ее имя. «Хоть одного назовешь — сильнее бить будут, чтоб и второго, третьего назвала...».

Колька Свист — садист... Как земля таких носит!

Она еще встретится с ним. После войны. Возьмут его — Филина Гордиана где-то в пятьдесят восьмом в Ейске, привезут на дознание в Минск. И будет очная ставка. Будет возмездие!

Если б знала она это сейчас, наверное, легче было бы дышать в глухой и душной железной будке...

...Ото сна ль, забытья пробудил резкий металлический щелчок. Кто-то смотрел в волчок. Потом скрежетнул запор будки, распахнулась дверь.

Ее вели в тот же кабинет. Значит, снова допрос, пытки. А за окнами — такой же белый-белый снег...

Все было, как вчера. Деревянный ошейник с железными шипами, резиновая палка, плетень.

Только крови было больше. На полу. Лужей.

— Вытирай!

Тряпки нет. Шарфиком.

Нагибалась, вытирая, а они снова били, били, и лужа снова набиралась, пока не расплывалась красным туманом...

Вечером — опять железная будка. Но радость сильнее боли: выдержала! Первые два дня...

Выдержала и третий. Хоть силы таяли, убывали. В будку, возвращаясь, уже не шла — несли волны того страшного тумана...

Потом была встреча с Генкой Гриневичем.

Встретились — не виделись.

Сначала она услышала песню. Генка сидел в соседней будке! Через две железные стенки слова не все доходили, но это был его голос, и пел он «Огонек», песню, пришедшую в Минск из леса, от партизан. «На позицию девушка провожала бойца...». Генка грустил грустью обреченного.

— Генка, — позвала Надя. И громче: — Генка! Песня оборвалась.

— Надя?..

От обиды снова захолонуло сердце:

— Что же ты, Генка? Что же ты...

Он не отозвался. Может, не расслышал?

— Били... Очень сильно били...

— Ты же мог сказать: в отряде достал аусвайс!

— Не сообразил... Били...

— Где Костя?

— Нету Кости... Умер. Ранен он был...

И Генка рассказал.

Как с Костей Сенько получили они в отряде задание пробраться в Минск, раздобыть побольше соли для партизан. Раздобыли, а вот вывезти в лес оказалось непросто. Мотались по улицам два дня в поисках машины, и все без толку. Наконец, перехватили грузовик. Одну заставу промахнули благополучно, а на второй... Шофер выдал. Заорал. Пришлось отстреливаться. Костю смертельно ранили, а Генку схватили, когда кончились патроны.

Лучше бы он последний патрон на себя израсходовал!..

— Надь, а у меня сегодня — день рождения...

Ох ты!.. Сколько ж тебе? Девятнадцать?..

Закричал охранник. Отпер дверь.

— Молчайт!

Ударил сапогом в живот.

Молчала.

Молчал и Генка.

Удивительное дело: еще минуту назад Надю душила обида на него, Генку, а сейчас... Разом, вдруг оттаяло сердце. Не враг же он! Дрался, пока силы были...

— Надь, прости ты меня...

Глух голос Генки.

Совість глушит.

— Простила уже.

Это его «прости» было последним. Больше она не слышала его.

...Четвертый день, пятый, шестой, седьмой. Все было так же, как и в первые три. Ошейник, плеть, боль, кровь... Но она уже уверовала: выдержит, ничего не скажет...

В тюрьму на улице Володарского ее бросили на восьмой день.

Когда втолкнули в камеру, Надя услышала какой-то умиротворенный женский голос:

— Ну вот и все. Теперь разве только повесят, а бить уже не будут.

К ней это было обращено или к кому-то другому, она не поняла. Да и думать-то невмочь.

Камера маленькая. Под потолком — тусклая лампочка. Единственное окошечко задернуто черным толем. Видимо, для светомаскировки. На нарах, вповал, более двух десятков женщин.

— Надя? Лисовец? Давай сюда!

Кто же это? А-а, Вера, медсестрой работала...

— Ложись, отдыхай.

Отдохнуть-то — да, а вот лечь как — исполосовали всю.

С болью легла.

С болью и проснулась.

Но на душе полегчало. То ли ночь тому причиной, то ли потому, что вокруг — свои люди. Хотя смотрят они на Надю почему-то неприветливо, отчужденно даже.

Почему?

Скоро она узнала.

Как только Веру вызвали из камеры, Надю тотчас спросили:

— Откуда ее знаешь?

— Медсестрой работала...

— Знаем, кому она сестрой приходится! И здесь в этой должности пребывает.

— Хватит болтать, девочки, — остановила разговор пожилая женщина, занимавшая место на нарах посередке. — Давайте делом заниматься.

Одеяло — серое, длинное — было одним на всех. Женщины поднялись, сели в ряд и начали перебирать одеяло пальцами, словно прощупывая его в поисках иголки.

Оказывается, давили — на ощупь — вшей.

Надя быстро перезнакомилась со многими в камере. За что сидят, никто не говорил. Да и никто, вроде, этим и не интересовался. Значит, так принято здесь. А кто есть кто — не скрывали. Вот эта худенькая девчушка, Нина, работала в столовой СД. Пожилая женщина, что посередке на нарах, зубной врач Васса Игнатьевна. Она в камере старостой. Высокая, красивая Наташа — радистка...

Фамилии — действительные или выдуманные — узнавали, когда их владельцев вызывали из камеры.

Кормили один раз в день. Заключенные выходили в коридор, брали расставленные вдоль стены бан-

ки с какой-то вонючей баландой и возвращались в камеру.

На третий день Надя встретила Ларису Сомчинскую — подругу Алины Красовской, вместе они кончали Минский пединститут. Повезло случайно — их камеры одновременно вывели в коридор за баландой.

Обрадовались так, будто не в тюрьме встретились.

— Давно ты здесь?

— С тридцатого октября.

Бог ты мой, третий месяц!

— За что?

Вопрос, конечно, дурацкий. В ответ Лариса только улыбнулась печально.

Лариса Сомчинская.

Минск, 1939 г.

— В Дзержинске у нас управу сожгли. Немцы и вовсе ошалели — облавы, обыски, аресты... Может, миновала бы наш дом беда, да не успели мы... Нашли у нас пачку патронов, приемник в погребке и флаг красный... Ну и взяли всех троих — мужа, меня, маму. Старушку-то отпустили потом. И с мужем свидание не скоро состоялось — уже во Франции, после освобождения...

— Держи, Надя!

Лариса протянула три сигаретки.

— Откуда?

— Немцы искусство ценят. Нарисую портретик — угостят.

— Да ты что?!

— Ты плохо подумала обо мне. Не ты одна здесь курящая. Да и ни черта они не смыслят в искусстве: разобрались бы — еще раз проутюжили бы...

Вот и вся встреча. Через минуту надзиратель заорал:

— По камерам — марш-марш!

На этот раз выдали кофе. Но едва женщины вернулись в камеру, как Васса Игнатьевна заявила категорично:

— Девочки, это пить нельзя. Опухнете...

— В парашу?

— Зачем? Давайте кому-нибудь помоем голову этими помоями. У кого самая короткая прическа?

Надя стриглась под мальчишку. Ей и выпало счастье...

Она подошла к параше, разделась до пояса. Женщины онемели.

— Да-а, — протянула Васса Игнатьевна, — разукрасили. Сплошная косметика. Давай-ка спину накроем, пусть подсыхает.

С той минуты отношение к Наде резко изменилось. Ее изуродованная спина стала словно пропуском к доверию.

Спустя неделю Вера исчезла из камеры.

— Дышать будет легче, — резюмировала Наташа.

Она была, пожалуй, самой веселой в камере. При молкнут женщины, загрустят — Наташа тотчас начинает петь, тихо, чтоб не всполошить надзирателей. Как можно было в этом положении быть веселой, Надя не понимала. Будто верила, знала радистка, что ничего с ней не станется, что впереди — свобода, жизнь -

Женщины поддерживали друг друга вниманием, хорошим словом, иногда и коркой хлеба. Держались вместе, ничего не зная друг о дружке. Надю это радовало, она даже нашла точное объяснение этой близости. Да, в несчастье они, в лапах у фашистов, но они — советские, и даже здесь, в этом аду, должны быть вместе.

Аня-парашютистка держалась от Нади в сторонке. Провокатором ее считала, что ли? В соседней камере у Ани подруга, но свидеться им никак не удавалось. То за парашу схватится — вынести, то еще какой предлог найдет, и все — мимо.

Вышли как-то за баландой, Аня осталась: «Лучше подохнуть, чем жрать такое».

А потом пожалела. Аккурат в этот день и соседняя камера высыпала в коридор. За скорую минуту Надя познакомилась с подругой Ани — Ниной Агошковой. Молоденькая, крепко сбитая, хоть сейчас на спортивные соревнования ее выпускай.

— Как там моя Анька, не скучает? Скажи, чтоб хвост трубой держала!

Нина Агошкова
Орел. 1941 г.

— Сидели ты с Аней в Доме правительства, в подвалах которого СД свой дантов ад устроили. Вверху оркестр гремит, Новый год фашисты встречают, а нас внизу мордуют... Там и Генку Гриневича видела, подельника Нади Лисовец. Жаль парня, повесили... Хотели мы его откупить, не успели. У меня марки оккупационные были. Немцы в пальто зашитые марки нашли, а в сапогах — нет... За что взяли меня? Мы с Аней из Орла были выброшены под Могилев, от туда прошли по легенде «к тете», в Минск. Там познакомились с подонками из разведшколы, в Печах, пытались их списки заполучить, да... Молоды мы были. В день выброски мне шестнадцать стукнуло. Правда, когда наши Орел освободили, я пару лет себе набавила...

А радистка Наташа, оказывается, была не только веселой. Однажды, когда женщины загрузили так, что невмоготу и разговоры, Наташа встала к стенке напротив нар и запела, не как всегда — тихо, а задорно, во весь голос:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля.
Просыпается с рассветом
Вся советская земля.

И голос ее, и сама она, и песня были так красивы в эти минуты, что дух захватывало, будто в сумеречную, душную камеру ворвались ветер, солнце!..

Холодок бежит за ворот,
Шум на улицах сильней.
С добрым утром, милый город,
Сердце Родины моей!..

Щелкнула задвижка волчка, и в камеру ворвался злой рык:

— Молча-айт!

Наташа не замолчала, нет! Она еще звонче, задорнее взметнула припев:

Кипучая, могучая,
Никем непобедимая!
Москва моя, страна моя,
Ты самая любимая...

Тогда он ворвался в камеру сам — расвирепевший надзиратель. Выхватил из кобуры пистолет.

— Молча-айт!

А песня — звонче!..

Грохнул выстрел. Пыль штукатурки сыпанула на распущенные волосы Наташи, на лицо.

Бог ты мой, она продолжала петь!

Еще выстрел, еще, еще... Пулю за пулей посылал он в ее сторону, а она пела. Она смеялась!

— Ты, гнида фашистская! Ты же боишься меня! И знаешь ведь — не убьешь! Да за мою красивую голову эсэсовцы снимут твою, паршивую... Ну, бей, бей! Пуль ваших не хватит всех перебить...

Кипучая, могучая,
Никем непобедимая...

А мол<ет, Наташа хотела, чтоб ее... пристрелили?
Конец мукам...

ТОЧНЫЙ ДИАГНОЗ

— Душегубка!

Кто это крикнул - поди разбери. Темно. В крытую машину набили так, что рукой не пошевелить. Как только тронулись, отработанный газ начал душить, душить...

После этого крика клубок людей распался на три десятка человек. Кто-то плакал, кто-то истерично кричал, кто-то молился вслух — безумно, истово, успеть бы.

Надя стояла в углу, у кабинной стенки кузова, и тоже просталась — с сыном Валеркой, с матерью. С жизнью.

И вдруг внизу, где-то у ног, боковую стенку пронзил тонкий золотой клинок. Не сразу поняла, что клинок этот — щель, в которую билось солнце.

Солнце! Значит, можно дышать!..

Как могла, сползла на пол, припала губами к щели.

И не только дышать, видеть можно! Вон мимо проплывает массивное здание оперного театра...

— Товарищи! — перекрывая плач, стенания, крикнула Надя. — Не душегубка это, нас везут в лагерь на Широкой.

Надежда возвращает разум. Все замолчали, будто и газ уж не такой ядовитый, не рвет горло, и не так уж тесно в машине — отодвинулись от снова прильнувшей к щели Нади, ожидая ее новых сведений с дороги, которая, может, и впрямь не идет к концу...

Минуты будто в часы переплавлялись — долгие, как эта дорога.

Наконец, машина остановилась. Распахнулись дверцы.

— Ком, ком! — заорал простуженно немец, держа на поводке огромную овчарку.

Женщины высыпали из машины, сбились в кучу. Во двор вкатывались один за другим такие же глухие фургоны-грузовики. Мгновенно разгружались и тотчас поворачивали обратно — верно, за новыми партиями заключенных.

Толпа во дворе росла. Морозец легкий, но стоять недвижно и час, и другой — нелегко не только тем, кто одет не по-зимнему. Надя и в пальто коченела каждой клеткой тела. Знобящими иголками мысли жгли мозг. Вернее, это были осколки одной и той же думы: что дальше? Всему приходит конец...

Часа через три загнали в баню. Всю одежду приказали сдать в дезкамеру, а самим — мыться... Немцы ходили меж лавок и полосовали плетью груди, спины, плечи женщин: мыться, гут мыться!..

А когда получили продезинфицированную одежду с обжигающими пуговицами, оделись, Надя вдруг рассмеялась:

— Девоньки, а жить мы будем. Коль немцы решили убить наших вшей, значит, мы им зачем-то нужны живыми.

Огромный барак — когда-то бывшая конюшня ипподрома — разбит надвое широкими воротами. Левая половина «заселена», как узнала Надя позже, заключенными из Смоленска. В первую загнали всех, кто прибыл сегодня, — и женщин, и мужчин. Надвое была разбита и эта половина, но уже не поперек, а вдоль. Перегородка поднималась до самого верхнего яруса нар.

— Просто-орный дворец! — бросил кто-то ухмылку. — А жилплощади не хватает...

Надя обернулась. Нина Агошкова! Разведчица...

С ней рядом стояла Лариса Сомчинская. Надя протолкалась к ним, обнялась с Ларисой.

— Ну вот, теперь вместе...

— Это точно, до гроба вместе, — светло улыбнулась Агошкова. — Ну, а раз мы еще не знаем, сколько нам осталось до этого гроба, давайте-ка забираться на нары. Вместе-то оно верно теплее.

На первом этаже нар — не протиснуться, забрались повыше. Но и на втором не прилечь.

— Давайте сюда, к нам! Потеснимся.

Знакомый голос. А сразу в этой сумеречной конюшне не рассмотришь... Когда пообвыкли глаза, Надя глянула на пригласившую их дивчину — плотную, большегрудую. «Вроде видела где-то... А может, показалось».

— Марией меня звать. Андриевская.

— Есть на Минщине такой городок — Червень. Что значит — в переводе с белорусского — Июнь. Аккурат в июне и прикатила туда война. Медсестрой я была в тамошнем

Мария Андриевская.
Червень. 1940 г.

детдоме. Сто семьдесят детишек нужно было спасти — от фашистов, болезней, голода... Потом и самой довелось спастись: немцы молодежь гнали в Германию. Так вот и очутилась в Минске. Осенью сорок второго стала связной диверсионно-разведывательной группы «Родные». Через Ольгу Клебанович связана была. А та — через тетю Катю. Это уже после ареста, в декабре сорок третьего, с тей Катей я лицом к лицу ветретила. В лагере на Широкой. А до этого ни разу не виделись. Только через Ольгу... Медаль «За отвагу» за что получила? А не знаю. К тридцатилетию Победы, вручили мне ее...

У Нади уже был опыт таких вот знакомств но в тюрьме, где в лучшем случае тебе назовут вымышленное имя. Мало ли кто у тебя иод боком сидит...

— Меня Нинкой зовут, а тебя? — потеснила Агошкова такую же молоденькую, как сама, дивчину, соседку Марии Андриевской.

— Ольга Клебанович.

— Ну вот и ладненько. Стало быть, сестра Татьяны.

— Какой Татьяны? У меня сестры...

— А пушкинской! В школе-то учила, проходили «Евгения Онегина»?

— Проходили...

Вторую соседку Марии никто не спрашивал, сама назвалась — тихо, без улыбки:

— Кличьте меня тетей Катей...

Да, для этих девчонок она была тетей Катей — старше намного.

Розалия Фридзон.
Париж. 1945 г.

— *Война застала в Дзержинске, где заведовала районным отделом здравоохранения. Эвакуируя раненых, попала под бомбежку. Спустя месяц приютилась на минской квартире главврача Дзержинской больницы Варвары Николаевны Филиппович, которая под той бомбежкой спасла мою четырнадцатилетнюю дочь. Друзья достали паспорт на имя Екатерины Дмитриевны Семеновой. В начале сорок второго устроилась санитаркой в инфекционную больницу, вышла на связь с подпольем. Переболела сыпняком, после чего была направлена в партизанский отряд. Там приняла присягу, вошла в состав диверсионно-разведывательной группы «Родные». Вернулась в Минск. Более года собирала сведения по дислокации воинских частей врага. Арестована в декабре сорок третьего.*

Снизу, с первоэтажных нар, разбивая приглушенный гул голосов, взвивался кашель — надсадный, сухой, рвущий легкие... Там грудились люди чуть ли не всех возрастов — девчата, старухи, дети. Оборванные, многие почти босые. Надя видела их, когда лезла на третий ярус.

— Дети-то как здесь оказались?

— Пленные, — горько усмехнулась тетя Катя. — Во время блокады одной из партизанских зон на Смоленщине прихватили их немцы. Им тут, больным и немощным, больше всех достается. Особенно по утрам. Когда надо бежать во двор к завтраку. Еле живы от хо-

лода-голода, да рады бы вовсе не идти за баландой... Нельзя, взащей гонят.

Тетя Катя помолчала малость и, снова горько, будто с болью зубной, усмехнувшись, добавила:

— Завтра познакомитесь тут с одним... царьком кровожадным. Переводчиком кличет себя... Не лезьте на глаза ему, ироду.

— Ладно, поживем — увидим, — не то зло, не то, наоборот, весело оборвала ее Нина Агошкова. — Соснем минуток пятьсот, чтоб силы сберечь. Давай дрыхнуть!

Ни дрыхнуть, ни даже соснуть Надя не могла. Как ни жмись спина к спине, тепла не прибавляется. И тишина с ночью не пришла. Стоны, бормотанье, слезы... А поверх всего этого — утробно-застуженный кашель.

«Силы сберечь»... А зачем теперь они, силы эти, к какой надобности беречь их? Все равно — омут, из которого уже не выбраться.

...Утро возвестили крики, брань. Надзиратели стояли в дверях и били дубинками по спинам выскакивающих из барака заключенных.

Нина Агошкова, свесившись с нар, хмуро, но спокойно, словно бы там, внизу, не мордобой был, а выход в сад, спросила:

— Стало быть, это и есть приглашение к завтраку?

— Может, не ходить? — робко предложила Лариса Сомчинская.

Тетя Катя категорически отвергла:

— Хуже будет. Не первый день я тут, знаю. И давайте-ка поспешим. Пока в толпе — авось кому-то не достанется дубинки. Вы помоложе, изловчитесь...

Надя изловчилась, проскочила, а тетю Катю, видела, протянули по спине, да так, что по двору шла согнувшись.

Во дворе уже выстроилась длинная очередь, по одному в затылок. Ровнехонькая, как по ниточке, без из-

вивов. Чуть поодаль вышагивал рыжий немец, будто высматривая кого-то в этой очереди-ниточке. Надя, Нина, Лариса, Мария и тетя Катя встали в хвост, но за ними бежали еще и еще женщины, и вскоре хвост отдалился чуть не к самому бараку.

— Это и есть переводчик, — шепнула тетя Катя. — Опять изгаляться будет. Держитесь ровненько, в затылок...

«Переводчик» подошел к очереди, постоял, улыбаясь, не спеша вытянул из кобуры пистолет, отмахнул рукой:

— Я встану здесь!

Ниточка очереди разорвалась мгновенно, вторая половина попятилась в ужасе, но со вздохом облегчения. А рыжий спокойно положил пистолет на плечо рослой дивчины, которой досталось замкнуть первую половину.

Слушать внимательно! Здесь есть новенькие, они тоже будут знать, что мы, немцы, любим порядок и дисциплину.

Обернулся, сощерившись ржавой улыбкой, пояснил:

— Я есть переводчик. Перевожу на тот свет всех, кто не любит порядок. — Пьяные оловянные глаза его тоже улыбались. — Когда чья-то голова качнется влево-вправо...

Он не договорил. Ударил выстрел. Почти не глядя выстрелил. От ниточки-очереди качнулась дивчина, рухнула наземь. Из затылка ее на грязный снег побежала кровь.

А под ногами скользко. А кого-то, из партизанской зоны, душит раздирающий грудь кашель...

Еще выстрел. «Переводчик» снова оборачивается, щерится ржавой улыбкой, как бы приглашая полюбоваться: как ловко я, а?.. А из очереди качнулся, выпал ребенок...

Надя вздрогнула, рванулась было вперед — в горло ли вцепиться садисту, на помощь ли ребенку, но цепкие руки отшатнули ее назад, схватили, скрутили — как связали.

— Стой на месте, — горячо шептала тетя Катя. — Он пуль не жалеет. Порадовать его хочешь? Чтоб драться, сперва выжить надо.

Дышать нечем...

Иногда небольшими группами гоняли на работу — расчищать улицы от руин. И Наде пришла дерзкая мысль: «А что, если дать знать своим, где я?.. Через тех, кому выпадает идти на работу...».

Она познакомилась с одной смолянкой — шустрой, круглолицей, похожей на татарку девушкой лет восемнадцати. Сашей Петровой звать. И однажды попросила Сашу:

— Вынеси за проволоку записку...

Оказалось, Наде не первой пришла в голову такая мысль. С помощью столь необычной почты в лагерь от минчан приходили даже посылки.

Обрывок бумаги найти во дворе несложно. Сложней карандаш достать. Но и тут выручила Саша, принесла огрызок.

Надя написала крошечную записку, указав адрес.

— Дойдет ли?

— Дойдет! — заверила Саша. — Брошу записку под ноги, и все. Прошагает колонна, обязательно кто-то подберет и доставит точно по адресу. Не раз проверено!

И действительно, доставили. Дня через три, вернувшись к вечеру с работы, Саша принесла, под полой, посылку.

И хлеб, и весточка из дому, и эта трогательная солидарность минчан — все спрессовалось в такую радость, что хоть поверь: не ад кромешный здесь, а солнечный рай. Больше всего петь хотелось от того, что дома все

живы-здоровы, никого не тронули фашисты. Почему? Поверили, что Надя — сама по себе, не из этой семьи?

Поделилась хлебом с Сашей.

И еще ломоть один отдала. Человеку, которого знала прежде, а здесь еле узнала. Он шел по двору, нежно поддерживая под руку свою старушку-жену. Это был известный всему Минску врач, профессор Клумов. К его помощи Надя прибегала, когда, в канун войны, тяжело заболела ее подруги.

Он взял хлеб и тотчас протянул жене:

— Г-голубушка, скушай...

Да, да, это было его любимое слово, с заиканием — г-голубушка.

— Чем старик-то проштрафился перед фашистами?

Надя обернулась. За спиной у нее стояла худенькая женщина. По глазам-то молодая, а лицо... Может, замордовали так? Все еще глядя вслед Клумову и его жене-старушке, спросила:

— Минчанка?

— Да, — так же односложно отозвалась Надя.

— И я... Нинкой меня звать, а тебя?

Нина Корякина.
Минск. 1937 г.

— *Нельзя мне было бездельничать, когда, немцы в Минск пришли. Муле у меня командиром Красной Армии был. На какой-то фронтовой версте без вести пропал. И стала я связной у партизан. Арестовали меня в поселке Коминтерн, там,, где сейчас Партизанский проспект. Язык за зубами крепко держала, да... Ну и выбили их, зубы-то. И рука вот, видишь, покалечена. Спасибо Клумову — подлечил ее мне здесь,*

на Широкой. Старик партизанам помогал, два госпиталя им оборудовал. Узнали мы об этом двадцать лет спустя после войны, когда ему, посмертно, присвоили звание Героя Советского Союза. Душевный был старик, да...

Чем-то Нина приглянулась Наде, и она предложила ей:

— Пошли к нашим, к минчанкам.

Грянул четвертый выстрел — четвертая жертва с пробитым затылком осела на грязный снег.

«Переводчик» снова наводил «порядок» в очередничке.

От одинокого домика — там жил он с женой — спешил Клумов. Откуда силы-то взялись у старика — профессор рысцей подбежал к лежащей на грязном снегу девчужке, опустился на колени.

Видно, пульса у нее уже не было. Клумов поднялся, выдохнул:

— Нелюдь!

«Переводчик» кошачьим прыжком — к нему:

— Что сказал?

Клумов невидящим взглядом смотрел куда-то мимо него и тихо, как-то совсем спокойно, произнес:

— Диагноз поставил.

Подумав, добавил:

— Точный диагноз.

ДНИ И ВЕРСТЫ

Метелица разыгралась... То гнала по платформе поезде, то вдруг вихрем вздымала снежную круговерт, охлестывая товарные вагоны, многосотенные колонны невольников.

Вдоль платформы, отгороженная автоматчиками, бурлила, кричала, рыдала толпа родных и близких. А когда началась посадка в вагоны, цепь автоматчиков разорвали... К увозимым на чужбину матерям ринулись их дочери, сыновья. А те, обезумевшие от горя, обнимали их, целовали, увлекая за собой.

— Что вы делаете?! — закричала Надя. — Опомнитесь! Оставьте детей!..

Эх, матери, матери! Неужто и в неволе легче будет — лишь бы вместе... Дети жить должны! Продолжая вас, жить!

Да разве докричишься до материнского сердца, когда родное дитя уже рядом, у сердца.

Хлестнули автоматные очереди, отжимая колонны невольников к вагонам, в вагоны.

У Нади у самой зашло сердце, когда она, уже из вагона, увидела Зину, сестру. Рядом с ней — Алина Красовская, Анна Фабиановна Рабчинская, Зина Мазалова. Наверное, ее, Надю, ищут глазами. Как же дать знать, что здесь она, здесь?..

Дверь вагона чуть сдвинулась, в проеме показался полицей.

— Десять человек — за хлебом, быстро!

Надя первой соскочила на платформу. И вот уже они — сестра, подруги, тянутся к ней, в руках мешок какой-то, видно — с продуктами.

— Хальт! Хальт!

Лица, руки, мешок уплывают дальше, дальше...

— Прощайте, родные мои!

Лучше бы их не было вовсе, не приходили: так разбередили душу.

Хлеба выдали по буханке на четверых. И снова лязгнули двери вагона. Теперь уже наглухо, надолго.

— Надя, отойди, не надо, — уговаривала Саша Петрова.

А Надя не могла, не в силах была оторваться от щели в вагонной стенке — смотрела, смотрела на Зину, на подруг. И плакала. Ох, как давно она не плакала!

Метельный февраль провожал их в дорогу. Догадывались — неблизкую.

Когда застучали на стыках колеса, Саша Петрова и ее землячка Елена Кабановская — Лелькой назвалась — пригласили Надю в свою тесноту, на нары. Потом всю дорогу они и были так — вместе.

Елена Кабановская.
Куйбышев. 1957 г.

— Все с дороги началось...
Пятнадцать лет мне было, когда записалась я в сандружинницы. Обоз раненых из Смоленска в Жукове эвакуировали, а попали в окружение. Вернулась в город, но потом снова в бега-дорогу: с подружкой своей, Сашей Петровой, помогли бежать нашим раненым военнопленным, из лагеря и снарядились линию фронта переходить. Ну, а линия эта оказалась невезучей для нас. Арест, смоленское гестапо, потом Минск, лагерь на Широкой, Эрувиль, Верденские леса... Много их было, дорог, можно бы и посчитать, да ведь считать-то, вспоминать сподручней светлые версты. А тяжкие — тяжело... Светлых же мало было. Светлые с Победой только пришли. И то не сразу... Поэтому вспомнить бы все один раз — и забыть. Да как забудешь? Не забывается...

Подошла Мария Андриевская:
— Тетя Катя, там врач нужен.

— В чем дело? — тотчас поднялась с нар тетя Катя.

— Девчонка там, — Мария кивнула в дальний угол вагона. — Сознание помутилось, что ли...

Надя пошла вместе с подругами. Девчонка та лежала с закрытыми глазами, никак не отозвалась на голос тети Кати. А Надя сразу узнала ее: Лия Русакова, москвичка. В последний день в камере на Володарского накоротке познакомились. Студентка музыкального училища в дни сражений под Москвой ушла с отрядом комсомольцев-добровольцев на фронт. Попав в окружение, стала бойцом партизанского отряда в лесах Смоленщины. В конце сорок третьего попала в лапы гестаповцев...

— Лия! — позвала Надя.

Та не отозвалась. Глаза закрыты.

Тетя Катя отстранила Надю, принялась осматривать Лию. Да во мраке много ли рассмотришь...

— Спросите, может, у кого вода есть?

— Женщины, у кого есть вода? — крикнула Нина Агошкова.

Подскочила Кабановская:

— Есть маленько!

Протянула солдатскую фляжку.

Тетя Катя мягко приподняла голову Лии, попыталась влить в рот воду. Рот не разжимался, вода проливалась. Тогда тетя Катя как-то ловко пальцами разжала челюсти, влила глоток воды.

Лия закашлялась. Открыла глаза, долго смотрела на женщин, склонившихся над ней. Узнала Надю и Нину Агошкову.

— Девочки, — прошептала она и тихонечко заплакала.

Тетя Катя по-докторски распорядилась:

— Перенесем ее к нам, там — у дверей — воздуха побольше.

Перенесли. Укутали куртками, платками.

— С рассветом осмотрю ее.

Спустя час-полтора рассвет заструился в щели вагона, в зарешеченные проволокой окна. Тетя Катя поднялась, склонилась над Лией. Осмотрела перепачканное кровью платье, ощупала тело. Лия даже не ойкнула, только вздрагивала. Надя попробовала было растянуть ей на груди кофту. Вот тут Лия встрепенулась, откинула ее руки, запахнула кофту, сжалась вся.

— Отойдите, — приказала тетя Катя всем. — Найдите, чем бинтовать.

Все отошли. Осталась только Мария Андриевская.

— Я медсестра, — сказала тете Кате. Перевяжу...

Лия испуганно смотрела на Марию, которая решительно начала раздевать ее.

Женщины рвали рубашки на бинты.

Когда Надя увидела грудь Лии, она закричала в ужасе:

— Лия! Лиюшка! Лия!..

Грудь несчастной Лии была «разрисована» ножом. Изверги гестаповские вырезали пятиконечную звезду. Лия отрешенно смотрела на Надю.

— Говори громче, — тихо сказала. — После пыток я плохо слышу...

Лелька Кабановская сорвалась на крик — чтоб и Лия расслышала?

— Держаться вместе! И тогда им не скрутить нас ни в рог бараний, ни в какой другой.

Держаться вместе...

Вроде бы истина, а вот поди ж ты — пришлось кой-кому доказывать...

Хлеба, выданного в Минске, хватило на день. Второй день питались ветром, влетающим в окошко, опутанное колючей проволокой. А в третий...

Случилось это, когда эшелон отсчитывал уже польские версты. Кто-то из сердобольных рисковых поляков просунул ночью сквозь проволоку окошка две буханки хлеба. Вагон спал, и, если б не вездесущая Лелька Кабановская, могло стать, никто б и не узнал об этом хлебе, кроме двоих, присвоивших его.

— Проснись, староста, — толкнула Надю в бок Лелька. — Непорядок в вагоне.

— Что случилось?

— Непорядок, говорю, в нашей коммуне.

И рассказала про хлеб, про сестер-близнецов, утаивших его.

— Что ты предлагаешь?

— Преподавать урок солидарности, коль советская власть не успела научить уму-разуму... Пошли! Они в том углу...

Кабановская на ощупь стала пробираться по нарам, Надя за ней. Как Лелька нашла сестер в этой крошечной тьме, диво да и только.

— Вот они, крохоборы кулацкие! — тихо ругнулась она и растолкала обеих ото сна.

Надя потребовала хлеб:

— Разделим на всех поровну.

— Еще чего! — огрызнулась одна из сестер. — Каждая... приказывать будет!

Будто грязью в лицо плеснула. Надю заколотило всю. Но еще сдержалась:

— Отдай хлеб. Поровну надо...

— Поди ты!..

Вот тогда не сдержалась, пустила кулак на голос. Утром, когда в вагон придет рассвет, Лелька, рассмотрев сестру-кулачку, огромный синяк под глазом, протянет восторженно:

— Надька, у тебя кулак вдовы... Как до глаза-то этой верзилы дотянулась? С твоим-то маленьким росточком.

И спокойно выдохнула:

— Всё! Хлеб экспроприрован.

До рассвета не спали. Рядом дышал хлеб, и голод проснулся. Еле дождались, когда окошко с колючей проволокой растопит в вагоне темень.

После ранней, вынужденной побудки Надя объявила:

— Товарищи, сегодня ночью наши братья поляки подбросили нам две буханки хлеба. Как делить будем?

Хлеб... Услышав о нем, женщины молчали добрую минуту. Потом разом загалдели:

— Поровну!

— Давай поровну!..

— Предлагаю, — остановила их Надя, детям и Лии Русаковой — по двойной порции.

Никто не возражал. Молчали и сестры-близнецы. Видать, трудно им было понять, почему Надя не назвала их, умолчала об «экспроприации».

Делили хлеб на крохи, резать нечем. Первыми — сдвоенные пайки — получили три девочки, увязавшиеся в Минске за матерями, и Лия Русакова.

И червячка не заморили, а повеселели. Людей гре-ла справедливость: поровну... Несъеденными крохи остались лишь у Лии. Лежали у ее изголовья, притягивая и отталкивая голодные глаза.

А в следующую ночь всполошился весь эшелон. В мирный перестук вагонных колес вдруг вплелись злые автоматные очереди. Резкое торможение, крики конвоиров...

Лелька Кабановская и тут преуспела, первой добралась до окошка, но объяснить, что там стряслось, не могла.

— Ни огонька, вроде бы в поле стоим. Бегают, орут... А чего орут, черт их разберет...

Стояли до рассвета. Когда рассвело, в вагон ворвались немцы. В руках — штыки-кинжалы. Хватали

женщин за ноги, стаскивали с нар, распарывали ботинки, сапоги. Провели эту непонятную, какую-то дикую операцию — и вон из вагона.

Спустя какое-то время одна женщина, видно, понимавшая немецкий язык, дала объяснение этой операции:

— Чтоб не сбежали... Ночью в одном вагоне мужчины, партизаны, взломали пол и на ходу попрыгали вниз, на шпалы. Немцы погоню учинили...

И опять стучали, стучали колеса вагонные.

Женщины забрались на нары, приутихли. Вскоре, видать, и задремали.

А Надя все думала, думала...

Потемней бы ночи были, может, и доберутся ребята до родной Белоруссии. Да и здесь, в Польше, наверняка немало партизан. Может, к ним пристанут?

С нар спрыгнула крепко сбитая молодайка. Села на пол, вытянула из волос заколку, рассмотрела ее, разогнула, принялась ковырять ею доску пола.

Надя, с минуту понаблюдав за ней, слезла, подошла:

— Ты что — очумела? Бежать, что ли, собралась?

Молодайка подняла голову, скользнула по Наде каким-то отсутствующим взглядом, сизнова принялась царапать пол.

— Так ведь до самого Берлина ничего не выцарапаешь! — усмехнулась Надя.

Молодайка снова подняла на нее печальные глаза, снова не отозвалась, продолжала ковырять пол своей приколкой.

— Как звать-то тебя, подруга?

Не отрываясь от работы, та, наконец, промолвила:

— Варварой кличут. Смирная...

Надя усмехнулась:

— Смирная, а рвешься воевать.

Стук колес заглушал тихий голос молодойки, но Надя слушала, слышала.

— Мужа, мать с отцом и трех моих крошек-детюшек немцы спалили в хате... Я должна выжить... Чтоб шесть фрицевских душ отправить на тот свет...

У Нади сердце захолонуло.

— В побег пойдешь — прихватишь меня?..

Дни и версты — однообразные, как перестук колес, как снег за окошком. Будто время остановилось, и эшелон не движется.

Но версты бежали. Потянулись и немецкие, потом бельгийские, французские. И все — голодные.

Потом, ранним февральским утром, был картинно чистенький городок Хазебрук. Такой чистенький, словно бы и войны никакой нет.

Колонны обессиленных невольников брели по мостовым узких и кривых улочек, подгоняемые визгливыми окриками конвоиров.

Французы, пешком и не велосипедах спешившие на работу, отжимались на тротуары, открывали сумки и бросали свои завтраки в тесные невольничьи ряды.

На вторых, третьих этажах ухоженных домиков распахивались окна, и оттуда также летели хлеб, кофты, чулки... У многих женщин в глазах стыли слезы: все эти версты и дни — а то и месяцы — их окружали только фашисты, а сейчас вот людей повстречали... Людей!

Вот у стены одноэтажного дома стоят парень и девушка. Француженка высокая, стройная, светловолосая. Она с ужасом смотрит на женщин, бредущих в колонне, на их босые ноги.

И вдруг, словно с каким-то вызовом, сбросила с ног туфли и швырнула их заключенным.

— Bravo, Мари! — воскликнул парень. Он так же быстро скинул с ног туфли и ловко бросил в колонну.

— Bravo! — крикнула ему девушка.

Наде и Лельке Кабановской ни хлеба, ни обуви не досталось: они помогали идти, поддерживали Лию Русякову. Выжила бедолага, оклемалась!

Рядом шли тетя Катя, Нина Агошкова, Мария Андриевская, Варвара Смирная.

Видно, городок невелик. Вот уже и окраина. Огромные ворота — высокие, железнорешетчатые. Двор. Бараки.

В бараки не загоняли. Прямо тут, во дворе, все получили глиняные миски с яркой свастикой на доннышке. Мол, ешьте с мыслью: фашизм повсюду, не только в Германии.

Пищей наделяли французы. Хлеба граммов триста-четыреста, кусок селедки. И густого, как каша, супа. Хлеб и селедку невольники припрятавали в карманы, за пазуху — кто знает, насколько это дней!

А французы улыбались, жестами предлагали супную добавку.

Эх, люди хорошие, знали бы, что доброта ваша обернется бедой, не были бы столь добрыми. Голодные желудки рвали боли.

Семь дней и ночей суждено было Наде и ее подругам горе мыкать в этом Хазебруке. Ночи — в бараках, дни — на железнодорожной станции, где грузили на платформы тяжеленные бревна.

Здесь двадцать седьмого февраля Надя «отпраздновала» день рождения Валерки. Три годика исполнилось... Девчонки подарили брошку, носовой платок и ветку кипариса. Ему бы, не ей, дарить-то подарки, да где же он, кровинушка, за тысячи верст злыдни угнали мать от сына. Смотрели подруги на крохотную, в два ногтя, фотографию мальчишки, пронесенную через маяту тюрьмы, концлагеря, и вздыхали вместе с Надей.

А спустя неделю к этим верстам добавились новые, еще дальше от дома. Тот новый лагерь звался Эрувиль, где кто-то когда-то зачем-то построил оборонительную линию Мажино.

ГДЕ ЖЕ ТЫ, НЕПОКОРЕННАЯ ФРАНЦИЯ?

Колонна брела похоронной процессией. Молча, хмуро. Да и куда спешить? Впереди — все та же беспросветная, как кладбище, шахта. Снова — как и вчера, и позавчера, и месяц тому — спускаться в подземелье, махать киркой, лопатой ворочать, глотать железорудную пыль.

Здесь, в лесу, сыро-холодно, да не пыльно. Все лучше!.. Только бы вот не в сабо — колодках деревянных шагать. Ноги, будто ходули, не гнутся.

Конвоиры с автоматами на груди понуро плелись обочь колонны, равнодушные ко всему на свете. Вроде как на фронте им было бы слаще, чем здесь. Глядя на них, Надя подумала о начальнике их лагеря. Говорят, шрамы у него вдоль и поперек лица — сталинградские. Выскочил живым из котла — рад радешенек, служит тут — ходит танцующи, как гусак. И злой, как гусак. Остановит взгляд на тебе — смерть...

Надя вдруг рассмеялась. И смех ее тотчас разбил молчание колонны.

— Ты что, скаженная? — схватила ее за руку Аня Михайлова.

— Это я попов вспомнила.

Аня ругнулась:

— Далась они тебе!

Действительно — дались. Вчера перед отбоем явились в сопровождении монашек — проповедь читать. Народу в помещении набилось — не продохнуть. Большинство из любопытства — живых попов, да еще русских, посмотреть! А кое-кто и помолиться: на этой каторге не то что в Господа Бога, в черта пове-ришь.

Попы были как на картинке, чистенькие, гладенькие, с бородами пышными. Один раз Надя их уже видела — в первую неделю пребывания в лагере. Отпевали тогда большую группу женщин, погибших в шахте при обвале. Кладбище — в полукилометре от барак-ков — росло здесь быстро.

А вчера попы явились, значит, с проповедью. Уго-варивали заблудших овечек одуматься, призывали к смирению.

— Вы любите свою Россию, это хорошо, вещал тот, что постарше. Наверное, из эмигрантов, от револю-ции во Францию драпанул. — Но сейчас всем трудно, идет война. И терпение ваше воздастся сторицей... Молитесь Богу... Кончится война, вернетесь вы домой и заживете, как в кущах райских...

Вот паразит! Посмотрел бы он, какие райские кущи развели немцы в Белоруссии...

Уже на языке вертелось сказать ему об этом, да хо-рошо — не сорвалось. Надя чертыхнулась про себя и подалась в свой барак.

Ее догнала Лелька Кабановская, хмыкнула:

— Во как пекутся фашисты о душах наших! Даже попов в прислужники призвали. Хочешь — исповеду-йся, хочешь — причащайся. А нет — и отпеть могут чинно.

Надя быстро забралась на нары, на свой четвертый ярус, бросила Лельке, горько усмехнувшись:

— Спи спокойно, овечка заблудшая...

Спать всегда хотелось: подъем в четыре утра. А на нарах — только прикорнешь, сразу будто в пропасть летишь...

Едва сомкнула веки, как услышала крик. И не крик, а отборный русский мат. Глянула вниз. В проходе между нар стоял здоровенный упырь и чего-то орал на девчущку с третьего яруса. Обритая наголо, шейка худенькая — торчит из робы тростинкой.

Надя еще не поняла, чего он орет на девчущку, как увидела — замахнулся плетью. Ветром сдуло ее с нар, спрыгнула, схватила за его спиной кожаную плеть.

— Не тронь!

Упырь медленно повернулся к ней, выверился:

— А ты кто такая? Да я тебя...

Но плеть повисла в воздухе. Надя молча смотрела ему в глаза.

Загудел барак. Нина Агошкова, Лелька Кабановская, тетя Катя, Варвара Смирная прыгали с нар, окружили их. Упырь, увидев это, испуганно озирался. Надя отпустила плеть. Упырь пошел из барака, задержался на пороге:

— Я найду тебя, тварь!

На Надю внимательно смотрела Аня Михайлова — здешний старожил. Потом повернулась к девчущке:

— Галенька Демьянова, иди к нам. И не бойлей!

— Я не боюсь... — пролепетала Галя. — ... > очень страшно.

Женщины забрались на нары, положили Галю рядышком с Лией.

Аня Михайлова заговорила с Надей:

— Осторожно надо с этим упырем... Ох, как осторожно!.. Или выжить не хочешь? Я тут давно и... знаю здешние порядки. Мы тоже смелые были... А надо бы похитрее. Нас тут, ленинградских да псковских, со-

всем мало осталось. Через Равенсбрюк прошли. Слышала про такой женский концлагерь, под Берлином? Здешний Эрувиль — тоже не подарок, но Равенсбрюк!.. Раньше здесь тоже несладко было, чуть что — расстрел. Это в последнее время потише стало. Видать, туго фрицам, нехватка с рабочей силой...

Аня Михайлова.
Ленинград. 1940 г.

— *Профессия моя — самая мирная. Красоту людям наводила! Стало быть, парикмахер. Работала в Ленинграде. А в партизаны попала... Получилось так, что за два дня до войны поехала я в отпуск — в Псковскую область, в деревню Самсониха. Ну, а тут и завертелось! Надолго затянулся мой отпуск. В сорок вторым пришла в отряд Давыдова, который входил в восьмую Калининскую бригаду. Нет-нет, не парикмахером, бойцом я была. Хотя о профессии своей не забывала. Женищина всегда должна думать о красоте своей, даже если она в лохмотьях ходит. В лапы, немцев я угодила в конце сорок третьего, в бою. До сих пор загадка: почему не расстреляли? Живыми партизан в плен они ведь не брали...*

Сейчас, шагая в колонне темным и сырым проселком, Надя, вспомнив, пожалела, что связалась вчера с этим подонком, с этим упырем. Теперь, когда так близко засветилась надежда, не сорваться бы, перетерпеть.

Удрать с этой каторги не составляло большого труда. Ну вот хотя бы этим лесом. Нырнул в ночную чащобу — и поминай как звали. Так помянут же! Враз

поймают. С русским языком здесь далеко ли уйдешь. Ни бельмеса по-французски, почти столько же по-немецки.

Связь Надя искала с первых дней, как их привезли в Эрувиль. Должны же быть здесь, во Франции, непокоренные! Но как их найти, связаться с ними?

Первые десять дней Надина колонна — двадцать пять невольниц — работала на добыче железной руды. Отбойными молотками рубили красновато-ноздреватый камень, лопатами, руками грузили в вагоны. Каждый день Надя присматривалась к мастеру и его помощнику: а вдруг именно эти французы помогут?

Аня Михайлова, за веселость и чрезмерную разговорчивость прозванная подругами Сорокой, приклеила мастеру кличку «Таракан». У него были очень длинные усы. Лет пятидесяти, угрюмый. Все пытался узнать: как по-русски будет — давай быстрее работать. Сорока ему и подсказала... Теперь, как придут они на смену, Таракан кричит: «Работай помалу!» А девчонки заливаются смехом, довольные.

Имени помощника мастера не могли запомнить — прозвали Степаном. Здоровый мужик, краснощекий...

Нет, как ни присматривалась к ним Надя, ничего в них от непокоренных не находила.

И все-таки поиски ее были вознаграждены. Как-то стал наведываться к ним механик — молодой, высокий и не по-французски белесый. Раскроет пачку сигарет, протянет женщинам, улыбается. Пачка вмиг опустеет, а он доволен. Пытается заговаривать, да черт его поймет!

Однажды пришел, нарисовал на красноватом камне руды полосатый английский флаг и пятиконечную звездочку. Пояснил:

— Берлин буф-буф!

Дьявол заberi, без перевода все понятно! Наши и англичане бомбят Берлин! Хоть ты «ура!» кричи...

А потом пришел с поляком — маленьким, тшедушным.

— Станислав, — представился тот.

В этот раз и с механиком познакомилась. Жорж Манье.

Надя подумала: «Не переводчиком ли Станислав пришел?» С женщинами он разговаривал на смешанном языке — польско-русском.

Мысль эта не давала ей покоя все время, пока раскуривали одну пачку сигарет, другую. Таракана не было, Степана тоже. Поэтому перекур затягивался.

Но вот, наконец, появился Таракан, и женщины потянулись к лопатам. Надя улучила момент, обратилась через Станислава к Жоржу:

— Жорж, я из Белоруссии. У нас — немцы, у вас — немцы. У нас идет борьба, а у вас?

— О, да! — воскликнул он, когда Станислав перевел ему. И шепотом: — Маки... У вас — партизаны?

Надя торопилась:

— Ты можешь связать меня с вашими маки?

— Не знаю... Нужно подумать...

Думал Жорж день, еще день, еще...

Через неделю Станислав привел двоих, представил их коротко:

— Надья, это итальяно, коммунисты. Здесь на шахте работают электриками. Федерико и Антонио.

Федерико пожилой, смуглый. Антонио — лет двадцати пяти, красавец. Пригнали их сюда из Италии на работы, но ходили они тут без конвоя, жили на квартирах в здешнем городке Тиле.

Станислав отозвал Надю за угол галереи. Там итальянцы при лампе «летучая мышь» показали ей свои партийные билеты — как своеобразный пароль, что

ли. Да если б и не показали, Надя все равно поверила бы: очень хотелось верить. Особенно Жоржу: глаза у него чистые...

Разговор в темноте был короток.

— Хотите бежать, бороться?

- Да .

— Одна?

— Почему одна? У меня подруги боевые.

— Ни с кем говорить нельзя.

— А когда?..

— Когда разрешат.

Снабдили табаком и ушли.

Жить стало легче — с надеждой. И тяжелее — ожидание всегда в тягость, а ожидание побега, как оказалось, вдвойне тяжко.

Потом были еще встречи. Но всякий раз вести одни и те же:

— Все договорено. Ждем связную.

Последняя весть — с добавкой:

— Можете взять с собой двух подруг. Только чтоб серьезные.

От такой радости хотелось в пляс пуститься. Да Таракан в тот день висел над душой, все время подгонял: «Работай помалу!»

Надя наметила тетю Катю и Аню Михайлову. Первая — проверенный человек, да и постарше всех она, рассудительная, толковая. Аня тоже бывшая партизанка, справедливая, смелая. Вот только насчет серьезности... Сорока, одним словом. Но ничего, друг дружку они уравновесят. Зато с Сорокой не заскучаешь.

Поговорила с одной, с другой. Обе обрадовались несказанно. А потом каждодневно трясли ее:

— Надь, только не подведи, не оставь нас... Честное слово?

Детьми становятся люди в радости!..

— Шнель, шнель!

Окрики конвоиров разбили мысли Нади. Колонна вытягивалась из леса к полустанку. Сегодня как-то быстро прошагали эти пять обычно длинных верст от лагеря.

Поезд уже ждал их. Все разом бросились штурмовать вагоны, чтоб пораньше вскочить, занять скамейки. Дорога не дальняя — ехать двадцать минут. Но ведь и двадцать минут можно поспать в тепле. А на всех восемьсот женщин скамеек не хватит.

Наде на сей раз не хватило. Пристроилась в тамбуре у окна. Здесь же теснились Дуся Петракова, Шура Владимирова, подружки Вера Завьялова и Нина Алексеева, Лелька Кабановская с Ниной Агошковой и даже их здоровячка-староста — колон-фюрер Соня Байкова.

— Хо-хо, непорядок! — хохотнула Агошкова. — Наш колон-фюрер не попала в мягкий вагон.

— Изыди, сатана, — огрызнулась Соня. — Без тебя тошно.

Нину Агошкову трудно остановить, коль заведет-ся. Это могла сделать, пожалуй, только Лелька.

— Нинка, споем?

— Про баланду? Надоело.

Тоскливой «Баланды» из ста шести куплетов всегда хватало на дорогу от лагеря до шахты.

— Давай про Катюшу. Шура, запевай!

Шура Владимирова была в их колонне штатным запевалой. И пела — заслушаешься.

— Только не орать, — согласилась она.

Запела тихо, но все равно — уже через минуту «Катюша» перешла из тамбура в вагон, песню подхватили все.

Надя смотрела в окно на пробегающие перелески, на огромные бетонные кольца, брошенные зачем-то вдоль линии, и думала. Думала все о том же — когда?

Может, сегодня? Придет Жорж, : пора!.. Вот и колеса вагонные подсказывают: по-ра, по-ра, по-ра...

Истосковавшие голоса выводили Катюшу на берег крутой, говорили про того, которого любила, про степного сизого орла...

Как всегда, поезд затормозил на крутой высокой насыпи. Вылезали из вагонов нехотя. Хмурое утро едва занималось, и холодок сводил плечи. Колонфюеры созывали каждая своих двадцать пять подопечных.

Строем с насыпи не сойдешь, поэтому строились уже внизу. Ночью прошел небольшой дождик, и глина намылилась так, что сабо скользили салазками. А Лелька вон своей «пятой точкой» доказывала, что земля поката... Так доказала, что ее зеленые штаны черт-те какого цвета стали.

В шахте работать в юбке или платье — сплошная мука. Рваные камни руды враз ноги раскраснеют, да и от пыли деться некуда. Вот Надя и отдала эти зеленые штаны Лельке. Правда, коротковаты они ей, до щиколоток не достают — смешно!.. Как цапля.

Слева и справа белели, краснели кирпичные домики одноэтажного Тиля. Шахтерский городок всякий раз был приветлив к русским невольницам. Когда в первый раз они шли — от эшелона — на шахту, все население высыпало в недоумении: как это так — женщины будут работать в железных рудниках?! Такого еще не бывало... Совали в руки хлеб, теплые вещи. Будто свои, русские люди, хоть говорят — не поймешь ничего.

Во дворе шахты колонны разбирали мастера. Вот и их Таракан подошел, принял от конвоиров своих, повел в подземелье, освещая лампой-карбидкой каменные ступени, потом бесконечные галереи. Этих галерей здесь — целый лабиринт, с десятками ходов-пере-

ходов, поворотов. Даже с карбидкой немудрено заблудиться.

В последнее время руду перестали добывать. Цементировали полы, чистили стены, расширяя галереи. Концлагерь полнился слухами: фашистам уже не до руды, и шахты они решили приспособить то ли для подземных заводских цехов, то ли под ангары.

Разобрали кирки, лопаты.

— Работай помалу!

Сегодня эта команда не рассмешила. И вообще — стоило мастеру податься куда-то по своим делам, звон лопат потускнел, затих.

Соня Байкова, колон-фюрер, предупредила:

— Девоньки, буза может получиться.

— Ну и пусть! — отмахнулась Нина Агошкова. — У меня от этой пыли не только роба, легкие уже розовые...

— Верно, — поддержала ее Лелька Кабановская. — Вот и Таракан приказал помалу работать. Может, последовать примеру Сороки?

Пример Сороки — Ани Михайловой всегда заразителен. Улучит удобную минуту — завернет за первый попавшийся угол галереи и дрыхнет сном праведника в кромешной тьме.

Вдруг появился Сильвио, обер-инженер, вежлив, как всегда:

— Бонжур, мадам!

Не обращая внимания на то, что никто не работает, прошагал мимо. В руках небольшой сверток. Что это за сверток — ни для кого не секрет. Сильвио нес «дополнительный паек» Клаве Черновой.

— Во любовь одолела француза! — «проснулась» Сорока. — Везет Клавке!

— Я в книжках про такую читала, — подала свой голосок Галя Демьянова. — Платоническая любовь называется.

Ее объяснение вызвало веселый смех. Смеялись над ней, еще ребенком. Все знали: какая любовь может быть на каторге! Подойдет Сильвио, положит перед Клавой сверток, переменется с ноги на ногу, скажет ей по-немецки два-три слова «про погоду» и уже по-французски раскланивается: «Адью, мадам!»

Таракан вернулся скоро. Понял, что без него работать не будут? Злой-презлой.

Весь этот день Надя ждала Жоржа. Или Станислава. Или Антонио. Вот придут, скажут, наконец: что, когда, где...

Но они не пришли.

И нервы стали сдавать. Когда уже в лагере, перед отбоем, тетя Катя с Сорокой залезли к ней на нары с вопросом: «Ну, что?» — Надя сорвалась чуть не на крик:

— Ждать, ждать, ждать! Ничего больше не знаю!

Спасибо подругам — поняли, не обиделись.

Зареветь бы, все легче! Да где ж их возьмешь, слезы-то? Глаза высохли — огнем горят.

Спины не разогнуть. Может, когда в застенках пытали, отбили печень? И кирка сегодня какая-то тяжелая попалась. Ноги ломит в суставах: изо дня в день по щиколотки в воде, редко когда сухая галерея попадется. О рудные камни руки в кровь раздираешь...

Надя сунула руку в кармашек, вытащила малюсенькую фотокарточку Валерки. В сумеречном свете не рассмотришь, но она видела, видела все — глаза сынульки, что в самое сердце глядят, носик-кнопочку, губки сжатые... Вот здесь, на рубашонке, были пуговицы, но их пришлось срезать вместе с рубашкой: большую карточку не спрячешь от фашистских ищеек, хоть такую вот — личико одно — уберегла.

Приснился бы он сегодня. Надя верила: когда сын придет к ней во сне, обязательно ей в чем-то повезет

назавтра. В СД приснился — не замордовали ее. Потом видела его во сне в тюрьме по улице Володарского — и не повесили... А недавно приснился Валерка — Надя с Сорокой лишнюю кастрюльку раздобыли, теперь почти всегда вместо двух порций они получают три...

Под утро сын пришел к ней. Большой, годиков на семь. И так он ласкался, так ласкался к ней, а она его все никак не могла поцеловать. Увертывался, будто от щекотки, и хохотал, хохотал, хохота-ал...

Проснулась Надя, а Сорока во сне смеется — тоненько-тоненько. И-эх, не дала сына расцеловать!

Попробовала продолжить сон, но погас Валерка, не видно его...

— Па-адымайсь! — стегануло по бараку.

Ну вот, спина, ноги еще в немоте, а надо подыматься.

— Сорока, звезды есть? — как и всяким утром, кричит Кабановская спящей у окна Ане Михайловой.

И та, как всегда, чертыхается:

— Иди ты!..

Ну зачем Лельке эти звезды нужны?

Шевелятся нары, бурлят. В считанные минуты нужно выбежать во двор, бежать в очередь за кофе, чтобы выплеснуть его на камни. А кто-то пьет, пухнет животом.

— Надька, твой нареченный шляется, — шепнула Дуся Петракова. — Давай за наши спины от греха подальше.

Вдоль очереди выхаживал упырь со своей неизменной плетью. То и дело кого-то стегал, чтоб поровнее, не стадом, стояли.

Надо он не заметил. Маленькая, спрятали подруги за спины.

Сегодня из лагеря выгнали раньше на добрый час. И через лес — все эти пять-семь верст — шли быстрее

обычного, подгоняемые непрерывными окриками конвоиров: «Шнель! Шнель!»

А когда поезд не остановился в Тиле, стало ясно: работы на шахте сегодня не будет.

Куда же гонят?

Дуся Петракова.

1-Гяни 1944 г

— *Вот уж тридцать с лишком лет все бегу, бегу, а убежать — никак... И ведь не только по ночам, во сне, бегаю. Иной раз наяву такое приснится, будто вот он, сейчас, побег... В смоленском СД, что перебрался в Минск, я сидела на улице Островского. А оттуда нас часто водили на допрос в дом, что против Дома Правительств стоял. На углу улиц Володарского и Советекой. Вот*

тут я и отскочила от конвоиров, растворилась в толпе. И, знаете, убежала бы, да баба какая-то глазами растопырилась, чтоб ей пусто было. Схватили меня немцы уже на улице Кирова. И били... Прикладами, прикладами... Ну и довелось весь ад пройти — из Минска в Нанси вывезли, потом в Эрувиль, на рудники. Не довелось бы, кабы убегла тогда. Потому и бегу все тридцать с лишком...

Апрельский день и солнца уж дождался, а поезд все шел, шел... Потом по вагонам потянулся слух: бельгийскую границу пересекли.

Остановились возле холмистого леса. Ни станции, ни полустанка. Высыпали из вагонов, построились своими колоннами и двинулись вдоль лесной опушки.

Шли недолго.

Разбив колонны на шеренги, растянули их версты на две. Раздали лопаты и приказали рыть... траншеи.

Женщины недоумевали: от кого здесь фашисты собираются обороняться?

— А может, союзники открыли, наконец, второй фронт? — предположила Нина Агошкова.

Ее слова, видимо, расплзлись по всей двухверстной полосе. Во всяком случае, женщины работали лениво, явно саботируя.

Ближе к полудню в траншею к Наде спрыгнул Станислав. Надя ахнула: откуда он здесь взялся? Вот вездесущий!..

— Надя, в лесу вас ждут.

Заколотилось гулко сердце.

— Когда?

— Сейчас. Пойдете со мной, чтоб не вызвать подозрений.

Надя кивнула Ане Михайловой, та сбегала за тетей Катей.

И вот они, сначала неспешным шагом, углубились в лес, потом, не выдержав, побежали.

С горки легко, а на горку — дышать нечем. Тетя Катя вовсе выдохлась. То и дело переходя на шаг, просила:

— Девочки, не оставляйте меня.

За третьим иль четвертым холмом...

— Здравствуйте, товарищи!

От этого «товарищи» Надя и ее подруги не то что расплакались — разревелись. Сколько не слышали родного слова! Да еще так громко, чисто по-русски...

— Я русский, советский. Иван Троян, — представился встретивший их. — Да успокойтесь вы ради Бога!..

Рядом с ним стояли уже знакомые Наде итальянцы — Федерико, Антонио. Молча улыбались.

— Времени у нас, товарищи, в обрез. Поэтому — к делу. Садитесь.

- Иван Троян первым опустился на пожухлую траву.
— Мы слышали о вас. Сколько согласны бежать?
Надя растерянно смотрела на него:
— Нам же сказали... только троим можно.
— Сколько придет. Какая у вас охрана? Может, помочь?
— Сами управимся. А людей много пойдет.
— До последнего дня держите в секрете — никому ни слова.
— А когда... этот последний день?
— Восьмого мая. Когда будете возвращаться с шахты, посреди пути, в лесу, сворачивайте направо. Версты через три вас встретят. Катрин знаете?
Надя знала Катрин. Молоденькую красивую француженку часто видела во дворе рудника.
— Она вас и встретит. Это будет ровно в двадцать три часа.
Вот оно! Приснился сын — и Наде радость. Хочешь верь в приметы, хочешь нет, а радость-то — наяву!

ДЕНЬ, ЕЩЕ ДЕНЬ, ЕЩЕ...

Двор рудника.

Колонна Сони Байковой стоит молча, хмуро. Опираясь на лопаты, все неотрывно смотрят на площадку, где рядками лежат погибшие женщины.

А из подземелья еще и еще выносят обезображенные трупы узниц.

— Видать, вся колонна под обвалом, — тихо говорит тетя Катя.

Поодаль от колонны сидят конвоиры — будничные, равнодушные, завтраки жуют. Мастер Таракан смотрит на каждый выносимый труп так, словно он —

свидетель конца света. Его длинные усы подрагивают. Наверное, шепчет молитву. В руках у него томик «Божественной комедии» Данте, с которым он не расстанется последние дни.

Двадцать пять трупов.

Да, вся колонна попала под обвал.

Из подземелья вылезает унтер, резким, дробящим тишину голосом бросает конвоирам приказ. Те вскакивают, бегут к колонне невольниц, показывают на соседний пустырь, куда надо нести погибших.

— Шнель! Шнель!

Аня Михайлова бурчит:

— Куда теперь торопиться...

Галя Демьянова не отходит ни на шаг от Нади, плачет.

Женщины медленно подходят к площадке, складывают попарно лопаты, как носилки, кладут на них погибших, поднимают на плечи. То же делают те, что вытаскивали трупы из подземелья.

Вытягиваясь в длинную процессию, медленно идут на пустырь.

Подходят к свежевырытой неглубокой яме, складывают на ее краю рядком трупы.

Надя Лисовец, Нина Агошкова, Варвара Смирная, Лелька Кабановская, Аня Михайлова, Лия Русакова, тетя Катя прыгают в яму, бережно принимают тела погибших каторжанок, укладывают на песчаное дно.

— Девочки, — обращается ко всем тетя Катя, — давайте ваши косынки.

Снимает с себя, покрывает лицо первой в ряду погибших. Все следуют ее примеру.

Выбрались на край могилы. Постояли минуту, прощаясь. Надя берет горсть песка, бросает... Вслед за ней — остальные.

Подходит Таракан, тоже бросает горсть песка.

Конвоиры приказывают брать лопаты, торопят: «Шнель! Шнель!»

Их не слышат. Лопаты берут в руки, когда последняя горсть песка падает в могилу.

Спины разгибаются, девчонки молча смотрят на свежий холм. И дальше — на весь пустырь, который горбится уже высохшими холмами и холмиками. Огромное кладбище — без крестов и надгробий. Только холмы.

— Ком! Ком! — кричат конвоиры.

Девчонки нестройно бредут, снова и снова оглядываются.

Рядом со свежим холмом выстроились двадцать пять пар сабо — обувь похороненных.

Сорока — Аня Михайлова трогает за плечо Надю:

— Колодки-то — сабо зачем притащили сюда? Тоже зарыли бы...

Надя молчит. Потом тихо роняет:

— Знать, новую колонну невольниц пригонят...

Девчонок шустро обогнал электрик Антонио. Он-то откуда здесь взялся?

Конвоиры отстали. В шахту колонну вел Таракан, мастер.

Вот уже карбидки вспыхнули похоронными огоньками.

— Надя, девочки! — не в меру громко остановила девчат Лия Русакова. — Вчера Антонио предложил мне идти жить к нему. Сказал, что немцы могут отпустить как прислугу для группы итальянских рабочих... Сказал, что любит... Что делать мне?

Для Нади все это прозвучало так неожиданно, вроде бы испугало даже, что она почувствовала слабость, опустила на камни. Только и спросила:

— А ты? Что ты решила?

Лия бросилась к ней, прижалась, заплакала.

— А что тут решать? — решительно заявила Нина Агошкова. — Любит же... Я — за! — подняла она руку.

Девчата проголосовали молча. Единогласно.

Лия не видела этого, не слышала. Она всхлипывала у Нади на груди.

Кирками рубили красновато-ноздреватую руду, лопатами, руками швыряли в вагонетки.

Надя распрямилась — на минуту передохнуть. И... увидела перед собой упыря. Будто дьявол вынырнул из темени. Узнал ее:

— А-а, вот ты где, тварь...

Взмахнул плетью, ударил.

— Обещал, что свидимся, свиделись.

И хлестал, хлестал. Надя закрывала лицо руками, пытаюсь увернуться, но плеть настигала, секла.

Девчата остолбенели.

Наконец, Наде удалось схватить плеть. Но упырь дернулся — Надя упала. Тогда он стал ее бить ногами.

Первыми подхватились Лелька Кабановская и Аня Михайлова, бросились на упыря. Но не успели. Молодая Варвара Смирная опередила их, сзади ударила его киркой по голове.

Упырь рухнул наземь.

Аня Михайлова выдохнула:

— Всё... Причесала.

Варвара как-то отрешенно, спокойно смотрела на убитого. Бросила кирку, глухо произнесла:

— Есть один. Еще пятерых достать...

Надю подняли. Тяжело дыша, она вытирала ладонью кровь с лица.

К ней бросилась малышка Галя Демьянова, заплакала:

— Тетя Надя! Что-то будет теперь?..

— Не знаю... Успокойся, галчонок... Не плачь, — растерянно говорила Надя, прижимая к себе девочку.

В тишине раздались шаги, и к женщинам вышел из темени штольни механик Жорж Манье. Посмотрел на труп упыря, присвистнул, покачал головой и исчез в той же темени.

— Всё... Теперь хана. Донесет! — проговорила Лелька Кабановская.

— Не донесет, — успокоила Аня Михайлова.

Это тихое «не донесет» услышала только Надя, вроде как Аня лишь ей сказала.

Из темноты опять вынырнул Жорж Манье.

— Бонжур! — приободрил он женщин. Жестами показал, чтоб подняли труп и несли за ним.

Тетя Катя, Аня Михайлова, Мария Андриевская и Нина Агошкова подняли упыря, потащили за Жоржем Манье. В глубине штольни был колодец, туда и сбросили.

Жорж Манье ушел. Надя — к Варваре Смирной:

— Спасибо тебе, Варварушка...

Одна Надя поняла ее слова: «Есть один. Еще пятерых достать...»

Вспомнилась картина в вагоне их эшелона: Варвара вытянула из волос заколку и ковыряет ею пол. Мужчины из соседнего вагона сбежали же — пробили пол, попрыгали на шпалы. Сказала она тогда Наде: «Мужа, мать с отцом и трех моих крошек-детшек немцы спалили в хате... Я должна выжить... Чтоб шесть фрицевских душ отправить на тот свет...»

Одну поганую душу отправила...

Махонькая, с кухней в нише, комнатка. Стол, два стула, диван, кровать...

Лия и Антонио сидят за столом, кончают ужинать. Лия в белой блузке, черной юбке, у нее еще мокрые волосы после ванны.

Антонио поднимает бокал с вином, молча предлагает выпить. Лия отпивает маленький глоток, осторожно ставит бокал на стол.

Антонио вскакивает, собирает посуду, уносит на кухню. Передник на нем...

Но тотчас возвращается к Лии, говорит на ломаном русском:

— Антонио делать кофе!

И снова бежит на кухню, ставит на плиту кофейник. Что-то тихо напевает по-итальянски.

— Лия! — зовет он. — Карашо!

Лия не слышит.

Кофейник кипит, кофе проливается на плиту. Антонио спешит снять кофейник, обжигается, отдергивает руку — тот летит на пол.

Антонио посмотрел на Лию. Та не повернула голову. Тогда он взял в руки мандолину, начал играть и петь.

Мандолину Лия услышала. Улыбнулась, смотрит влюбленно на Антонио. Он отложил мандолину, подходит к Лии, целует руки ей, щеки, губы, глаза. Когда тронул грудь, Лия отшатнулась, отскочила испуганно к стене, закрыла грудь руками.

Антонио улыбнулся извиняюще, отошел. Лия смотрит ему в спину, зовет:

— Антон...

Он оборачивается. Лия решительно расстегивает кофточку на груди, распахивает ее.

В глазах Антонио — ужас. Он видит на груди Лии шрамы, образующие пятиконечную звезду.

Медленно подходит к Лии, нежно проводит рукой по шрамам-звезде. Склоняется, целует израненную грудь.

В глазах Лии — смятение, боль, нежность. Она закрывает глаза, обнимает голову Антонио. Из-под ресниц бегут слезы...

ДЕМОНСТРАЦИЯ

Кутерьма какая-то в ночи. Прошло построение, подвели к воротам, а они закрыты.

И часовой не спешит их открывать. Все конвоиры метнулись к дальнему бараку, откуда неслись крики.

Колонны смешались в толпу, женщины, поеживаясь от предрассветного ветерка и криков из барака, спрашивали друг у друга — что там? будто от вопросов этих что-то прояснится.

Наконец, конвоиры выволокли из барака нескольких девушек, втолкнули их в общую толпу, а сами — обратно.

Кое-кто из девушек тоже рванулся назад. И снова — крики по-русски, окрики по-немецки.

Оказывается, забастовала колонна Клады Черновой. Работала она на станции, грузили-разгружали платформы. И не платформы, а ящики на колесах, борта не открываются...

— Чего же они требуют?

— Чтоб работать не десять часов — на станции, а двенадцать, но только в шахте.

Бог ты мой, бастуют за право трудиться на каторге! Светопреставление...

— На полуостров Ханко немцы полезли сразу же: закрывал он им путь в Финский залив. Потому и увидела я войну в ее первые дни. Работала на Ханко бухгалтером. Долго тогда

Верден 1944 г.

дрались за этот полуостров наши матросы, солдаты, да силы были неравные. Когда сдали оборону, я попала в Тихвин. А все равно далеко не ушла. Немцы рвались к Ленинграду — и Тихвин захватили. Оттуда погнали меня на работы в Псков. Ну, а через год-другой — опять в дорогу, уже под конвоем: концлагеря и тюрьмы — Моглино, Рига, Равенсбрюк, Эрузиль... За арестовали? Плюнула я на портрет Гитлера. Кто ж тогда не плевал на него, все плевали!.. Не на стенку Гитлера вешать — давно пора б к стенке поставить... Вот за это «святотатство» свое и угодила я на каторгу...

— Девочки! — прозвенел рядом удивленный голос Зины Юшкевич. — А ведь сегодня Первое Мая... Как же это, а?

Последние ее слова повисли в тишине. Все замерли, словно пришибленные ими: в самом деле, как же это?.. Вот так просто — Первое Мая?

Потом прорвало... Бурей закружили, загремели голоса.

— Да здравствует Первое Мая — международный день солидарности трудящихся!

— Ура-а!..

— Ура героической Франции!

— Да здравствует Москва!..

Все лозунги разом, в кучу. И никто их не слушал, каждый кричал, кричал, кричал!..

И песня рванула — одна на всех. Поди разбери, кто ее начал. Тот голос мгновенно был заглушен хором

в восемьсот женских криков души. «Москва майская»...

Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая.
Страна моя,
Москва моя, —
Ты самая любимая!..

Конвоиры не могли выгнать колонну Клавы Черновой из барака — песня выгнала. Еще двадцать пять голосов прибавилось.

Очумели немцы: что случилось с тихими, мирными рабынями? Чего горланят, о чем поют? Сам черт не разберет сейчас даже с переводчиком.

Распахнули ворота — толпа хлынула потоком из прорванной плотины. В лес, в лес, на дорогу!.. Никогда дорога эта не видела столь бурной демонстрации. И колонны вот уже подобрались, ровнехонько идут, чеканя шаг деревянными колодками.

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Кто-то не вспомнил начало, кто-то забыл конец, пели один припев — без страха, самозабвенно.

Это есть наш последний...

Надя глянула на конвоиров, идут, вобрав головы в плечи. Что так? Неужто отказали ваши автоматы? Или проснулось что-то в вас, тотальниках? Ведь пела же, пела когда-то Германия этот великий гимн голодных и рабов!

Четырех могучих строк припева хватило на семь верст лесной дороги. Когда-то в Минске и Ленинграде, Смоленске и Пскове эти девчонки, женщины сбивали ноги на первомайских демонстрациях. А сейчас — ни усталость не берет, ни радость с ног не валит. Давай быстрее, живей в вагоны!

Конвоиры тоже спешат — скорей на шахту, сдать с рук на руки французам этих взбесившихся советских.

Наш паровоз, вперед лети!
В коммуне — остановка.
Другого нет у нас пути, —
В руках у нас винтовка...

В руках у некоторых женщин появились маленькие красные флажки. Знать, чьи-то кофточки, уцелевшие от дома, стали сегодня кусочками Родины.

К еще сонному Тилю поезд всегда подходил в тишине. А сегодня машинист дает гудок! Протяжный, зовущий!..

«Интернационал» разбудил городок в мгновение ока. Высыпал на улицы и стар, и млад. Машут приветственно руками. Кто-то поднимает крепко сжатые кулаки. Рот фронт? Ну конечно же — рот фронт!

Одна за другой колонны втягивались во двор шахты, затопляя его до самых дальних заборов. В рудники никто не спускался. Мастера — французы не спешили забирать своих подопечных. Да и не видно их что-то нынче.

— Надька, открывай митинг! Да здравствует Первое Мая!

Это Лелька Кабановская кричит. Верно, и митинг должен быть! Только как же его открывать, если он уже идет и вместо одного оратора — восемьсот?

Митинговали минут двадцать.

Очухались за это время немцы. Угрожая автоматами, стали загонять женщин в подземелье.

Да ведь и под землю загонишь — жив «Интернационал»!

Таракана сегодня не было. Колонну принял его помощник — Степан. Светя фонарем-карбидкой, он быстро сбежал по каменным ступеням. И не отстанешь от него: в темноте и лоб расшибешь, и заблудишься — не отыщут в этом лабиринте галерей.

И вдруг...

Сэ ля люттэ финале
Группон-ну э демен
Л'ентернасьенале
Сэра лё жанр юмен.

Шагая по шпалам галерейной узкоколейки, размахивая в такт фонарем, Степан пел. Это было настолько неожиданно, что девушки минуту шли молча. Потом, не сговариваясь, разом подхватили: «Это есть наш последний...».

Под землей, на земле Франции — родине пролетарского гимна — «Интернационал» сегодня звучал громче по-русски.

Надя шла первой — за Степаном. Первой она подошла и к куче ожидавших их лопат. Но руки не тянулись к работе...

— Девчата, забыли? Первое Мая — не рабочий день, — объявила Аня Михайлова.

— Верно, Сорока! — хлопнула ее по плечу Нина Алексеева. — Значит, отоспимся?

А Вера Завьялова будто ушат холодной воды вдруг плеснула:

— Не замордуют нас?

Стало слышно, как со сводов, со стен галереи падают тяжелые капли воды. Звонко так: боль, боль, боль...

Глянув на девушек, вдруг отрезвевших от буйной, хмельной радости, Надя, и сама отрезвевшая, впервые сегодня подумала о назначенном дне. Восьмого мая — побег! Каждый день считала, каждый час, а нынче вот... Что же теперь будет? Немцы не простят им ни демонстрации, ни «Интернационала». Значит, не будет восьмого мая?! А может, сегодня в побег? Рвануть в лес и...

— Замордуют, говоришь? — тихо переспросила Веру Завьялову Нина Агошкова. И вдруг сорвалась на крик: — А мне наплевать! Мне на...

Надя и раньше слышала, как разведчица лихо обращается с русским языком, но сейчас Агошкова... все богатство его собрала на головы немцев.

А отвела душу — так же вдруг тихо, с улыбкой даже, сказала:

- Вспомните клич Апассионари: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Наши отцы-матери учились этой грамоте: «Мы не рабы...». Давайте лучше споем еще. Шурка, запевай!

— Погодите, — остановила Шура Владимирова. — Голоса сохранить надо бы. Запоем, когда мордовать станут. А сейчас вопрос у меня есть: почему фирма «Полонски и Цольнер» заставляет нас работать по двенадцать часов? Почему в других фирмах день десятичасовой?

— Бастуем? — вопросом на вопрос предложила Лелька Кабановская.

— Бастуем!

Решение было единогласным.

А Надя снова заволновалась: как же... восьмого мая?

Посоветовалась с тетей Катей, Аней Михайловой. И они приуныли — сорвется побег!

Тогда Надя встала, вышла на середину галереи и громко сказала:

— Девочки, нельзя бастовать!

Все повернулись к ней в недоумении.

Лелька Кабановская даже поперхнулась:

— Т-ты?.. На-адя?!

Вмешалась тетя Катя, поддержала Надю. И тогда все разом загомонили:

— Да вы что?..

— Почему нельзя?..

Надя уже сама пожалела, что вылезла с этим «нельзя». Как им объяснить — почему? Ведь о побеге пока никто не должен знать.

В подземелье просидели десять часов и наверх выбрались до срока. К общему удивлению, во дворе шахты их уже поджидали конвоиры. А может быть, после столь бурного утра они и вовсе не уходили?

В лагере их тоже ждали. Едва колонна втянулась в ворота, последовала команда к общему построению.

Солнце клонилось к закату, и было оно сегодня цвета полыхающего флага — ало-багровым. Надя смотрела на него и думала: всего каких-то два-три часа назад это солнце светило в Минске, висело над крышей ее дома на Оранжерейной... Оно-то, солнце, знает: свободен Минск или все еще под сапогом оккупантов. Вот уж месяц, как здесь, в лагере, чуть не каждодневно радуют друг дружку желанной вестью: Минск освободили! А потом оказывается — нет...

В центр плаца, опоясанного строем невольниц, прошел начальник лагеря «Эрувиль». Вместе с ним несколько офицеров, Ольга Васильева — переводчица. И Пластинка зачем-то приволоклась. Прическу навела...

Никто толком не знал ее «должности». Жила в отдельной комнате. По вечерам выдавала колонн-фюре-рам хлеб на каждую из их колонн. А утром бегала по баракам* кричала: «Па-дымайсь!» Однажды на этот

осточертевший крик кто-то из женщин огрызнулся: «Хоть бы раз пластинку поменяла».

С той поры и зовут ее — Пластинка.

— Ахтунг, ахтунг! — визгливо призвал к вниманию один из сопровождавших начальника лагеря офицеров, хоть на плацу и так стояла гробовая тишина.

Начальник медленно пошел вдоль строя. Говорил он резко, будто каркая. Легкой тенью следуя за ним, Ольга Васильева переводила:

— Непорядков много!.. Забастовка... «Интернационал»... Кто смутьяны? Зачинщики?..

Не выдерживая его сверлящего взгляда, женщины опускали головы.

— Великая Германия не потерпит большевистской заразы! За забастовку и «Интернационал» зачинщики **БУДУ** расстреляны. Кто они? Три минуты даю на размышление. Предупреждаю, расстреляны могут быть и совершенно невинные, трудолюбивые люди. Покажите зачинщиков! Если не покажете виновных — всем расстрел! Оглянитесь!

Дрогнул строй. Оглянулись. За спинами в десятке метров цепью стояли, изготовившись, автоматчики.

Надя почувствовала, как холодок пробежал по спине. Конец?..

Аня Михайлова прошептала помертвевшими губами:

— Это — смерть... Такое уже было здесь...

— Не выдавайте...

«Не выдавайте»? Или слышалось?

Ольга Васильева в упор смотрела на Надю, и в глазах ее застыло: нет, не слышалось тебе...

— Осталась одна минута!

Сапоги начальника лагеря отсчитывали секунды на гулких камнях плаца. Сердце Нади считало...

Вот уже за шестьдесят перевалило... Семьдесят два, семьдесят три...

На семьдесят восьмом шаге-секунде в круг на прямых ногах прочеканил какой-то сухопарый офицер. Подошел к начальнику лагеря, щелкнул каблуками, выбросив вперед руку: «Хайль!» И что-то тихо стал говорить ему. Тот повернул чуть влево голову и, слушая, уставился на их колонну, Надину. Спустя полминуты Ольга Васильева переводила его приказ:

— Все, кто не работал сегодня, сейчас будут отправлены на шахту. Хлеба не выдавать! Он вам не понадобится...

Что еще задумал полковник-гусак?

Как и подруги, всю дорогу до шахты Надя ломала голову над этим вопросом. И еще: почему все-таки конвоиры были такими смирными, когда гремел «Интернационал», когда красные флажки гвоздиками рассыпались по колонне? Ведь не перестали фашисты быть фашистами...

Вопросов было много, ответа ни одного.

Когда оставалось полверсты до Тиля, Нина Агошкова вдруг отчаянно бросила девчатам:

- Давайте рванем кто куда, а? Всех не перестреляют... Или вот навалюсь на этого фашиста, и пока совладеет он с моими объятиями, ветер да-алеко вас унесет!

Девчата заволновались. Лелька Кабановская, такая же отчаянная, как и ее подруга, тотчас поддержала:

— Верное предложение! Все равно, сказал же гусак: хлеб вам больше не понадобится.

Аня Михайлова подбежала к Наде, схватила за руку, зашептала горячо:

— Надька, ангел мой, останови еще раз этих дур, иначе все сорвется! Тебя они послушают, Надь...

Надя и сама уже понимала, что восьмого мая побегу не бывать, если сейчас... А сейчас все сорвется, это яснее ясного, всю свою свору немцы поднимут на ноги, оцепят округу. Да и куда бежать, кто знает? А восьмого Катрин придет...

В эту минуту как-то и ответ пришел — пожалуй, на главный из вопросов.

— Стоп, девчонки! Отбой! — остановила Надя. — Не расстреляют.

Нина Агошкова удивленно посмотрела на нее:

— Что, сам гусак тебе это сказал?

— Не остри, язык обрежешь! — оборвала ее Надя и убежденно заговорила: — Если бы фашисты решили всех перестрелять, расправиться со всеми, зачем бы им зачинщиков выявлять? Поставили бы всех под один пулемет... Значит, не просто не хотят, а не могут они сейчас этого себе позволить. Нужны мы им, вот! Перестреляют всех — кто будет на шахте работать? Соображаете? Гитлер с нашего гусака шкуру сдерет, если шахта в простой встанет.

Лелька Кабановская хмыкнула:

— А что? Я всегда говорила: Лисовец — это голова. Чтоб только не сняли ее с плеч...

— Не успеют, — обронила Надя и тотчас пожалела. Лелька привязалась:

— Надька, ты что-то знаешь... От нас скрываешь?

— Ничего я не знаю. Узнаю — скажу... Всему свой черед.

Вера Завьялова.
Порхов. 1940 г.

— Много лет жили в памяти мужество, верность, честность моих подруг и товарищей, а события хотелось забыть. Мы мало успели... Рассказать больше, чем Надежда Лисовец, вряд ли кто сможет. Она была организатором и душой отряда, в ней удивительно сочетались мужество, твердость и доброта. Мы верили ей и восхищались ею... И еще в

Эрувиле мне повезло. Там, я встретилась с Ниной Алексеевой, с которой училась в одной школе — в Порхове Псковской области. Когда началась война, я была в девятом классе. Через Нину я узнала и о побеге из лагеря в маки, к французам. И после войны мы вместе были — учились в горном техникуме. Потом я закончила Московский горный институт. Мой выбор профессии? Конечно же — ирония судьбы... За триста лет существования рудников Лотарингии ни одна женщина не спускалась в шахты. Рудник фирмы «Полонски и Цольнер» — каторга. А кто ж каторгу вспоминает с любовью?..

Утром на лагерном плацу снова было общее построение. Как заметила Нина Агошкова: «Действующие лица те же, но в реквизите кое-что изменилось». Кое-что — это пулеметы, установленные в центре.

Все так же расхаживал вдоль **строя** гусак-полковник, так же на раздумья давал три минуты, две, одну...

Надя убеждена была, что разыгрывается театраль- ный спектакль — запугать, придавить, сломить. И все-таки не по себе, когда в глаза твои холодно смотрят черные зрачки пулеметных стволов.

— Ну как голова твоя? — шепчет слева Агошкова.

— Пока на плечах...

— Что, расстреливать будут, да?

Это — справа — шестнадцатилетняя Галя Демьянова.

— Нет, Галинка, не будут.

Но ведь что-то же будет? Что?..

— Колон-фюреры должны поддерживать дисциплину и порядок, — переводила речь гусака Ольга Васильева. — Со своей задачей они не справились! На-

против, допустили возможность непослушания, и потому расстрел для них есть справедливая мера наказания! Они — первыми... У вас мало времени на раздумья! Назовите организаторов, и вы сможете продолжать работать и жить!

Замерли лица невольниц.

Аня Михайлова словно вышла из обморочного состояния. Шагнула из колонны, торопливо заговорила:

— Герр комендант, мы действительно не знаем, кто зачинщики... Знали бы — сказали... Прошу вас, назначьте меня колон-фюрером! Мы пойдем на шахту и отработаем положенное... Мы будем стараться!

Полковник слушал Михайлову. Ольга Васильева переводила, и он согласно кивал головой.

Лелька Кабановская, не разжимая зубов, процедила:

— С-сука!

А Михайлова торопилась:

— Герр комендант, такое больше не повторится. У нас будет порядок. Я ручаюсь!

Начальник лагеря подошел к шеренге колон-фюреров, резко бросил:

— В карцер! Три шага вперед!..

Соня Байкова тихо бросила через плечо:

— Прощайте, девоньки, если что...

В центр круга вошел парикмахер. Первой подтолкнули к нему Клаву Чернову, сорвав с ее головы портянку. Многие девчата приспособивали портянки под платки, чтобы хоть как-то прикрыть лагерные «прически».

— Стричь наголо!

Начальник лагеря шел вдоль строя. Останавливался:

— Ду!

И в центр выволакивали ту, в которую ткнул он пальцем.

— Ду!

Это уже Нину Агошкову.

Нина сама обнажила голову.

— Да нечего меня стричь, разве что скальп снять. Не моя это. Видишь? — показывала она чужую прядь волос, забранную под платок-портянку.

Но гусак-полковник шел уже дальше, и солдаты вытолкнули Агошкову из строя.

— Их расстреляют, да? — всхлипнула Галинка Демьянова.

Похоже...

В мыслях Надя стояла на своем: не могут они сейчас этого сделать, не могут! Даже выборочно, для остратки. Колон-фюрерами назначали тех, кто хоть немного знает немецкий. Расстреляют их, кого тогда будут ставить этими фюрерами?

А в сердце змеей вползала тревога: искать логику в делах фашистов — все равно что блох в этом бараке истреблять...

Вырванных из строя, остриженных, кроме Агошковой, увели. Оставшихся, продержав на плацу еще с полчаса в неведении, погнали за ворота. На шахту. Без хлеба, без кофе-баланды.

Барак спит. Слышно лишь тяжелое дыхание невольниц. Лампочка под потолком светит тускло.

Надя проснулась от глухой возни на нарах рядом с ней. Подняла голову, смотрит, ничего не может понять.

Лелька Кабановская, Нина Агошкова, Варвара Смирная, накрыв кого-то пальто с головой, молча колотят кулаками, душат. Из-под пальто — сдавленные стоны.

Лелька Кабановская выдыхала свистящим шепотом:

— Сука... тварь... продажная... фюрером захотела...

Надя подхватила, разметала девчонок:

— С ума посходили!

Из-под пальто выбралась Аня Михайлова. Даже при тусклом свете видно — из губ идет кровь.

Девчонки, которые только что устроили ей «темную», притворились спящими. Аня посмотрела на них, сплюнула на пол кровь:

— Дуры! Зубы-то хоть пожалели бы...

Слезла с нар, пошла в дальний угол барака, к бачку с водой. Девчата мгновенно «проснулись».

— Ты что-о? — зло спросила Лелька Надю. — За кого заступаешься? Думаешь, она просто так к тебе прилипла? А? Просто так, да? Мы тут кое-что выяснили...

— Надь! Послушай, здесь тоже была забастовка... раньше, — горячо зашептала Нина Агошкова. — Так всю колонну расстреляли, а она осталась... Почему? Бойся, сволочь, смерти! Видишь, сразу в колон-фюре-ры попросилась! И назначили! А? Почему?

Надя сидела молча, вроде не слушала.

— Провокатор она! — бросила Кабановская.

— Нет, — тихо, но твердо сказала Надя.

- Дура ты! Со страха потеряла способность соображать? — еще больше закипела Агошкова. — Я думала, ты и вправду командир, а ты — размазня! Наивная и доверчивая! Люди-то разные бывают! Умеют и прикидываться! Эх!..

— Завтра о тебе будем говорить со всеми девчатами! Не хочу я такого командира! — закончила Лелька Кабановская и улеглась.

Легли и Агошкова, и Варвара Смирная.

Надя сидела грустная, подавленная.

Морили голодом сутки, вторые. В ночь на третьи в барак пришла Ольга Васильева, позвала Шуру Владимирову. Около часа где-то пропадали.

Вернулась Шура одна. Ее колотило так, будто лихорадку подцепила. Залезла на нары, всхлипывала как ребенок, потом ругаться стала:

— Чтoб мозги у них поусохли — такое придумать!..

— Что стряслось-то? — спросила Агошкова.

— Соню Байкову на расстрел водили...

- Ну ?

— Пятнадцать шагов идет, станет лицом к стенке, а они считают: айн, цвай, драй... Хохочут, когда она в обморок обвалится. А в третий раз — очередями из автоматов... Поверх головы. Свихнуться можно...

Утром колон-фюреров пригнали на шахту отдельной колонной, всучили тачки, заставив очищать галереи от нечистот.

Клава Чернова рассказала Наде, как и ее из бункера водили, имитировали расстрел.

— Поседею я, наверное, Надь.

На остриженной голове у Клавы была шелковая косынка.

— Обер-инженер Сильвио подарил только что. И смех, и грех! Хлеба принес, да сколько его на всех-то! По крошке...

Ночью в бараке только и обсуждали, как помочь своим колон-фюрерам. Одни предлагали — просить немцев, чтоб выпустили из бункера, другие, более горячие головы, — снова бастовать.

Соня Байкова.
Луга. 1941 г.

— Когда немцы были уже близко от нашей деревни Новые Крупели, все мы, школьники, пошли рыть противотанковые рвы. Попали в одночасье под бомбежку. Ногу мне осколком зацепило, и лечиться довелось в Ленинграде. Но не долечилась, так, на костылях, и забрала меня мама из госпиталя под расписку, вроде как дома-то, в деревне, спокойней будет. В августе это

было. А в сентябре по нашей улице уже разливали немцы. Вот тебе и «спокойнее»... Лучше бы я в Ленинграде осталась! Потому мы узнали, как мерли там люди от голода в блокаде. Да ведь все лучшие — среди своих... В конце сорок третьего арестовали меня на станции Толмачево, это в Лужском районе. И пошла по этапам: Луга, Псков, Моглино, Равенсбрюк, Эрувиль.

— Хлеба достать бы, — проговорила дивчина из колонны Черновой. Поскребка, вроде, ее фамилия. — А уж передать в бункер я бы как-нибудь смогла. Сейчас, видела я, часовым стоит Гансик, знаю малость его, жалостливый такой.

Легко сказать — хлеба достать! На нарах не растет, не выпекают.

И вдруг Надю осенило: Пластинка!

— Леля, пойдём!

Кабановская поднялась:

— Куда?

— В булочную.

— Так это ж расстрел! Тут уж только попадись...

В соседний барак пробрались благополучно. И в комнату Пластинки вошли, когда та была одна.

— Здравствуйте, девушки, — удивленно-растерянно поздоровалась хозяйка, поднимаясь с кровати.

— Дай хлеба! — в один голос потребовали гости.

— Хлеба? Где ж я его возьму? Весь раздаю...

— Ты меня знаешь, — предупредила Лелька.

Да, Кабановской Пластинка побаивалась.

Надя оглядела комнату. Тумбочка открыта — пуста. В шкафчике тоже нет. Безнадежно заглянула под кровать... Есть! Буханок десять!

Взяли по буханке.

— Это для немцев... — не нашлась, что б соврать половчее, Пластинка.

— Ничего, не отощают твои немцы, — ухмыльнулась Лелька.

— Почему мои?

— Тебе виднее.

В барак вернулись — незаметно прошмыгнули на свои нары. Не надо всем глаза мозолить.

Поскребка ойкнула при виде двух буханок, сунула их быстренько за пазуху и тотчас подалась к выходу.

Лелька восторженно ткнула Надю в бок:

— Жива Надежда, значит, и надежда жива!

А тут еще Вера Завьялова лезет под бок, шепчет:

— Красивое у тебя имя...

— У тебя еще красивее, — улыбнулась Надя. — Вера... Вот и будем с тобой — надеяться и верить.

— Во что верить?

Надя подумала. И не ответила:

— Это я так, к слову...

Поздний вечер. Двор лагеря.

Длинные очереди невольниц с мисками под баланду... Окна раздаточных закрыты. Женщины стоят молча, обреченно.

В конце плаца послышались крики немцев. Приближалась колонна — человек тридцать.

— Ой, это ж наши колон-фюреры! — ойкнула Галя Демьянова. — Вон Соня Байкова...

Невольниц, так и не получивших баланды, и колон-фюреров охранники стали загонять в барак.

— Ну, все! Значит, сегодня «цирк», — тихо проговорила Аня Михайлова.

Шедшая рядом Надя Лисовец не поняла:

— Какой «цирк»?

— Жуткий, — ответила так же тихо Аня. — Придет фрау Гизела. Видела на плацу — с начальником лагеря? Красивая такая... Дрессировщица...

Аня не успела досказать: охранники подгоняли прикладами автоматов.

На нарах все девчата сгрудились вокруг Сони Байковой. Аня Михайлова держалась поодаль.

— Внимание! Внимание! — раздался крик Пластинки.

В дверях стояла фрау Гизела в своем ладно пригнанном мундире — чистенькая, аккуратненькая.

В проход между нарами огромный чан с баландой протащили... Маня и Дуся. Да, да, те самые крохоборки из вагона эшелонного, умыкнувшие две буханки хлеба, что поляки протолкнули через зарешеченное окно. И здесь крохоборками устроились. Поставили чан, встали по бокам как часовые.

Барак мрачно смотрел на них.

Фрау Гизела пошла по проходу. Пластинка преданно семенила за ней.

— Сейчас я проведу урок... воспитания, — ласково проговорила немка.

Пластинка перевела.

— Это очень полезный урок. Для непослушных. Как я уже говорила, мой папа был дрессировщиком, имел потрясающий успех у зрителей. Его животные были... ну, просто как люди. Я пошла дальше папы: моя дрессура более оригинальная...

Ее голос был ангельски чист и нежен, улыбка обворожительна.

— Итак, начнем, — кивнула она Пластинке.

Та что-то тихо сказала Мане и Дусе. Те подошли к маленькой и жутко истощенной женщине, скинули ее с нар на пол, поставили на колени.

— Але ап! — хлопнула ладошками холеных рук немка.

Женщина пугливо озиралась по сторонам.

— Але ап! — громче крикнула немка.

В глазах женщины стыл ужас.

Немка протянула руку, и Пластинка услужливо вложила в нее изящную плеть.

— Але ап! — в третий раз крикнула немка и наотмашь, резко, профессионально ударила плетью невольницу. Плеть, как бритвой, рассекла шею, щеку. Полилась кровь.

Невольница опустилась на четвереньки и так, пособачьи, окровавленная, побежала к чану с баландой. Немка шла следом и хлестала плетью по спине, рукам, ногам.

Невольница подбежала к чану и стала лакать баланду, вроде как похрюкивая, чавкая.

Надя и ее подруги с ужасом смотрели на эту сцену.

— Так, так, умница, — ласково похваливала фрау Гизела и, надавив рукояткой плети на голову женщины, раз и два окунула в чан. И тотчас приказала: — Хватит! На место!

Женщина на четвереньках пробежала по проходу к нарам. Влезла на свое место, ткнулась лицом в доски, плечи ее судорожно вздрагивали.

— Ну, а теперь все вместе! Але ап!

Маня и Дуся побежали по проходу, стаскивая женщин с нар, швыряли на колени. Надя с подругами сами спустились в проход. И вот уже весь барак стоял на коленях между нарами.

Только Надя и ее подруги замешкались. Аня Михайлова подползла, громко зашептала:

— Надя, девочки, так надо... Кто не подчиняется, того «алеапка» забирает с собой, а это уже смерть...

Надо это, Надя, иначе завтра... сама знаешь... не будет нашего завтра...

Надя посмотрела на нее, вроде что-то поняла, опустилась на колени.

— Итак, мои милые русские свиньи... На колени! Быстро! К еде! Але ап!

Весь барак ползет на четвереньках длинной извивающейся очередью. Одна за другой женщины подползают к чану, лакают баланду. Фрау Гизела легкой походкой идет вдоль этой очереди — свистит, шелкает плетью.

Ползут Надя, тетя Катя, Аня Михайлова, Нина Агошкова...

В какой-то момент Надя останавливается, с ужасом смотрит на этот раздавленный человеческий муравейник.

Вдруг подхватила, вскочила, закричала:

— Женщины! Родные! Товарищи! Да что же это такое, господи! Мы же люди! Лю-ди!..

Крик ее остановил движение ползущей очереди. Одна женщина, другая вставали с колен. И вот — весь барак на ногах!

Фрау Гизела издали смотрела в сторону Нади. Потом кивнула Мане и Дусе: приведите ее сюда-

Здоровенные Маня и Дуся подошли к Наде. Но не решились ее схватить. Дуся тупо смотрела на свою сестрицу, у той в глазах — смятение. Будто проснулось в них что-то...

Надя сама пошла по проходу. Медленно, как на эшафот. Женщины расступались, образуя узенький коридор.

Остановилась Надя перед немкой — глаза в глаза.

В гробовой тишине ангельски прозвучал голос фрау Гизелы:

— О, среди свиней затесалась львица! И сорвала мне урок воспитания. Это непорядок! Придется зани-

маться с тобой персонально. По особой программе. Ты узнаешь, как работает фрау Гизела. Животных, не поддающихся дрессуре, нет. Завтра я буду заниматься с тобой весь вечер и всю ночь. Хотя, — ухмыльнулась она, — урок обычно кончается быстрее, до ночи...

Фрау Гизела резко взметнула плеть. Надя зажмурилась, но не шелохнулась.

Резкие, свистящие удары плети... От каждого удара Надя вздрагивала. А открыла глаза и увидела... Немка хлестала Маню и Дусю. Те схватили чан с баландой и потащили его к выходу.

Вслед за ними — немка, Пластинка.

Невольницы еще некоторое время стояли молча, потом потихоньку стали расходиться.

К Наде подошла Лелька Кабановская.

— Ты — человек, командир! — тихо сказала она.

Подошли другие девчата, обняли Надю, новели к своим нарам.

Надя как легла — разрыдалась. Как давно она не плакала! И сквозь слезы кляла себя:

— Дура я, дура, что наделала... Могла все загубить...

Тетя Катя успокаивала:

— Ведь не загубила! И — пора, Надежда. Объявляй...

Надя сквозь слезы:

— Сама говори... Скажи... Сама...

Тетя Катя обвела всех взглядом, сказала:

— Завтра утром — побег. По дороге из шахты, в лесу. Посредине пути — знаете — развилка. Когда услышите шум, а то и стрельбу, уходим вправо, в лес. Через три километра — ручей. Идем вверх по течению, по воде, по песчаной отмели. Там — место встречи... Так решил штаб.

Ее сообщение оглушило девчат.

— Идут все, кто хочет драться. Добровольно.
Помолчала. Потом тронула за плечо Демьянову:
— Галинка, сходи-ка к Клаве Черновой, шепни ей... Только надежных девчат из своей колонны пусть берет. Ну, что уставились? — повернулась она к девчатам. — Всё! Теперь спать. Спать!

ПОБЕГ

Сердце — хоть ты его руками держи! — колотушкой бьется в груди. Вот еще десять, нет, пятнадцать шагов — и надо выйти из колонны, в лес, вроде как по надобности. Только бы конвоир не заметил, иначе придется возвращаться.

И как на беду — к конвоиру, который шагал впереди Нади, подошел еще один, закурил, и вот они уже почти рядом с ней, будто сторожа ее от леса. Идут, разговаривают...

Надя растерянно смотрит на тетю Катю, Аню Михайлову. А условленная развилка все ближе, ближе.

Аня шепчет:

— Не может быть... Не может быть... Видать, что-то не сработало...

Головная колонна уже должна была поднять бузу, а там — ни звука.

Аня тронула Надю за руку:

— Я пойду туда... Прощай, если что...

И споро зашагала вперед сквозь шеренги своей колонны.

Вот уже и развилку миновали. Девчата выжидающе смотрят на Надю. А что она может?..

И вдруг... Вдруг! Впереди крики, брань на русском и немецком. Даже выстрел грохнул.

Конвоиры, что шли чуток впереди Нади, всполошились, побежали на крики, на ходу снимая с плеч автоматы.

— Надь! Ну?..

Кто ее окликнул?

Так, так, Надежда, спокойно, не сорвись сразу на бег, пока не скроют тебя деревья, кустарник. Черт возьми, как громко стучит сердце! Или это колодки деревянные так предательски стучат?..

Оглянуться бы — где там девчата, а страшно... Будто во сне все происходит, и вот-вот оборвется этот сон.

Ну, а теперь бежать. Снять колодки и босиком — по траве, камням, колючкам!..

Ничего этого ноги не чувствовали: Надя летела, летела, пока хватило в легких воздуха. Где-то на второй или третьей версте упала, споткнувшись. А подняться уж не было ни сил, ни желания.

Свобода? Нет, к ней надо еще идти. А сперва — собраться всем, чтоб ждать потом в условленном месте Катрин. Только трое точно знали это место — Надя, тетя Катя и Сорока — Аня Михайлова. Договорились сразу: в побег звать того, кого хорошо знаешь, на кого можешь как на себя положиться. Надя позвала Нину Агошкову, Лельку Кабановскую, Ларису Сомчинскую, Клаву Чернову... Лариса — Лену Дик, которая потом просила за кого-то из мужского лагеря. Тетя Катя сказала Марии Андриевской, еще кому-то.

Ольга Васильева отказалась. Объяснила Наде:

— Из-за меня уже к вечеру спохватятся немцы. Сколько смогу, буду скрывать ваш побег. Поверь мне...

В обязанности переводчицы входило считать в воротах лагеря — все ли пришли со смены.

— Надя!

Это Клава Чернова. Надя поднялась, пошла на ее голос.

Встретились — словно год не виделись. Почему-то смеяться стали. Смотрели друг на дружку и смеялись.

— Ну, пошли?

— Пошли.

В условленном месте, где беглянок должна была ждать Катрин, никого не оказалось. И Надя заволновалась. Она знала: Лелька Кабановская еще утром ушла из лагеря, под колючей проволокой за кухней выползла. А скоро уже вечер, солнце по самым верхушкам деревьев бьет закатными лучами.

Ну вот, легка на помине — летит Лелька. А за ней Сорока — Аня Михайлова, Мария Андриевская, тетя Катя, Нина Агошкова, Варвара Смирная, Надя Дерех, Лена Дик... Свалились в кучу-малу, обнимаются, целуются, смеются, плачут.

Лена Дик.
Минск. 1945 г.

— Слышали про бригаду «Железняк»? Наш Вилейский район, как и по всей Беларуси, сплошь партизанским значился. Оттуда, из нашего района, и шла я в Минск — зимой это было, двадцать второго декабря, в сорок третьем. До Минска не дошла, схватили меня в Дубовлянах. Да не схватили, а загребли вместе с другими, полевая жандармерия там старалась. Не нашли при мне ничего, а все одно не отпустили, перегнали в Семков Городок, потом в минскую тюрьму на Володарского. Шестнадцатый годок мне в ту пору шел, не знаю, смогла ли бы выдюжить все, если б не девчонки наши. В тюрьме Дуся Петракова плечом подпирала, ей уже восемнадцать было. А по-

том — уже во Франции — Надя Лисовец, Лариса Сомчинская, Рая Рылова... Тем и дышала, что вместе. И дома, и на чужбине.

Минут за десять собралось около полусотни женщин. Потом стали подходить и мужчины. Даже сербов пятеро. Значит, установили-таки связь с ними. От югославского, болгарского, польского русские бараки были отгорожены стеной, шагнуть за которую — смерть.

— Добар дан, драги приятэли! — поздоровались сербы и сели кучкой, впятером, под одним деревом.

— Привет Югославии!

Двое из сербов назвали себя:

— Петко.

— Боже.

Петко — рослый, чернявый красавец. Боже — худенький, русоголовый, среднего роста.

А люди все подходили и подходили. Надя радовалась: славно сработали!

Но радоваться, как оказалось, было рано. Спустя два-три часа некоторые стали роптать: а придет ли Катрин? Не сорвется ли дело? И вообще — не провокация ли это?

Ожидание — вот такое: скорей бы! — начисто отшибло ориентацию во времени. Многим казалось, что уже далеко за полночь и назначенные двадцать три ноль-ноль давно миновали.

Слово «провокация», первым произнесенное моряком Мишкой, как звали его мужчины, больше всего взбудоражило беглецов. Он же, Мишка, первым предложил: а не вернуться ли, пока не поздно?

Ропот, говор перерастали в панику.

— Откуда у вас такое убеждение, что это не провокация? — ораторствовал Мишка, обращаясь к Наде и

ее подругам. — Чем вы можете поручиться, что это подпольщики, а не гестаповские агенты? Может, они нас специально под расстрел... А мы сидим баранами, ждем у моря погоды.

Надя убеждала:

— Для чего нас провоцировать? У немцев есть тысяча способов перебить нас, не выдумывая тысяча первого. Связная придет, я уверена. Еще наверняка нет одиннадцати часов... А могла задержаться, мало ли!..

Но оратор из Нади был никудышным. Вслед за Мишкой поднялось еще немало людей.

— Скатертью дорожка! — бросила вслед уходящим Лелька Кабановская.

Ее поддержала Нина Агошкова:

— Трусы вы!

И Аня Михайлова:

— Хлебайте баланду, коль кишка тонка!

Эх, моряк, моряк, знать, испарилась, выветрилась твоя морская душа?..

После их ухода ояшдание стало еще более тягостным. Микробы сомнения остались, множились, будоражили даже тех женщин, которые только что до хрипоты спорили с моряком Мишкой. Затеяли спор между собой сербы. Как Надя поняла, они были разных убеждений, и споры их гасил лишь тот, кого они называли учителем.

Катрин пришла, когда всем уже казалось яснее ясного: не придет. И не одна пришла. С ней — одиннадцать парней, то ли проводники, то ли группа охранения. У каждого по велосипеду, за спиной — карабин.

— Бонжур, камрад! — тихо поздоровался высокий француз, вскинув к берету два пальца, и на ломаном немецком языке спросил:

— Кто есть старший? Надья есть?

Надя поднялась, подошла к нему.

— Я Надя.

— Я Пьер. Все готовы идти?

С помощью Клавы Черновой и Сони Байковой, чуток знавших немецкий, объяснили ситуацию.

— Мы пришли вовремя, — сказал Пьер и показал Наде наручные часы со светящимся циферблатом.

Да какое уж значение это имеет, сколько сейчас на часах. Главное — пришли!

— Ждать не будем. Спешить надо. По дороге — слушать команды, идти без шума.

И женщины, и мужчины, словно замороженные его голосом, молчали.

К Пьеру подошла Катрин, что-то сказала ему — Надя поняла только слово «адью», до свидания, значит, — и легким олененком скользнула в кусты. Стало быть, миссия ее закончена, и с ними она не идет.

Проводники пошли впереди. За ними, плотной цепочкой, чтоб не потеряться в сгустившихся сумерках, заспешили беглецы и беглянки. Надя держалась за Пьером.

Шли молчком. Да и поди поговори, если все скорым шагом, трусцой. Ветки хлестали по лицам. Спотыкались, падали. Но никто не роптал.

Французы, конечно, понимали, что за ними идут люди, обессиленные голодом, неволей, каторгой. Но выхода иного не было. Быстрей и дальше уйти от возможной погони — об этом думал и каждый из беглецов.

Пошло мелколесье. Болото — тоже не разгонишься. По кочкам бы прыгать, да где они, в темени, кочки те? Шаг, два вперед — по пояс проваливаешься в трясину. Ползти пытаешься — хрен редьки не слаще, захлебнуться можно.

Выбрались из болота вовсе без сил. Люди падали в изнеможении.

Пьер заволновался:

— Надья, скажи своим камрад: отдыхать никак нельзя. Вся ночь без привалов, сорок километров... Сейчас будет селение, где есть немцы. Надо разуться: ваши деревянные колодки очень громко стучат.

Опасность, наверное, всегда открывает в человеке второе дыхание. Разулись, поднялись безропотно, пошли. Надя лишь спросить у тети Кати успела:

— Как ты?

— Ничего, ползу...

Если всем тяжело, ей-то каково?

Селение обошли околицей. Тут и заминка случилась. Набрели на лоток для поения скота и жадно припали к воде.

Пьер шепнул сердито:

— Надья, нельзя пить, болезнь будет.

Соня Байкова перевела.

Надя бросилась к лотку, стала расталкивать людей.

— Вперед, товарищи, вперед!

Дома селения лишь угадывались во тьме. Ни огонька, ни звука. Больше всего Надя боялась — собаки учуют, поднимут лай. Но то ли тихо прошли, разувшись, то ли дворняги вообще здесь не водятся...

Версты две-три тропинка бежала лесом, потом выскочила в поле. Приятно пахнуло ветерком. Проводники тотчас прибавили шагу, видимо, торопясь быстрее проскочить это место. Справа не то лес еще тянулся, не то холм какой-то горбился.

Где-то впереди нарастал непонятный шум. Вроде как поезд... Француз, за которым сейчас трусилась Надя, обернулся, что-то сказал и упал на землю.

— Ложись! — крикнула Надя, угадав его команду.

Поверху тьму рассекли лучи прожектора, и вот над головой уже грохочет паровоз, стучат колеса ваго-

нов. Значит, не холм это горбился справа, а железнодорожная насыпь.

Поезд отгрохотал, отстучал, и тьма стала еще гуще. Пьер торопил: подниматься, идти! А где сил взять — подняться? Хоть бы минуточку вот так полежать.

Но ведь надо, надо идти. Ночь для беглецов — союзник временный,

Галя Демьянова.
Верден. 1944 г.

— *Не каждый сейчас верит этому документу: «Связная 11-й Волховской партизанской бригады...». А все потому, что было мне всего-то тринадцать лет, когда война пришла к нам. Я еще пионеркой была! Брат мой в этой бригаде партизанил. Вот мы с мамой и ходили в лес. Зимой — будто за хворостом, летом — по ягоды, грибы... Страшно было? Конечно! Особенно когда одна идешь, без мамы. Немцы сперва остерегались соваться в лес, но к концу уже обнаглели... Арестовали меня в Жельцах незадолго до освобождения, в январе сорок четвертого. Чуть-чуть бы еще... Во Франции я уже комсомолкой себя считала, хотя никто там меня не принимал. Правда, Первого Мая, в Эрувиле, я надела пионерский галстук — из чьей-то кофточки красной. Вы же знаете, демонстрация там у нас была!*

— На-ады, — простонала Галя Демьянова, — скоро придем, а?

«Бедная девочка, откуда же я знаю?»

— А ты убей, убей усталость. Не думай о ней, думай о чем-нибудь другом. О доме, родных вспоминай.

Дом, родной дом... Как далек он сейчас! И сколько ж к нему еще идти? Год, два? Дойдешь ли?

Сегодня — первый шаг. От неволи к свободе. Второй — борьба. Только так, Галинка, только так пойдем мы с тобой до дома...

Цепочка втягивалась в село. Но почему Пьер не дает команду разуваться? Идет так уверенно, не боясь перестука колодок.

От большого темного дома навстречу шагнули двое. Что-то сказали по-французски. Пьер ответил на ходу, не останавливаясь. Те двое взяли под козырек, приветствуют.

«Жандармы!» — ахнула Надя. Невольно оглянулась. Жандармы все так же держали под' козырек.

Что это? Жандармы служат маки? Непокоренная Франция?

Идти легче стало.

А дорога будто испытывала идущих. То в гору, с горы поведет, то снова в болото загонит, теперь вот искупать решила. Канал не широкий, метров тридцать, а глубина по грудь. Наде же — по самое горло! Вода такая знобкая, что тела своего не чувствуешь, словно растворилось, растаяло. Проводникам и того хуже: в одной руке карабин над головой, другой тянет велосипед. Надя предложила помощь Пьеру — отказался, «мерси» сказал.

Выбрались из канала, как в зиму попали, лихорадкой трясет.

Еще, еще шагу прибавили, на рысцу перешли.

Через пять-десять минут жарко стало, снова дышать нечем.

— Когда же она... кончится... треклятая дорога! — с передыхом выпалила в спину Нади Клава Чернова.

Надя рассмеялась:

— Счастливая...

— Кто?

— Дорога, говорю, счастливая. К свободе. А ты клянeshь.

— Да не клянy я. Это так... Устала.

— Это тебе только кажется.

— Ой, иди ты!..

— Иду.

Помолчав, Надя сказала примирительно:

— Не злись, Клава, злость нам потом пригодится. Я тоже устала, да что толку говорить об этом. Надо идти.

Шли, шли, шли... До отупения в ногах, тумана в голове. Наде иногда казалось, что вот еще шаг, два — и все, ноги не передвинуть! Но был и третий шаг, и десятый, и целые версты шагов... Дорога без мыслей, желаний, без тревоги. Скомандуй Пьер остановку — не услышат команды, будут шагать и шагать.

Еще были леса, поля, перелески. И темные, спящие села с недремлющими французскими жандармами, приветственно берущими под козырек. Было иступленное движение вперед, вперед...

Остановил рассвет — робкий, несмелый в лесу. Земля перепажана, будто стадо кабанов намедни выгуливалось здесь. И тишина. Тугая, ватная. Не пробудились птицы.

Привалив свой велосипед к дереву, сняв из-за спины карабин, Пьер сказал, ни к кому в отдельности не обращаясь:

— Отдых. Спать.

Цепочка сжалась пружиной, несуетно рассыпались по полянке. Падали на землю как подкошенные. Молча.

И только Аня Михайлова — воистину Сорока! — подала голос:

— Надь, спроси у шефа... Сколько ж прошагали мы?

— Говорил — сорок километров.

— Брешет. Я б не смогла столько...

— Сама ты брешешь. Спи лучше.

Аня не отозвалась. Она уже спала.

Надя подошла к ней, опустилась рядом и... поплыла, поплыла куда-то.

Разбудило солнце. Нашло оконце в ветвях деревьев — и лучами в лицо. Приятно, щекотно. Еще бы поспать, но по полянке уже кто-то ходил, тихо переговариваясь. Надя открыла глаза, приподнялась. Проводники тащили какие-то мешки, металлические банки. Велосипеды стоят и лежат подле деревьев. Склад, что ли, у них в этом лесу?

Удивительно, но Сорока тоже проснулась. Еще лежа с закрытыми глазами, тихо проговорила:

— Надь, запомним этот день. Девятое мая тысяча девятьсот сорок четвертого года... День свободы!

И вдруг подхватилась с земли, закружила, завертелась по поляне, расталкивая спящих подруг и даже мужчин:

— Вставайте! День свободы!.. Да здравствует солнце, да скроется тьма!.. Посмотрите, сколько солнца!

Подруги ворчали: застрекотала Сорока, чтоб тебе... Но протирали глаза, шурились на солнце и — улыбались, счастливые. Нет ненавистных баракон...

Французы, глядя на невольников — теперь уже бывших невольников! — тоже заулыбались. Что-то говоря, жестами приглашали к куче банок и мешков.

Черт возьми, не сон ли это? Из мешков прямо на траву вытряхиваются бисквиты, в открытых банках — варенье! Клава Чернова переводит:

— Ешьте сколько хотите!

Пьер ставит перед Надей банку, приглашает по-немецки:

— Битте!

Где же ложка? Заплуталась в кармане... Надя даже не сразу разобрала, что варенье — клубничное! Сколько ж это лет прошло...

Тетя Катя, мудрая тетя Катя предупреждает:

— Девочки, не набрасывайтесь. Потихоньку надо бы. Больше на бисквиты нажимайте.

Нажимали и. на то, и на другое.

И желудки уж полны, а глаза все едят, едят, едят. Долго голодавший может утолить голод, но чувство сытости придет к нему нескоро.

К сидевшим втроем тете Кате, Наде, Ане Михайловой подошла Лелька Кабановская, ругнулась:

— И-эх, кавалеры, мать вашу!.. Сейчас бы нам бульбы с салом, а они — вареньем потчуют. Верно, Сорока?

Аня Михайлова не отозвалась, прикрыла рукой синяк под глазом.

— Ты уж прости нас... дур, перешла вдруг на жалостливый тон Лелька.

И Нина Агошкова, Варвара Смирная подошли с тем же:

— Ань, прости нас за ту «темную»...

Аня взорвалась:

— Да сорвался бы побег наш, каб не я! А вы... навалились. Сила есть, ума не надо.

— Так ведь не знали мы, что побег готовится! — в один голос извинялись Лелька Кабановская и Нина Агошкова.

Варвара Смирная спросила:

— А чего ты от нас скрытничала-то? Мы ж свои! Разве не видно, что свои? А?

— Все равно не прощу, — огрызнулась Аня. — Вот уж верно — дуры стоеросовые...

— Да пойми ты, злости накопилось! — оправдывалась Лелька. — Такие уж мы...

— Злости! — не унималась Аня. — Вот и расходуешь ее по делу. А теперича что? — достала она из кармана тряпочку, развернула, что-то взяла пальцами, протянула девчатам: — Вот, зуба переднего лишили. А? Даже варенье еле пережевываю... Глаз чуть не высадили... Как я работать-то буду дома? Кто сядет в кресло к беззубому парикмахеру? Кто? Ты? А что б я делала, не приведи господь, без глаза? Я ж без глаза тебе, дурище, ухо отчекрыжила бы!

Надя решила остановить перебранку подруг:

— Ладно, девоньки, как говорят у нас дома: «Кто старое помянет, тому глаз долой».

— Вот-вот, — взорвалась пуще прежнего Аня, — и ты... «глаз долой».

Нина Агошкова, Лелька, Варвара Смирная и перед Надей стали извиняться:

— И ты нас прости... разжаловали мы тебя из командиров...

Тетя Катя резко поднялась:

— Верно говорят: голод — не самая худшая мука. Пить!..

Надя прошла к Пьеру: где можно найти воду?

— Вода есть в пяти километрах, — объяснил тот через Клаву Чернову. — Канал там. Это нам по дороге.

Не сговариваясь все поднялись разом и, на ходу выстраиваясь прежней цепочкой, подались с поляны на проселок.

Эти пять километров дались, наверное, тяжелее, чем ночные сорок. Жажда качала, валила с ног, раздирала грудь кашлем.

А когда лесом подошли к каналу, увидели немецев. На противоположном берегу скребли, мыли лошадей.

— Нельзя рисковать, — сказал Пьер. — Еще три километра — и речка будет.

Клава Чернова перевела, и люди глухо зароптали. Тогда один из проводников — небольшого росточка, круглолицый — что-то сказал командиру по-французски. Тот подумал, колеблясь, согласно кивнул головой. Оглядел сбившихся в кучу беглянок.

— С Франсуа Надья пойдет. Она самая маленькая.

К счастью, берег этот, крутой, густо порос кустарником, и подобраться к каналу не составляло большого труда. А вот к воде... Не дотянуться. В белых штанах и куртке — как белая ворона.

Франсуа положил Наде на плечи руку, показал глазами влево. Там полоскался в воде кустарник.

Ужами проползли влево. Зачерпнули котелки, напились, снова зачерпнули. Хорошо, да не очень. Тридцать семь женщин, двадцать семь мужчин и проводников одиннадцать... По глотку не хватит...

Проводники мужественно отказались. Надя вызвалась еще сходить, но Пьер сухо остановил ее:

— Дважды рискуют глупцы.

И покатил свой велосипед.

Самую малость прошли — снова заминка. Пьера догнал проводник из замыкающих цепочку, о чем-то доложил ему. Нахмурился командир, остановил движение, побрел назад.

Виновицей заминки оказалась... коза с кучей веревкой на шее. Видно, сорвалась где-то с привязи. Один из пожилых сербов ухватился за нее, повел с собой. И как ни убеждал его Пьер, что опасно это — с козой мимо постов немецких, серб ни в какую, мол, в отряде пригодится. Вмешался учитель — и его не стал слушать.

В конце концов махнули на него рукой, и пошел серб с козой в хвосте цепочки.

Вскоре вышли к речке, которую обещал Пьер. Воды — в прямом смысле воробью по колено, блюдечком только зачерпнуть.

— Надья, — обратился Пьер через Клаву Чернову, — ты старшая, скажи, чтобы много не пили. Идти очень много, совсем ослабнут люди.

Надя поморщилась: чего он подчеркивает — «ты старшая»? Все потому, что через нее связь завязалась с подпольщиками, маки? Так это вовсе еще не делает ее старшей. Сейчас, когда они вырвались на волю, всяк сам себе волен быть командиром. Вон мужиков сколько идет, взялся бы кто-нибудь из них быть за старшего.

Странно, обыкновенная вода, но — живая вода: оживила всех, сил прибавилось. Пили в меру. Умылись, освежились и — дальше.

Пьер все подгоняет: быстрее, быстрее, идти много еще. Сколько же это — много? Уже ноги в кровь разбиты.

Беда пришла, когда лесом очередной холм огибали. Накликал-таки любитель козьего молока. Заблеяла коза, и там — позади — сначала удивленный голос: «Вас из дас?» А затем резкий, требовательный окрик: «Хальт!»

Немцы... Резанула ветви короткая автоматная очередь. Замыкавшие цепочку проводники ответили пальбой из карабинов.

Пьер махнул рукой: вперед!

Страх заставил людей сделать невозможное: верст пять бежали. И лишь когда один за другим стали падать, Пьер перешел на шаг.

Догнали проводники — те, что отстреливались. Ни козы, ни пожилого серба, который вел ее, с ними не было.

Пьер как приказал:

— Нужна дисциплина.

Учитель сербов что-то зло выговаривал Петко и Боже.

Сумрак исподволь покидал лес. Отдохнув на верхушках деревьев, лениво бледнея, небо поднималось все выше и выше. В зыбком тумане глохла тишина. Птицы то ли покинули эту чащу, то ли не проснулись еще.

Надя поднялась с вороха листвы, прошла, разминаясь, от дерева к дереву. На поляне вповалку, тесными рядками лежали девчата. Доконала дорога: за сутки — под сотню верст.

Что же ей-то, Наде, не спится? Одной ведь дорогой со всеми шла. Усталость есть, а сна — ни в одном глазу.

Пуще усталости гнетет неизвестность: что-то впереди? Еще вчера было ясным-ясно: в отряд, за оружие! А сегодня...

— Надья, — окликнул ее кто-то тихо.

Обернулась и увидела стоявшего в отдалении с карабином в руках того круглолицего проводника, с которым под носом у немцев добывала воду из канала. На часах стоит.

Подошла к нему, зачем-то руку протянула. Он рывком пожал ее:

— Франсуа.

И быстро-быстро заговорил. А о чем — не понять. Наверное, что-то ободряющее говорит.

Ободрял вчера и командан Жак. Только тошно было от его бодрости.

На эту поляну дорога привела их почти в сумерки. Пьер объявил привал, а сам тотчас исчез. Вернулся спустя полчаса, и не один, а с Катрин и здоровенным мужчиной в кожаной куртке, без шапки, с копной огненно-рыжих волос. Коротко представил его:

— Командан Жак.

Стало быть, командир отряда.

Жак вскинул кулак в рот-фронттовском приветствии.

Говорил он медленно, чтоб слово в слово Катрин перевела его речь:

— Вас должны были провести в советский партизанский отряд «Сталинград», такая была договоренность с команданом Трояном. Но прошлой ночью зона действия «Сталинграда» оказалась блокированной швабами. Поэтому вы пришли к нам. Всех мужчин, если они согласны, я приму в свой отряд. Девушек — нет.

— Почему?..

— Мы тоже хотим воевать!

— Катрин, переведи ему: у нас не только мужики дерутся...

Жак поднял руку, призывая к тишине. Он все понял и без перевода. Объяснил:

— У нас в лесу нет ни одной женщины. Они нам помогают продовольствием. И если мы зачислим вас в отряд, то потеряем свой авторитет... За эту ночь мы пройдем по окрестным селениям и договоримся с жителями, чтоб вас расквартировать. Эта зона контролируется нами. Все будут сыты, в безопасности. Кончится война — вернетесь на родину. А сейчас — поесть и спать. Костров не разжигать. С вами останется Франсуа... для охраны, — улыбнулся Жак. — Он очень серьезный мужчина! И мы ему доверяем. Так что вы в полной безопасности. Как с Франсуа находить общий язык, знает Надья, да?

Мужчины заулыбались. Франсуа тоже. Он весь искрился от доброты.

Надя взорвалась:

— Так что же — по-вашему, мы бежали, чтобы от-

сживаться? Мы шли воевать, а не спасать свои шкуры... Катя, переведи! — приказала она вдруг Катрин.

— Что есть «спасать свои шкуры»? — удивленно переспросила Катрин. — Я не понимаю...

— Мы остаемся! — твердо заявила Надя.

— Пока останетесь, — проговорил командан Жак. — Здесь решения принимаю я. Извините, мадам!

Все двадцать семь мужчин-беглецов и проводники ушли с команданом Жаком.

Девчата сидели понурые, подавленные. Пока не взорвалась Сорока — Аня Михайлова:

— Я что — за сытостью бежала из лагеря?

Загомонили, как на базаре.

— Чем мы хуже мужиков наших?!

— Мы тоже не лыком шиты!..

— Из дома везли, домой сама хочу дойти...

Лелька Кабановская и вовсе разошлась:

— Давай в «Сталинград» пробиваться!

Все вскочили на ноги, будто и впрямь собираясь немедленно идти в блокированный «Сталинград». Франсуа, ничего не понимая, настороженно и удивленно смотрел на расходившихся девчат.

К Наде подошла Аня Михайлова:

— Что же делать, Надь?

Надя отмахнулась:

— Задай вопрос полегче.

— Девочки, а может, нам свой отряд организовать? — остановила Нина Агошкова. — Нас тридцать семь штыков...

Возникла немая минута — настолько неожиданным было предложение Агошковой.

— Можно и свой отряд, — рассудила тетя Катя.

И опять все разом:

— Верно!

— Даешь свой отряд!

— А кого командиром?..

— Надьку Лисовец командиром, кого же еще?..

Надя отнекивалась:

— Давайте тетю Катю, она в партизанах была, опыт есть...

— Соглашайся, Надя, — сказала тетя Катя. — А я помогу, как смогу. Вместе ведь будем.

Вот так и выбрали Лисовец командиром отряда.

Выбрать-то выбрали, а что делать с этим — смешно сказать — отрядом, кто скажет? Тридцать семь «штыков», как сказала Агошкова, и все без... штыков. Хоть бы для смеха одну винтовку на всех.

Поэтому и не спалось Наде этим знобко-туманным утром.

Солнце бы, что ли, скорей взошло!..

Франсуа, видно, осточертела эта молчанка. Походил туда-сюда, отшагал шагов двадцать от полянки, там и прислонился к дереву.

Может, хватит спать девчатам? Растолкать?

Шура Владимировна приткнулась под мышку Ани Михайловой, поджала ноги, спит, как пеньку продавши. Клава Чернова ладошками сложила руки — вместо подушки. Лельку Кабановскую и Нину Агошкову не разнять — в обнимку. Лена Дик, Лариса Сомчинская, Лена Егорова, Мария Андриевская, Галя Демьянова, Вера Завьялова, Нина Алексеева, Варвара Смирная...

Надя шла медленно — шаг, еще шаг... Как вдоль строя командир, присматриваясь к бойцам: кто на что годен?

Мария Андриевская — медсестра. Стало быть, назначить ее доктором отряда. А командиром боевой группы — Ларису Сомчинскую. Со зрением у нее вроде нелады, но ведь учительница!.. Аня Михайлова до

войны в парикмахерской работала, вот пусть теперь за прическами следит: бойцы-то все — женщины. Шура Владимировна... Кем же она была? Ах, да, на складе работала. Значит, быть завхозом!

Не успела Надя закончить «назначения на должности». С земли вдруг подхватила Лелька Кабановская — будто обделили ее — зашарила глазами окрест. Сплюнула:

— Тьфу, холера!

— Чего ты?

— Пластинка наша приснилась, чтоб ей ни дна ни покрышки. «Подъем» во все горло орет!

— Ну, значит, и в самом деле пора подниматься, — засмеялась Надя.

— А ты чего не спишь? Уже командирствуешь?

Командан Жак со вчерашними проводниками, с Катрин заявился, когда солнце уже ударило по самым верхушкам грабов. Остановился, пораженный. Лагерь пуст. Лишь кучки листвы и веток... Знать, женщины вчера приспособили себе под постели.

Жак насторожился: со стороны реки донеслись приглушенные говор, смех. Дал знак проводникам стоять на месте, а сам скользнул в кусты.

И чуть не наткнулся на Франсуа, который, притаившись там, наблюдал за тем, что в реке... Он был поглощен зрелищем. В легком утреннем тумане, что стелился по воде, купались вчерашние беглянки. Они блаженствовали. Сброшены осточертевшие куртки и штаны грязно-розового от шахтной пыли цвета. Плавали, мыли головы, просто купались.

Жак ласково дал по шее Франсуа. Тот встрепенулся, схватился за карабин, вскочил, откозырнул. И тут же смущенно развел руками: виноват, мол. И вдруг замахнул свистнул: условный сигнал женщинам...

Кивнув — следуй за мной, Жак заспешил в лагерь, к проводникам, рассказал им про горе-часового. Хохотали весело, не боясь, что их услышат женщины. Франсуа смеялся вместе со всеми.

Минут через десять на поляне появились женщины — разругавшиеся от купания, с влажными волосами.

— Мада-ам! — восхищенно протянул командан Жак. Это был комплимент. — Мадам!

— Становись! — подала команду Лисовец. — Катя, переводи!

Женщины споро вытянулись в шеренгу.

Лисовец подошла к Жаку, отрапортовала:

— Советский женский партизанский отряд «Родина» построен! Командир отряда Надежда Лисовец.

— Но позвольте! — Жак одарил ее солнечной улыбкой. — У нас все подготовлено. Мои ребята сегодня расквартируют вас по селениям...

— Нет! — не очень-то вежливо оборвала его Надя. — Мы вырвались с каторги — шли воевать, а не отсиживаться, пока кто-то освободит нам дорогу домой. Только помогите нам на первых порах: дайте оружие!

Командан Жак, пока Катрин ему переводила, с изумлением слушал новоявленного командира с гребенкой в коротких волосах.

— Мадам, я призываю к вашему благоразумию. Война, мадам, совсем не женское дело!

— У нас в Белоруссии даже дети воюют со швабами... Дайте нам оружие! — стояла на своем Лисовец.

— Дайте им продукты, — приказал своим бойцам командан Жак. — Посуду для кухни... котел... ну и другое... Топор, пилу...

Конечно же, всей этой хозяйственной утварью командан Жак поделится с советскими девчатами. А

сейчас он... замолчал, все так же изумленно глядя на них, будто силился что-то понять и не мог.

— Я прошу... Прошу у вас оружие! Ну пожалуйста! — уже по-женски просила Лисовец. На глаза у нее навернулись слезы.

Жак подошел к Франсуа, взял у него карабин, подал Лисовец:

— Вы хоть как-то умеете обращаться с этим?

Надя приняла карабин, не понимая, чего хочет сейчас от нее Жак.

И тогда к ней шагнула из строя Нина Агошкова:

— Разреши, командир?

— А ты... умеешь? — шепотом спросила Надя.

— Я же разведчица! — тоже почему-то шепотом ответила Нина.

Она решительно подошла к Жаку, стянула с его шевелюры берет. Подбросила повыше и влет выстрелила по нему. Берет упал, будто птица подбитая. Нина отдала карабин Франсуа и встала в строй.

Проводники бросились к берету, подняли, протянули командану Жаку. Тот просунул в простреленную дырку палец.

— Bravo! — только и сказал.

Франсуа, а за ним и другие проводники подошли и все, как один, сложили к ногам девчат свои карабины.

Так к ногам красавиц кладут цветы.

— Посмотрим, что получится из вашей затеи, надолго ли вас хватит, — как-то невнятно проговорил командан Жак. И распорядился: — Стоянка ваша будет здесь. Мы в двух километрах. Кроме камрад Надья, в расположение моего отряда не ходить.

— Очень надо! — хмыкнула Нина Агошкова.

— Как и мужчины в ваш, — заключил Жак.

— Ну, а это мы еще посмотрим! — хохотнула Лелька Кабановская.

Женщины рассмеялись. Строй распался.

К Наде шагнула Варвара Смирная, нагнулась, взяла один карабин.

— Это мой...

— погоди, — остановила ее Надя, но Варвара твердо, безапелляционно повторила:

— Это мой. Я тебе говорила: шесть душ из моей семьи вырезали фрицы. А я рассчиталась, как ты знаешь, только за одну.

Да, в шахте уложила киркой упыря...

Жак подошел к Катрин, стал что-то быстро говорить ей. Она молча кивала головой. И вдруг позвала:

— Надя!

Надя не медлила.

— Мы уходим, — сказал ей Жак. — Устраивайтесь, обживайтесь.

Мерси, команден!

Ну вот, уже и по-французски заговорила...

Отряд ушел.

— Я тоже ухажу, — улыбнулась Катрин. — Надо в город. Прощай!

Обнялись, расцеловались.

— Когда свидимся?

Катрин пожала плечами:

— Я буду приходить, обязательно!

— Спасибо тебе, Катюша. — И заторопилась: — Все хочу спросить, откуда так хорошо знаешь русский язык?

— До войны училась в Сорбонне. Курс славянских литератур. Толстой... Достоевский... Чехов... Ну, и язык.

— Я тоже училась в университете, в Минске. Геолог.

Катрин улыбнулась:

— И я хочу спросить, Надя. Ты не испугалась, когда тебя избрали командиром?

— Как тебе сказать... Я теперь за каждую из своих подруг в ответе.

ИЮНЬ

С вечера дождь словно через сито сеял, а тут вдруг прорвало — лавина воды обрушилась на шалаши, на лес. Уж так наемни латали-перелатывали ветками свое лесное жилище, а не спасло лишь один закуток в сухости остался. Сбились в этот закуток вчетвером — Надя, Лариса Сомчинская, Клава Чернова, Лена Дик. Пятой — Ани Михайловой не было: ей выпал черед на посту стоять, с напарницей охранять иодходы к лагерю.

— Каково-то Сороке сейчас?

— Не сладко, знамо...

— Надо бы хоть пару плащей раздобыть.

Подруги жалели Михайлову.

И Надя жалела, да что ж поделаешь. Неровен час, нагрянут в эту непогодь немцы, как курам сонным поткручивают головы. Договорились ведь — караул по два часа.

Ну вот, легка на помине... В шалаш впорхнула Сорока. Бросила оземь карабин, скинула, чертыхаясь, куртку и — скорей выкручивать ее.

— Бога на свете нет...

Надя поднялась из своего закутка, укоризненно спросила:

— Бога на посту вместо себя оставила?

— Сама иди постой! — огрызнулась Сорока. — Зуб на зуб не попадает под таким водопадом!

Надя растерялась. Почти уж месяц как командирствует, а командовать не научилась. Что делать-то в таких случаях? Наказать строгостью — иди немедля на пост?..

— Дай сюда карабин, — потребовала тихо.

— Чего ты? — осеклась Сорока.

— Кому-то надо же... Пойду я.

Сорока постояла напротив, словно пытаясь в темноте рассмотреть, точно ли Надежда намеревается идти в эту прорву-дождь, потом нагнулась, подняла карабин и, не надевая куртки, держа ее в другой руке, подалась к выходу.

— Возьми мою куртку, — кинула вслед Надя.

— Поди ты!.. — ругнулась уже где-то там, под ливнем Аня Михайлова.

Тошно стало Наде. Больше от того, что молчали подруги. Осуждают или одобряют?

Слава Богу, дождь вдруг ослаб, лишь шепотком продолжал сеять по листве.

Надя подошла к проему-входу, откинула полог. В лицо пахнуло парным туманом.

Что-то надо делать. Никакой дисциплины! Не отряд, а пансион благородных девиц. Безделье балует. Сколько просила у командана Жака — возьми девчат на задание! — в ответ лишь улыбочка, дескать, не бабье это дело.

Особенно неумогу сиднем сидеть стало после вести: союзники открыли, наконец, второй фронт. Шестого июня высадились здесь, во Франции. Радость была настолько велика, что на первых порах никто не подумал о географии, о том, что от Нормандии, места высадки, до их верденских лесов добрые четыре сотни километров. Думалось, вот еще неделя-другая — и войне будет конец, и надо бы торопиться самим что-то делать...

Быт в отряде давно уже отлажен. Картошку промышляли на полях огромной фермы, которую прибрали к рукам немцы. В шести-семи километрах от лагеря она, но ходить туда командан Жак приказал только ночью: ферма охранялась. В другую сторону — километров пятнадцать — еще одна ферма. Это «персональное хозяйство» Лельки Кабаыовской. Вопреки запрету Нади, выследит корову днем — ночью приведет. На мясо. С мужским отрядом делились. Француженки хлеб приносили — булки длинные, как два наших довоенных батона. И соль тоже приносили, и даже варенье иногда... Прибежит Жан — связной от командана Жака — «Вас ждут на шоссе!» Там и встречались с француженками. Милые бабы! От себя отрывали, делились чем Бог пошлет.

Женские руки тянулись к женской работе. Обстирывали партизан Жака. Сорока — Аня Михайлова — прически им наводила. Мария Андриевская врачевала. Наравне с Надей в мужской отряд имела «допуск» только Лариса Сомчинская. Отсюда и дружба эта смешная с Жаном — молоденьким, лет восемнадцати связником. Прибежит в лагерь, так и льнет к ней, мамой кличет. А она его — сынком, хоть самой и тридцати поди еще нет.

— Ложись, Надежда. Утро вечера мудренее.

Это Лариса Сомчинская — разгадала ее бессонницу. По голосу — вроде, сочувствует, поддерживает.

Утром, заручившись поддержкой тети Кати, Надя объявила построение всего отряда.

Удивленные женщины быстро покинули шалаши, оставили свои утренние занятия, спешили в строй: что случилось?

— Случилось чэпэ, — объяснила Надя. — Ночью, в дождь, Сорока... то есть Аня Михайлова оставила

свой пост. Поэтому слушайте приказ: Михайловой — два наряда вне очереди. Чистить картошку будет. В дальнейшем за нарушения дисциплины — карать будем строже.

Как «строже» — Надя еще не знала.

Посыпались вопросы, на многие из которых она просто не смогла бы ответить. Выручила тетя Катя:

— Разговоры в строю!

А еще больше выручил Франсуа. Пришел, увидел построение, по-военному четко доложил:

— Комрад Надья, командан Жак хочет видеть женщин вашего отряда красавицами.

Клава Чернова перевела. Рассыпался строй. А понять никто ничего не может. Тогда Франсуа поставил на козлы-стол какую-то коробку, открыл ее.

Швейная машинка!..

Женщины загомонили, облепили это чудо из чудес, вдруг появившееся на их поляне. Франсуа смотрел на них, улыбался, счастливый:

— Мадам, это вам подарок от наших мужчин. Мне приказано достать для вас одежду, но пока... хотя бы вот это...

Клава Чернова с трудом перевела его речь. Женщины зааплодировали. А Надя вдруг оборвала эти восторженные рукоплескания, сорвалась на крик:

— Ну чего раскудахтались! Не понимаете, что ли?.. Они хотят видеть нас домохозяйками! Не удалось рассовать по деревням, так тут... мирную жизнь налаживают. Швейную мастерскую подсовывают. Ты чего это притащил? — налетела она на Франсуа. — Машинку вместо автоматов?!

— На-адя, — попыталась ее остановить тетя Катя.

Надя будто не услышала ее, продолжала наседать на Франсуа:

— Сколько раз твердили вам: мы сюда воевать пришли, воевать! А ты машинку тащишь!..

Лелька Кабановская тоже вступилась за парня:

— Надь! Да он же по-нашему — ни хрена! Мужик же не русский, французский мужик!

Надя сплюнула:

— А ну вас всех к черту!

— Надья, — улыбаясь, подошел к ней Франсуа. Но сказать ничего не успел.

Остановила его Надя:

— Чего тебе еще?

— Надья, командан Жак...

— А иди ты со своим команданом... знаешь куда? — И уже тише: — Ну, чего уставился? Снимай рубашку!

Франсуа, конечно же, ничего не понял.

— Я ж тебе по-русски говорю, снимай!

И стянула с него порванную рубашку. Подошла к козлам-столу, застрочила на машинке.

Франсуа, смешно съежившись, быстро заговорил.

Надя кивнула Черновой:

— Клава, переводи...

Клава не успевала переводить жаркую речь Франсуа, то и дело останавливала его, переспрашивала. Обратно говоря, перевод был с французского через немецкий на русский и обратно. Но смысл был ясен: командан Жак ждет сегодня к десяти часам командан Надю у себя в отряде.

Надя внимательно посмотрела на Франсуа, будто хотела переспросить, верно ли она поняла это приглашение... Потом схватила с машинки починенную рубашку, натянула на парня, расцеловала:

— В десять ноль-ноль буду у твоего командана!

Франсуа, смущенный ее поцелуем, быстро отошел к девчатам.

Надя готова была тотчас лететь к командану Жаку, но... до десяти ноль-ноль еще три часа.

Аня Михайлова словно почувствовала ее нетерпение, подошла, предложила:

— Командир, разреши один из двух нарядов вне очереди, которыми ты сегодня одарила меня, вместо чистки картошки... перышки твои почистить. Посмотри на себя, на кого ты похожа? — подставила к глазам маленькое зеркальце, подаренное ей Катрин. — С такими космами идти к мужчинам!..

Надя облегченно рассмеялась:

— Ладно, кто знает, можешь ли ты чистить картошку. Портачь мою прическу...

— Мадам, портачить ее скоро будут в парижских салонах, а здесь... Красавицей пойдешь к командану.

Девчата с любопытством следили за тем, как Сорочка споро управляется с ножницами и расческой.

Но действие это недолго продолжалось. Девчата, как одна, повернулись к более интересной картине. По лагерной поляне, проклиная все на свете, промокшая до нитки, с карабином за плечом Лелька Кабановская тянула за веревку корову. Та упрямо упиралась.

— От тварь! — ругалась Лелька. — Ни бельмеса по-русски не понимает! Я ее и так, и эдак, и ругаю, и по-хорошему — Буренушкой, Звездочкой зову. Один бес! А может, имя у нее тоже французское? Какая-нибудь Джульетта?..

— Что это такое? — строго спросила Надя.

— Что такое? — переспросила Лелька. — Мясо.

И тут произошло неожиданное. Всегда тихая, застенчивая Галинка Демьянова взорвалась. Вырвала веревку из рук Лельки, закричала:

— Я тебе дам — «мясо»! Это корова. Ко-ро-ва! Отойди!

Кабановская отошла. А Галинка принялась гладить корову по шее, приговаривая ласково:

— Джульетта молочко нам будет давать, правда? Партизаночка моя...

Надя зло спросила у Лельки:

— Где взяла? У французов?

— Никак нет, товарищ командир. Реквизировала у немецких колонистов, которые отобрали коровку у французских крестьян, — дурачась, доложила Кабановская.

— А если б эти колонисты по коровьим следам за тобой до нас добрались? — не утихала Надя.

— Никак нет, товарищ командир. Коровка сообразительная: но дороге мы с ней трижды в речку заходили. Так что никаких следов...

Разговор оборвали такие знакомые, домашние, давно забытые звуки: дзиньканье молочных струек на днище ведра. Галинка Демьянова доила корову.

Надя повернулась к Ане Михайловой:

— Заканчивай свое творенье красоты...

Но достричься и тут не довелось: из леса вышла Варвара Смирная. Усталая до предела. В руках — карабин, на шее — два автомата. Шмайсеры...

Прошла к командирскому шалашу. Надя последовала за ней.

В шалаше Варвара молча сняла с шеи автоматы, положила их на стол и так же молча шагнула к выходу. Надя, глянув на тетю Катю, остановила Смирную:

— Погоди.

Минуту колебалась.

— Если каждый без дозвола будет ходить...

— Я не каждая, ты же знаешь, — глухо отозвалась Варвара, не оборачиваясь. — Мне еще троих надо...

И вышла.

Надя — к тете Кате:

— Что делать?

— А что тут сделаешь? Маются девчата без настоящего дела, и никакая дисциплина тут не поможет. Пойдешь к командану Жаку, попросись еще. Рвутся девчата в бой...

Минуту пораздумав, Надя вышла из шалаша, направилась к ожидавшей ее Ане Михайловой:

— Ты уверена, что красавицей меня сделаешь? Только поторопись...

Через пять минут работу принял Франсуа, восхищенно поцокав языком.

Надя улыбнулась ему:

— Ну так веди меня к своему командану Жаку. — И позвала Чернову: — Клава, со мной пойдешь. Без переводчика я не договорюсь.

Взяла зеркальце у Михайловой, посмотрелась, улыбнулась и ей:

— Считаю, один наряд вне очереди отработала. — И к Кабановской: — А за коровами без надобности больше не ходи, ладно?

Наконец-то, может, на задание возьмет командан Жак! Они, женщины, и сами не сидели бы сложа руки, да много ли навоюешь с таким оружием! Из оставленных проводниками карабинов только пять были в норме, остальными — ворон не напугаешь.

Ручей был общим для отрядов. Вдоль ручья и тропа их связывала — километра полтора. Надя торопилась, все подбегом, а Франсуа придерживал:

— Зачем бежишь, командан Надья?

Мил человек, знал бы ты, за чем она бежит!

В шалаш командана Жака она влетела без разрешения. Жак глянул на нее, запыхавшуюся, удивленно, пригласил:

— Садись, камрад.

Села на грубо сколоченный табурет. Жак склонился над замусоленной картой:

— Вот здесь вас завтра будут ждать. Принесут хлеб, соль. Пошли своих бойцов.

Надя вздохнула — как простонала: какие же они бойцы, если только хлеб горазды жрать!

И еще потом многое выпалила ему — покрепче. Хорошо хоть не все перевела ему Клава Чернова.

Но суть-то он, конечно, уловил. Опять улыбается.

— Мы не можем больше сиднем сидеть, — после всех уговоров заявила Надя. — Коль на вас надежды нет, значит, сами будем мозговать, что делать.

Жак перестал улыбаться, поднялся, заходил из угла в угол.

Намолчавшись, согласился:

— Ладно. Сегодня пойдете с нами на охоту. Сколько у вас карабинов? Пять? Значит, пятеро...

— Дайте нам еще хотя бы три-четыре карабина.

— Нет.

— Тогда с пятью нашими пойдут десятеро. Сам, командан, говорил: оружие добывается в бою.

Жак смотрел на нее так, будто впервые видел.

— Жан!

В шалаш вошел связной. Жак что-то коротко приказал ему.

Через минуту Жан принес четыре карабина.

— Пойдет девять мадмуазель, — галантно раскланявшись, проговорил Жак.

Давно бы так-то...

— Сегодня мы охотимся вот здесь, — снова склонился он над картой, показывая точку на шоссе.

Клава Чернова шепчет:

— Ты хоть как-то разбираешься в карте?

Надя в ответ — тоже шепотом:

— Я же на геолога училась...

— Нам сообщили, будет идти груз, восемь машин. Вас будем ждать... в семнадцать ноль-ноль вот здесь, в шести километрах от места засады.

Жан вызвался поднести карабины до лагеря, но Надя так сгребла их, будто связной отобрать затеял.

В лагерь возвращались — снова словно на крыльях летели. Карабины колотили по спинам, и Надя, Клава сняли их, понесли как носят хворост — в охапке. Во всем теле, на сердце была удивительная легкость. Словно бы вот поезд долгожданный пришел, и ты войдешь сейчас в вагон, вздохнешь облегченно: поехали!..

На подходе, еще до поста-караула, их встретила тетя Катя. Тоже в нетерпении, в ожидании того поезда... Не спросила ни о чем, по лицам Нади, Клавы, видно, поняла все. Молча прошагали мимо поста, в лагерь.

И только в шалаше:

— Когда?

— Сегодня.

Позвали Ларису Сомчинскую, стали совещаться. Кого — девятерых — из отряда выбрать?

Надя — командир, значит, само собой.

— Леля Кабановская... Нина Агошкова... Лена Дик, — как бы рассуждая, оценивая, называла Лариса. — Аня Михайлова, Клава Чернова...

— Надя Дерех, Дуся Петракова...

Девятую подсказала тетя Катя:

Валя Вашкинель. Спокойная, уравновешенная.

На том и порешили.

А вышли из шалаша — наткнулись на три десятка вопрошающих взглядов. Весь отряд сгрудился в круг. Конечно, догадались. Да и не в труд догадаться: карабины притащили — не кашеварить же ими.

Надя оглядела подруг. Сказала как можно будничнее:

— Товарищи, сегодня девять человек направятся на первое боевое задание.

Не получилось по-будничному. В нее буквально впивались глаза подруг.

— Со мной пойдут...

Глаза названных вспыхивали радостью, у остающихся гасли.

Но это так, на минуту. Счастливиц окружили, затормошили, засыпали советами, просьбами.

— Подготовить оружие, патроны, — распорядилась тетя Катя.

Надя ушла к себе в шалаш. Ну вот, сбылось то, к чему так рвалась. Сегодня в ее руках оружие. Сегодня она будет вместе с теми, кто дерется в лесах Логойщины, на улицах родного Минска. Леса под белорусским Логойском, под французским Верденом стали одним лесом...

Вдруг что-то с сердцем... Кольнуло. Может, о Минске так и думать не надо? Может, освободили уже?

Да нет, у командана Жака в отряде регулярно слушают Москву. Сказали б...

Как всегда, когда невмочь от мыслей, Надя достала из кармана малюсенькое фото сына. Даже в шалаше не оставляла его — всегда с собой, под сердцем. Дорога от дома такой была длинной, такой долгой, что Валерку своего она уже не могла видеть тем же, трех лет, каким видела в последний раз, в день своего ареста. Глядя на потускневшее ребячье личико, она разговаривала, советовалась с ним, как с большим уже. Не совсем, понятно, большим, но уже понятливым, повзрослому смышленным. Он всегда давал ей хорошие советы, подсказывал, что Наде делать, как делать. И Наде всё становилось яснее ясного.

Вот и сейчас он соглашается с ней, ободряет. У мамы все-все должно быть хорошо. Стрелять она умеет, еще в школе, в стрелковом кружке, научилась. Правда, там не настоящие карабины были — духовые винтовки. А пули с синенькими, красными, желтыми кисточками. Выстрелишь, пулька вопьется в мишень, и по кисточке видишь — попала или нет. Чаще попадала.

Из лагеря вышли загодя. До шоссе, места встречи с партизанами Жака, шесть километров. И хоть пройти их можно за час, вышли за полтора часа до назначенного команданом «семнадцать ноль-ноль». Подгоняло нетерпение. И, наверное, страх, исподволь вползавший в сердце.

Шли цепочкой, без тропы, напрямиком через сумеречный лес. Трава уже подсохла после ночного дождя, но земля еще дышала испариной, ноги скользили... Лелька Кабановская, идущая след в след за Надей, и раз, и другой пыталась что-то сказать, но Надя обрезала ее: не разговаривать! Не потому, что нельзя. Не хотелось.

Патроны оттягивали карманы, мелко позвякивали, словно бы торопя их владелиц: скоро, скоро...

Наконец, услышали шум: шоссе! Здесь привал, до «семнадцати ноль-ноль».

Но ждать пришлось недолго. Жак, пунктуальный командан Жак явился со своими ребятами раньше назначенного срока.

— О-о!.. — протянул командан, увидев на месте женщин. — Мадмуазель спешили...

Нина Агошкова, озорно сверкнув глазами, в тон ему проговорила:

— Но вы, мсье, тоже спешили. — Ив упор: — Мы вас ждали, а вы нас? Надеялись, что опоздаем?

Клава Чернова перевела.

— Нет-нет, лучше раньше, чем поздно, — усмехнулся Жак и махнул рукой: — Можно вперед.

Мужчины двинулись за ним. Надя успела подсчитать: семнадцать французов и трое русских, тех, что бежали вместе с женщинами из лагеря. Двоих она уже знала. Восемнадцатилетний Валентин Вывалов, стихи пишет... Иван Максимов, из армейцев, сейчас за старшего в советском мужском отряде.

— Черт рыжий, — беззлобно ругнулась на Жака Лелька Кабановская. — Неужто хотел без нас? Дескать, опоздали — пеняйте на себя.

Аня Михайлова усомнилась:

— Не думаю. Может, что-то изменилось, и он спешит?

— Оружием бы только как след разжиться, — тихо сказала Валя Вашкинель.

Наверное, в эту минуту об оружии подумали все, ибо после высказанного Валею вслух пошли молча.

Шоссе шумело справа в сотне-другой метров. Шумело с короткими интервалами. Пройдут машины, и минут пять — тихо.

Спорым шагом прошагали километра три-четыре. А потом сидели, ждали. Аж до самых сумерек! Зачем тогда было спешить?..

Лишь когда движение на шоссе утихомирилось, Жак вернулся — с Пьером, коротко сказал:

— Время.

Надя отметила про себя: «Интересно! Машины уже не ходят, чего на шоссе делать-то?»

Командан сам расставлял людей, каждому указывал его место в засаде. И каждого предупреждал: не кашлять, не курить, начинать стрелять только после него, машины пойдут слева...

«Знает, когда и откуда пойдут, — снова подумала Надя. — Значит, связь с населением неплохая, разведка отлажена. Как и у наших, белорусских партизан...»

Лежать без движения было неважно. А еще надо глаз не отрывать от дороги, в полуверсте скрывающейся за поворотом. В сумерках поворот этот не угадать, дорога словно прямо из лесной чащи выскакивает и бежит, чуть светлей, сюда...

Где же машины? Вовсе стемнеет — как стрелять, куда?

Расстелив носовой платок справа, Надя высыпала из кармана часть патронов. Так будет сподручней перезаряжать карабин. Но больше думала сейчас о том, чтоб не промахнуться. Одно дело в школе — красными, желтыми кисточками в мишень. А здесь?..

Но что это? Слева вдоль дороги вспыхнул лес.

Да это ж фары машин полоснули по деревьям оттуда, из-за поворота! Вон первая выкатилась, вторая...

— Ахтунг, камрад!

Надя повернулась на голос. Командан Жак стоял за деревом, подняв предупреждающе руку.

Уже... Хорошенько прицелиться — по первой, которая так стремительно накатывалась и росла в размерах.

А вот и мимо пролетела, за ней вторая, третья... Почему командан Жак молчит, не стреляет?!

Жак выскочил из-за дерева и автоматом — от живота — полоснул длинной очередью по седьмой, предпоследней машине. Надя только и успела подумать: «Наши ударили бы по первой...»

Тяжелый грузовик передними колесами завалился в кювет. Следующий за ним резко притормозил. Из кабины, из кузова на дорогу посыпались люди. Фашисты!

Ушедшие вперед машины и не подумали остановиться. Тоже загадка...

Ну, синие, желтые, вон ваши мишени!.. Надя нажала на спусковой крючок. Перезарядила. Еще, еще...

Шестеро немцев, бросив автоматы, с поднятыми руками рванулись под пули партизан.

— Гитлер капут... капут!

Не сразу партизаны поняли, одного уложили.

И вдруг все стихло. Тишина придавила к земле. Надя видела, как партизаны выскакивали на шоссе, бежали к машинам, забирались в крытые брезентом кузова. Пора вставать, тоже бежать, а сил — оторваться от земли — нет. Сколько ж это времени прошло — минута, две, час?..

— Спеши, командир, а то лишь к шапочному разбору поспеешь! — крикнула Лелька Кабановская, скатываясь с косогора на дорогу.

Надя поднялась. Ноги — ватные. Подташнивало...

С машины — с рук на руки — снимали ящики. С одного-двух сбили доски. В одном — новенькие автоматы, в другом патроны. Целая машина оружия!

— Надька! — кричала, увиваясь среди мужчин, Нина Агошкова. — Наконец-то!..

Наконец-то разживемся... Да и не карабины — автоматы!

Во втором грузовике — ящики с консервами, вином, галетами.

Командан Жак поторапливал партизан — ящики в лес, там встретят ребята из отряда!

У партизан потерь не было. Семеро немцев убито, пятеро успели сдаться в плен. Старики... Худые, страшные. Подгоняемые маки, они стащили убитых с дороги в лес, в яму, забросали ветками. Подобрали брошенные свои автоматы и, держа их на вытянутых руках — чтоб, не дай Бог, партизаны чего не подумали! — подошли к Наде, Ане Михайловой, Вале Вашкинель, стоявшим возле опрокинутой машины.

Надя вопросительно глянула на Жака. Тот отвернулся, махнул рукой всем: пошли!

Но тут же обернулся, улыбаясь:

— Это ваши пленные. Вам сдались.

— А что нам с ними делать?

— Что хотите!

Это «что хотите» явно прозвучало как «хоть в расход пускайте».

Той же цепочкой, нагруженные, партизаны двинулись в обратный путь, домой. Женщины снова шли замыкающими. Собственно, замыкали немцы. Дрожа, спотыкаясь на каждом шагу, они боялись отстать, то и дело забегая вперед, семенили рядом.

— Ясно, чего они к нам жмутся, — хмуро проговорила Лелька Кабановская. — Мужиков боятся, на наше милосердие надеются... Хлопнуть их, и дело с концом!

— Дураки, — хмыкнула Валя Вашкинель. — Рванули бы в кусты...

Явно пожалела. У Нади в груди начала закипать злость. Они жалели наших? Ни детей, ни стариков не щадили, все кровью залили.

Только вот хлопнуть их, сволочей, — у кого рука сейчас поднимется? У Лельки, Сороки, Нины?

— А ну давай нагружайся! — зло приказала Надя. Мужики все-таки, а бегут налегке.

Она заметила — немцы с готовностью, даже с какой-то радостью подхватили ящики с патронами, ящик с консервами, к автоматам потянулись.

— Но-но! - отстранила Кабановская. — Снова автоматы вам... Ящиков хватит!

Немцы согласно закивали:

— Битте, битте...

Лелька еще злее:

— Девять граммов бы в лоб вам битте!

— Яволь, яволь, — соглашались те, хотя, конечно же, ни черта не понимали по-русски.

— Довольно! — оборвала Надя.

И уже не понять, к кому злость: к немцам, к разболтавшейся Лельке или к себе, собственному бесси-

лию решить, что делать с пленными? А тут еще Агошкова подливает масла в огонь:

— Спросить бы их — на восточном фронте были?..

К лагерю подошли — радости от удавшегося боя, от того, что наконец-то вооружились, как ни бывало. Девчонки встретили их тоже сначала восторженно, а потом, увидев пленных, приумолкли, удивленные.

Из своего шалаша вышла Варвара Смирная с карабином. Долгим взглядом окинула немцев.

— Ты что? — насторожилась Надя. — Это же пленные.

— Не слепая — вижу, — коротко бросила Варвара.

Надя накоротке рассказала обо всем тете Кате и тут же подалась к себе в шалаш. Хотелось поскорее прийти в себя, собраться с мыслями.

Но собраться не дала Надя Дерех. Прибежала с тем же проклятым вопросом:

— Командир, девки спрашивают, что делать-то с пленными?

А дьявол его знает, что делать! Задай вопрос полегче...

Надя Дерех.
Минск. 1939 г.

— *Арестовали меня в Минске, на Комаровке. А была я связной у партизан отряда «Победа» из бригады имени газеты «Правда». Деревню Моторово в Пуховичском районе знаете? Так вот, связной я была... Досталось мне... Перед дорогой на каторгу, в те железные рудники, мне восемь зубов выбили каты, ноги переломали. Мало, видать, им этого показалось, так они, злыдни, еще звезду пятиконечную на носу*

мне выкололи. Сейчас-то, поди, не очень видна она? А вот загорит нос на солнце, так и звезда загорится. Когда она уже к концу идет, жизнь-то, в зеркало не часто смотришься. А ведь тогда я молодой была. Мужики раны свои, рубцы фронтовые прятали от глаз людских. А мне каково? Ни под рубашкой, ни под косынкой не, спрячешь...

— Накормите их!

Дерех минуту постояла в темноте.

— А... охрану выставить?

— Само собой.

Хотя куда они убегут! Небось, рады-радешеньки, что отвоевались.

Вслед выходящей Дерех Надя приказала:

— Утром пусть шалаш себе строят. Дождь пойдет — к себе, что ли, брать?

ИЮЛЬ

— Надя, сегодня песни будут? Как это у вас — «Легко на сердце от песни веселой...»

Чаще всего сердцу не легчало от песен. Были они больше грустными, с тоской по родному дому, который в дали дальней, за горами, за долами. Но когда в отряд приходила Катрин, песни вспоминались только веселые. Юная связная — будто из улыбок и света соткана — грусть всегда переплавит в смех, растормошит, вестью радостной с фронтов ободрит, и все это с русской присказкой на французский лад: «Черное — из глаз вон». Хоть у самой глаза — чернее не бывает.

Вот и вчера — впорхнула в шалаш под вечер и сразу:

— Песни будут?

Катрин была связной командана Жака. Лишь он один знал, где и чем она живет. Надя могла только догадываться, что именно через Катрин Жак получает необходимые ему разведданные. И когда дивчина приходила в отряд «Родина» — переночевать, все понимали: завтра Жак проведет какую-нибудь операцию.

Но Франсуа нынче не прибежал с желанной вестью, и Надя поняла: на операцию Жак никого из ее отряда сегодня не позовет.

Пели песни с Катрин, балагурили чуть не до зорьки. Особенно ей нравилась «Катюша», которую она все старалась разучить по-русски, поэтому на «берег крутой» выходили и выводили бессчетное число раз.

А на зорьке, умывшись у ручья, перекусив на скорую руку, Катрин шепнула Наде:

— Командан Жак сказал, Надя будет провожать Катрин.

Провожать — это значит: доставить до шоссе без приключений, чтоб ни одна чужая душа не знала, откуда разведчица вышла на дорогу. Ну, а на шоссе, повстречай чужаков, Катрин уже сама за себя отвечала.

Надя вошла в шалаш, сняла с сучка автомат, повесила на шею. За спиной — тенью — Катрин. Тихо обняла за плечи, стянула с шеи автомат, рассматривала его, нежно поглаживая по стволу, затвору.

— Нравится?

— Хорошо...

— Хочешь — подарю?

— Не-ет, — вдруг рассмеялась Катрин. — Командан Жак не разрешит даже браунинг. В кармане — только платок для носа. Мое оружие — глаза и уши.

Вздрыгнула Надя. «Мое оружие — глаза и уши». Чей-то голос услышала. Так же вот кто-то говорил и ей. Кто?..

Вспомнила — кто? — споткнувшись о пенек, уже в лесу, когда шла провожать Катрин. Степан Заяц! Он, он в Минске не разрешил ей уйти в партизаны. Это его голос почудился: «Аусвайсы твои на дороге не валяются. Они почище автомата могут стрелять».

А Катрин все замечает:

— Надья, зачем грустная?

Надя глянула на нее, ответила коротко:

— Город свой вспомнила, Минск. И человека одного...

Катрин схватила ее за руку, горячо зашептала:

— Твой Минск уже свободный, не надо грустить. Скоро возвращение, встреча с тем человеком.

Надя знала, что Минск освободили — вот уж как неделя... Катрин и принесла эту весть. Двадцать третьего июня Красная Армия пошла в Белоруссии в наступление, а уже третьего июля наши ворвались в Минск. Вот радости-то было здесь, в отряде!..

Нет, Катрин. Не будет встречи с тем человеком...

— Почему?

— Расстреляли его.

— Швабы?

- Да .

Они шли вдвоем, не видя и не слыша своих подруг. Где-то впереди шагали неразлучные Кабановская и Агошкова, по бокам — Сорока и Лена Грязнова. Так всегда ходили на проводы: мало ли на кого можно напороться в лесу.

— А всяко бывало — и горестное, и жалостливое. Вот расскажу про ленинградку нашу — Сороку. Стало быть, Аню Михайлову. В отряде у нас она не только с автома-

Лена Грязнова.
Луга. 1940 г.

том управлялась ловко. Принесла ей Катрин бритву, ножницы, машинку два нуля, и брила, и стригла Сорока мужиков Жака, и нам прически сочиняла. Все хорошо бы! Но потом вдруг все мужики разом отказались бриться-стричься у нее. Вроде, как побрет кого, так и погибнет он в тот же день. Напасть какая-то! И верно — постригся у нее Пьер, это проводник наш, который вел в побег всех, и в тот же день убили его в бою. Хошь верь, хошь нет, а осталась Сорока в безработных. Сама то наводила себе прическу, в засаду ходила — и ничего, жива-здорова.

Вот рассказываю, а сама не знаю, к чему бы. Не помню уж ничего почти. На пенсии я теперь. Правда, работаю еще, на стеклозаводе «Плоское», браковщицей. В своем же — Лужском районе...

— Свободный — это хорошо, — вздохнула вдруг Катрин. — У моего города тоже скоро будет праздник свободы.

Она не сказала, какой город, а Надя не спросила. Нельзя, наверное, вот и не сказала. И вообще — Надя подумала: что знает она об этой черноглазой красавице? Катрин — и только. А может, и не Катрин вовсе? Может, имя это дало подполье? Как вон Жана — связника командана Жака — Фрицем нарекли. Вот же время сволочное — от родимых имен люди отказываются. Кончится война — как друзей своих разыщешь?

Кончится... Когда?

Навстречу мягким, кошачьим шагом спешила Нина Агошкова.

— Командир, там люди какие-то. По голосу, вроде, поляки.

— Куда идут?

— Да кто ж их знает! Сидят они. По всей видимости, привал у них.

— Далеко?

— Метров двести. Лелька там караулит.

— Сколько их?

— Чертова дюжина.

— Давай сюда Михайлову, а я — за Грязновой, упредить надо. Катрин, ты стой здесь!

Агошкова метнулась вправо, Надя налево.

Через две-три минуты собрались все вместе. Решили сначала присмотреться к этой «чертовой дюжине»: кто они? В лесу сейчас и черта можно повстречать.

Лелька ловко устроилась — в кустах на пригорке. Мимо пройдешь - не заметишь. А те люди — то ли беспечные, то ли усталость свалила — разлеглись на открытой поляне. Вооружены все автоматами. По одежке не разберешь, кто они. Куртки, рубахи, штаны разномастные. Двенадцать мужиков и одна женщина.

— Спят? — одними губами спросила Надя Лельку.

Та отрицательно покачала головой.

Нет, не спят. Вон те трое, привалившись к одному ранцу, тихо, с закрытыми глазами, разговаривают. По-польски. Вроде, о какой-то дороге...

Наблюдали за ними минут десять. Потом Катрин убежденно сказала:

— Это не враги. Бродяги. Ты, Надья, не спеши, а я...

Она поднялась и легко, взмахнув руками, как крыльями, спорхнула с пригорка на поляну.

— Бонжур, камрад!

Ее звонкий голос вмиг поднял всех на ноги. Но, увидев перед собой юную девчущку, «бродяги» успокоенно опустили автоматы.

Разговор был у них короткий, как знакомство. И вот уже Катрин машет рукой:

— Надья, все сюда!

Поляки снова насторожились: что за невидаль — женщины с автоматами?

Обращаясь к льноволоному богатырю, видимо, командиру группы, Катрин представила Надю и подруг:

— Это советские женщины.

— Пани — маки? — изумленно, но уже обрадованно протянул льноволокосый.

— А вы кто, извините, будете? — спросила Нина Агошкова.

— Проще, пани, в Польшу, наши документы там, — расшаркнулся парень и попытался обнять Агошкову. — Домой дорога у нас с вами одна...

— Но-но! — оттолкнула она его. — Смотри, чтоб ноги не перебили, а то шагать нечем будет...

— Отставить, Болеслав! — прикрикнул сам на себя льноволокосый.

Катрин весело вмешалась:

— Не надо так шутки делать: у пани рука железная...

Повернулась к Наде:

— Я правильно сказала — не враги это. Бродяги. Значит, места своего... как это? Шалаш не имеют! Все время туда-сюда. Тоже швабов бьют. Я слышала о них.

— Дзень добжы, — тронула Надю за рукав полька, доселе молча стоявшая за ее спиной. — Я Мария Бжизовская, а ты?

— Надежда.

У Марии был такой голос, будто говорить громче сил ей не хватало.

— Мы не враги. Мы друзья. Мы тоже бежали из концлагеря.

И все оглядывалась на Катрин, как бы вымаливая поддержку.

Аня Михайлова решительно шагнула к льноволосому богатырю:

— Вы из какого отряда?

Тот улыбнулся широко, распахнул руки, вроде как обнимая всех своих:

— Мы сами — отряд.

— Тринадцать человек? — хмыкнула Аня. — Прибились бы к кому-нибудь, вместе всегда сильнее...

— Я понял вас, милая паненка. Если бы здесь были такие же леса, как у нас, в Польше, как у вас... А маленький лес и большой отряд — это плохо.

Льноволосый повернулся к Наде:

— Вы, Надежда, как я понял, командир этих паненок. Не могли бы вы взять к себе еще одну? Нашу Марию? Очень просим. Трудно ей с нами, мужчинами.

Надя не ждала такого оборота. Но посмотрела на тихую, какую-то забитую полячку, сказала твердо:

— Возьмем.

Мария Бжизовская вздохнула — не то обрадованно, не то облегченно, прошептала как всхлипнула:

— Дзенькуе, барза дзенькуе.

А льноволосый — Болеслав — не скрыл своей радости, прогремел:

— Дзенькуе, Надежда, дзенькуе! — И пригласил приветливо: — Когда домой пойдем, заходите к нам в гости, в Варшаву...

Надя рассмеялась:

— Будете случаем в Минске, не обойдите и мой дом.

Катрин, напряженно вслушиваясь в русскую, польскую речь, все время молчала как-то в сторонке, а тут вдруг встрепенулась:

— Варшава, Минск, Верден — вместе!

И взметнула свой крепко сжатый кулачок.

Все вмиг посерьезнели, тоже взметнули «рот-фронт» — как в клятве.

Потом Катрин постучала ноготочкой по стеклу наручных часов — пора! И стали прощаться. Десять минут ушло у разноязыких людей на то, чтобы стать друзьями. Улыбки, рукопожатия... А Нина Агошкова, у которой «рука железная», даже потрепала по щеке льноволосого, Болеслава.

Катрин проводили почти до самого шоссе. Метров двести оставалось, когда она остановилась, сказала коротко, как пароль:

— Адью, Надья!

Подумала, вспоминая, еще слово произнесла, по слогам:

— До-сви-дан-ня!

— Адью, Катрин! Приходи почаще, — помахала рукой Клава Чернова.

— Обязательно! — пообещала та, засмеялась и исчезла за густо разросшимся соснячком.

Нина Агошкова осмотрела с ног до головы Марию Бжизовскую:

— Ну что, Польша, пошагали домой?

Мария слабо улыбнулась:

— Домой далеко...

— Да я не о том доме, — усмехнулась Агошкова, обняла ее за плечи, повела. — Сейчас тебя, худобу, еще подкормить надобно, чтоб до Польши своей смогла добраться.

— Подкормим! — весело пообещала Лелька Кабановская. — С нами не похудеешь!

Надя поморщилась:

— Кончай разговоры! Придем — наговоримся...

И тут же — словно спохватилась: зачем так резко? — спокойно приказала:

— Давай вперед!

— Есть вперед!

И Лелька пошла спорым шагом, одной рукой придерживая на груди автомат, другой раздвигая перед собой ветки сосняка.

Веселое ее обещание «Подкормим!» — будто шпилька Наде. Не раз останавливала Кабановскую, а та все одно на своем... Сколько того мяса нужно на тридцать семь женских ртов? Так нет, Лелька снова и снова крадется к той ферме... А ведь это ж лето... Червей разводить? Да и тропинку так можно проторить в отряд. Одна буренка исчезла — немец не спохватится, а когда и второй, и третьей не досчитается?

За спиной тяжело дышала Бжизовская, и Надя сбавила шаг. Тем более, спешить сегодня некуда: раз Франсуа не прибежал в отряд, значит командан Жак не позовет...

А пора бы уже — засиделись.

При подходе к лагерю Надю с девочками встречала тетя Катя. Первой ее заметила Лелька Кабановская:

— Товарищ комендант чем-то озабочена?

Да, в последнее время тетю Катю так и величали: комендант лагеря. Все хозяйственные дела были в иоле ее внимания. И не только. Под началом ее и контролем — часовые: поставить на пост, снять с поста. В последнее время девочки перестали звать ее «тетей Катей», а так вот — по-военному — «товарищ комендант». С помощью разведчицы Нины Агошковой весь отряд был обучен владению оружием — немецкими автоматами.

Рассмотрев среди девчат Марию Бжизовскую, тетя Катя спросила Надю:

— Кто и откуда?

Надя рассказала о встрече с поляками.

— Они, как сказала Катрин, бродяги, и Марии тяжело с ними. Вот и попросили приютить ее. Как думаешь, к кому у нас определить Марию?

— К Шуре Владимировой, — не задумываясь, предложила тетя Катя. — И сыта будет, и заботой не обойдена.

Шуру Владимирову уговаривать не пришлось:

— Барза прошем, пани! — пригласила она полячку.

Та обрадовалась: по-польски ее приглашают! Но вот увидела немцев, сжалась вся:

— Кто они?

Шура рассмеялась:

— Это немцы! Но они уже... не фашисты. Пленные наши! Вот видишь — дрова под котел рубят...

Шура Владимировна колдовала на своей «кухне», суетилась, покрикивала на немцев:

— Шнель! Шнель!

Те уже привыкли к ее покрикиванию, не пугались, как вначале, и быстро, даже как-то весело исполняли все ее приказы — дров заготовить для костра, воды в котел натаскать из ручья, картошки начистить-

Заметив пристальное к себе внимание пришедшей незнакомки, немцы ни с того, ни с сего вдруг начали срывать с себя погоны. Лелька Кабановская расхохоталась:

— Всё! Демобилизация!..

Один из немцев протянул свои погоны Марии Бжизовской:

— Витте, фрау...

Лелька и вовсе разгоготалась. Но Надя остановила ее резко:

— Конец спектаклю! А то без обеда сегодня будем...

И направилась к своему шалашу, Она и сама не знала, что вдруг испортило ее хорошее по утру настроение.

Шура Владимирова.
Луга. 1937 г.

— *А чего рассказывать-то? В героях мы не ходили — поезда под откос не пускали, в атаках не участвовали. Только-то и всего, что в сторонке не стояли от войны той проклятой. Кем до войны была? А на воинском складе работала, рабочей. Ну, а немцы пришли — в партизанских связных ходила. В отряде Михайлова. Потом все по «новому порядку» фашистов: арест в деревне Жельцы, отсидка в тюрьмах Луги, Пско-*

ва, Моглино и еще дальше — Равенсбрюк. Это деревня такая близ города Фюрстенберга, от Берлина — верст восемьдесят. До того и ведать не ведали о той деревне, а теперь всему люду на земле известно — концлагерь страшный. Для женщин. В ту пору там Роза Тельман с дочкой маялись. Слышали, конечно? Ну, вот... А потом меня еще дальше от родного дома немцы загнали, в оккупированную ими Францию — Нанси, Тиль, Эрувиль. Вот и все. Чего рассказывать-то?

Ночь. Моросит дождь. Лагерь спит.

Задремала и Лелька Кабановская. Только что сменилась с поста. Сбросила с себя мокрую одежду, повесила на просушку и хлопнулась на свою «перину» из веток. И вот уж нырнула в сон. Умеет же!..

Из ближнего шалаша — как-то вдруг — мощный храп пленных немцев.

Лелька вздрогнула, чертыхнулась:

— Вот, сволочи! И тут от вас покоя нет!..

На столике тускло коптит фитиль в банке. Тетя Катя и Надя не спят. Намаялись за день, а сон что-то не идет.

Тетя Катя улыбается:

— Я о Франсуа все хочу тебя спросить...

Надя смущается:

— Вижу я, тетя Катя, вижу. Хороший он мужик...

— Да? — обрадовалась тетя Катя. — Так что же ты... с ним... так?..

Надя перебила:

— Война сейчас...

— А Лия с Антонио?

— Лия не в счет, — снова останавливает ее Надя. — Для нее война кончилась. Много ли глухой навоюешь!

— Да разве ж на войне не любят?

Надя помолчала.

— Любят. Но ты меня спрашиваешь... — тихо заговорила она. — А спрашивать-то меня нечего, потому как мне нечего ответить. Ничего нет у меня, тетя Катя. Бабы во мне нет. Только солдат. Окаменела я. Чтоб любить, нежность нужна. И тишина, и покой в душе... А мне по ночам все окно снится. И сынишка в нем... Франсуа мне как младший брат...

Молчали долго.

— Всему женскому после войны надо будет учиться заново, — вдруг сказала Надя. — И ходить... не строем солдатским... и любить...

На ложе из веток заворочалась, поднялась на локте Лелька Кабановская. Посмотрела сонно на Надю, снова легла:

— Все стратегией занимаетесь... Быть тебе маршалом, Надька.

И снова — в сон.

Надя усмехнулась тете Кате:

— Слыхала? Маршалом мне быть, а не... женщиной.

Раннее утро.

По лесу идет Варвара Смирная. Лицо осунувшееся. Устала, но идет споро. На плече — карабин и немецкий автомат, в руках — фаустпатрон.

Из дозора в кустарнике выходит Мария Андриевская:

— Опять с охоты?

Варвара остановилась, посмотрела на нее, спросила:

Ты не знаешь, что это такое?

Показала фаустпатрон.

— Не-ет, — протянула Мария, рассматривая его.

Варвара тихо сказала:

— Вот с этим и был он... последний мой. Шестой.

Постояла еще молча, пошла.

В лагере прошагала в шалаш Нади Лисовец. Тронула за плечо ее, спящую:

— Слышь, командир?..

Надя открыла глаза, узнала Варвару, быстро поднялась.

Варвара положила на стол автомат, фаустпатрон.

Сняла с плеча и карабин.

— Всё, командир, отходила свое. Отвоевалась.

Помолчала.

— Даже прикажешь — не пойду. Боюсь... Живой мне надо домой вернуться. Рожать.

Надя обняла Варвару:

— Иди... Спать.

В шалаш влетели Лариса Сомчинская, Лелька Кабановская, а за ними тетя Катя.

— Что случилось? — встревожилась Надя.

— Гости у нас...

— Командан Жак со своими!..

Надя поняла: на задание! И без доклада можно было догадаться: у Лельки губы до ушей улыбка тянет, и глаза подхалимские: боится, не возьмут ее.

Командан Жак со своими бойцами попал в плотное девичье окружение. Что-то много маки сегодня — человек тридцать.

Обычно небольшими группами ходили.

И Валентин Вывалов здесь, и сербы — Боже, Петко...

— Бонжур, командан!

— Бонжур, Надья!

— В гости пожаловали?

Жак — без обычной своей улыбки:

— Не в гости. Пожаловали пригласить мадемуазель на королевскую охоту.

Лелька Кабановская тут как тут:

— А мы и гостям рады, и охоте!

— Надья, пойдут опытные охотники.

Значит, те, кто ходил уже. Надя оглянулась — все ли в сборе? — назвала семерых:

— Иду я, Михайлова, Агошкова, Вашкинель, Дик, Чернова, Кабановская.

— Патронов много брать, — подсказал Жак.

— Ясно, — кивнула Надя и — девчонкам: — Собирайтесь!

Увидела среди партизан Франсуа, обрадовалась. Дорогой ты наш проводник, рубаха-то на тебе — лоскуты-бахрома!

— Бонжур, Франсуа! Снимай-ка свои лохмотья, хоть как-то заштопаю.

Его лицо еще больше посмуглело от смущения, но он послушно стянул с себя то, что когда-то называлось

рубашкой. Тетя Катя протянула Наде иголку с ниткой.

Командан Жак, когда понял, что за операцию собираются здесь проводить, категорически заявил:

— Нет-нет, портной потом. Надо быстро идти!

Надя посмотрела на лохмотья, молча повернулась, пошла к шалашу. Франсуа последовал за ней.

Только бы подошла ему в плечах ее косоворотка...

— Попробуй, может, налезет.

Кое-как налезла. Тесновата, конечно, но зато на человека стал похож Франсуа. Да и к лицу ему, смуглому, синяя косоворотка.

Франсуа уже выходил из шалаша, когда заметил лежавший на постели фаустпатрон.

— О! Откуда, Надья?!

— Трофей нашей Варвары Смирной...

— Франсуа возьмет сегодня?

— Бери, коли понравился...

Бегом собрались, бегом перекусили и — в путь-дорогу.

— Счастливой охоты! — напутствовала Лариса Сомчинская.

— Если раны — небольшой, — пожелала Мария Андриевская.

Тетя Катя молча смотрела вслед, по-женски скрестив на груди руки.

А немцы... Только что суетились, а тут замерли, сбились в кучку. Но не разберешь, что в глазах у них. Вроде как нечеловеческое: «Мы-то уже отвоевались, а что соплеменников наших убивать идете — это нас уже не касается...»

А может, только показалось это Наде?

Командан Жак явно оберегал женскую семерку: в походной цепочке девчонки шли посередке. Шли спорым, мужским шагом. И Надя подумала: или спешит

Жак, или конец дороги сегодня — не в здешнем, не в близком лесу.

Верным «или» оказалось последнее: не в близком. Шагали без роздыху часа четыре, а то и все пять. Дважды — пробежкой — пересекали широченные шоссе, а проселков вообще не счесть.

И на каждом шоссе, на проселках — по обочинам — щиты, яркие, чтоб издали видны были: «Ах-тунг! Русиш партизан!»

Ишь ты, боятся русских...

Привал объявили, когда солнце уже только угадывалось — скатилось за деревья, но еще не ушло на покой, охорашивало редкие, тугие облака на бездонно-голубом небе.

Ветерок бы сейчас, просквозил бы лес, разогнал-развевал дневную духотищу. Сама-то не уйдет...

Объявив привал, командан Жак с двумя бойцами ушел — в разведку, верно.

Кто где остановился, там и распластался на траве, высушенной июлем, столь скупым нынче на дожди. Руки под затылок, Надя лежала, провожая усталым взглядом спешащие за солнцем облака. С востока бегут. Может, в Белоруссии народились...

Пыталась представить дом, мать, Валерку, сестру с детишками, но в глаза лезли лишь тугие облака, бегущие оттуда, разгоняли все, что хотелось породить воображением. Странно, ведь во сне каждоночно снятся...

Какие чистые они, облака!.. Быть бы им всегда такими, незадымленными. Над всей Европой, видать, пронеслись, не замутились. А земля-то горит, в огнедыму задыхается...

Приподнялась на локте Клава Чернова, почему-то шепотом спросила:

— Надь, о чем думаешь?

Надя повернулась на бок, пристроив автомат к груди, усмехнулась:

— Про облака.

— Какие... облака?

— Да вон... в небе.

— А-а... — как-то разочарованно протянула Клава, легла на спину, глазами к этим самым облакам.

— А ты о чем?

— Так... Ни о чем. Хочу о доме думать, а в голову лезет черт-те что.

— Ну и что же лезет-то?

Клава промолчала. Потом вдруг снова приподнялась, села и, обхватив руками колени, заговорила. И даже не говорила, а вроде как сама с собой рассуждала:

— Вот повстречали мы поляков... далеко от Польши. И мы тут - русские, сербы... О чем сейчас Гитлер думает? Пришел, разворошил дома у людей... Виселицы, расстрелы, газовые камеры... Сколько народу загубил!.. Неужто впрямь рассчитывал — не поднимутся люди, не свернут ему шею?

— Наверное, рассчитывал.

- Ну и дурак!

— А как народ свой оболванил! Не люди — звери! Попробуй поставь им теперь мозги на место.

Клава не ответила, а Надя подумала: «А эти пятеро, что в плену у нас? Смирные, будто и войны для них уже нет. Уразумели, что к чему? Поговорить бы с ними, да вот... языку еще не научена».

Додумать не дала Лелька Кабановская. Не подымая головы, с закрытыми глазами, громко проговорила:

— Пока мы им будем вправлять мозги, они еще не одному из нас размозжат головы!

Клава Чернова коротко глянула на нее, вздохнула:

— Се ля ви...

— Чего-о? — приподнялась Лелька.

— Французский язык, говорю, надо учить.

— А я и своим, русским, обойдусь!

Вернулся командан Жак, поднял всех в поход. Поднял, торопя, словно что-то где-то уже загорелось. Бегом вытянулись в цепочку, споро зашагали чащей. Кусты нещадно хлестали по лицу, голым рукам, груди.

К счастью, скоро родилась тропинка. Но порадоваться ей не успели — вильнула влево... А еще через минуту перед глазами распахнулось шоссе, блеснув потемневшим к вечеру асфальтом.

Бросок по обочине метров двести-триста и стоп! Командан приказывает, размахивая руками, рассыпаться по обочине. Девчонок, как и в походе, в самую середку. В дальний конец, Надя видела, бежал Франсуа в ее синей косоворотке, за ним Валентин Бывалов, сербы Петко, Боже...

Только-только рассыпались, послышался натужный рев моторов. Видно, в гору шли машины.

— Надо ж, так вовремя явиться стричь и брить, — выдохнула рядом, слева, Сорока - Аня Михайлова.

— Будто по рации командану отстучали, — согласилась с ней Нина Агошкова. — Во работают!

Она устроилась справа — метрах в пяти, вместе с Лелькой Кабановской. Других Надя не видела. Валя Вашкинель, Клава Чернова, Лена Дик уже укрылись в кустарнике, облепившем весь, до самой ленты шоссе, глинистый склон.

Право первого выстрела оставалось за команданом Жаком. Значит, он самым последним встретит головную машину.

Ожидание всегда тяготит. Ожидание боя — во сто крат! Натужный рев моторов, приближаясь, вытягивает шоссе и твои нервы в одну струну — вот-вот она со-

рвется на дискант, взвизгнет обрывом, и ты его ждешь, страшаешься, каждая клетка мозга, тела твоего живет надеждой — отдалить обрыв, хоть на миг отдалить!

Медленно, ох как медленно ползет мимо головная машина, вроде как не спешит встречь своей гибели. За ней вторая, третья. Жмутся друг к другу... Глаза Нади ощупывают кабину, каждую планку кузова. Нет, это еще не ее мишень. Это мишень командана Жака, он должен, он оборвет так туго натянутую струну.

Надя отмечает: не густо с охраной колонны в двенадцать грузовиков. Знать, выдыхается фашист на фронтах...

Обрыв! Сухая автоматная очередь справа... Треск молнией прошивает весь глинистый берег шоссе. И уже нет струны — руки, плечи трясет лихорадка, легкая, упоительная, очищающая душу и тело.

Выплеснулся ненавистью один рожок, вставлен второй...

Упоение толкает вперед, на дорогу. Но рано еще, рано! Гранаты вздымают вокруг машин глухие серые фонтаны.

Боковым зрением Надя увидела, как в кустах слева мелькнула ее синяя косоворотка. Франсуа!.. Екнуло сердце.

Слава Богу, сдержался, не выскочил на шоссе...

Рванул взрыв, и вспыхнул бензовоз посреди колонны. Это фаустпатрон Франсуа сработал. В небо гигантским тополем взметнулся огонь, мгновенно разметав сумерки. По ту сторону шоссе, отказавшись от боя, отходили — от дерева к дереву, в глубь леса — немцы...

Вот только что сердце толкало вперед, на дорогу. А сейчас — ноги не слушаются. Цепляются за корневища, комья глины — как острые камни...

Все уже на шоссе, орут в какой-то дикой пляске вокруг грузовиков. Жан-связник, Лелька Кабановская, Петко, Нина Агошкова, Бывалов... Но нет там си-ней косоворотки, не видит ее Надя.

Надя идет вдоль склона туда, где... Может, ранен Франсуа?

Он сидел у худенькой березки, приткнувшись к ней плечом и смотрел на дорогу, на пляшущий люд, на пляшущий огонь из бензовоза.

«Еще не одному из нас разmozжат головы...»

Накаркала Лелька.

Франсуа был мертв.

Почему кровь — черная?..

Все как во сне... Надя наломала веток, выстелила постель помягче, отняла Франсуа от березки, положила его на спину. Потом — как исстари жены-матери российские своим братьям-сыновьям в лихую годину — скрестила ему руки на груди, закрыла ладонью веки...

Сколь уж видела смертей, но эта придавила — головы не поднять. Сидела, прислонившись к березке, тихо поглаживая остывающий на коленях автомат.

Откуда здесь она, эта белоснежная березка, что ее занесло сюда, на глинистый косогор? Будто на могилу.

На шоссе кричали, смеялись. Радовались. Чему?..

Бензовоз догорал вместе с душным июльским вечером.

АВГУСТ

В шалаш впорхнула сияющая Катрин. Схватила Надю за руку, не поздоровалась — потянула на выход: — Пойдем, Надья! Разговор есть!

Мимо одного шалаша, другого, третьего, из лагеря выбежали, а Катрин все тащила Надю, счастливая.

В дозоре стояла Нина Агошкова, доложила:

— Командир, задержала вот! Тут не все свои...

Рядом с ней стояли, улыбаясь, Лия Русакова и Антонио. Надя бросилась к ним, расцеловала обоих, затормошила.

— Свой, Нина! Свой Антонио! Иначе бы Катрин не привела его сюда. А задержала — молодец! Благодарность тебе, дозорному, от меня. Ну, а теперь уж я сама отконвоирую «задержанных» в лагерь.

И, подхватив под руки Лию и Антонио, Надя повела их и Катрин чуть не подбегом.

Перед самым выходом на поляну она задержала гостей за кушей деревьев:

— Перед вами — бойцы советского женского партизанского отряда «Родина».

На кухне возятся Шура Владимировна и Соня Байкова. Им помогают два пленный немца. Один чистит картошку, второй готовит огонь под котлом. Галя Демьянова кормит свежей травкой корову. Кто-то просто отдыхает, лежит на солнышке, загорает, кто-то чистит свое оружие. Еще один немец строчит на швейной машинке. Получается у него лихо. Некоторые девчата заняты большой стиркой. Им тоже помогает пленный. Он услужливо хватая выстиранные вещи, отжимает их. Развешивает на веревке, протянутой от дерева к дереву. Хочет помочь и в стирке, лезет к корыту. Ему дают возможность попробовать свои силы и в этом. Не получается. Лелька Кабановская отстраняет его:

— Ни воевать, ни стирать не умеешь...

— Я! Я! — согласно поддакивает немец.

Лия буквально замерла от увиденного:

— Отря-яд?.. Тут же немцы!

Надя тихонько рассмеялась:

— Это пленные немцы. Еще в первом бою нашем мы пленили их.

— А они... так свободно ходят здесь? Не убегут?

Надя рассмеялась:

— Старички рады-радешеньки своему плену, счастливы, что вот так отвоевались. Гони их в шею сейчас — не побегут.

Катрин отмахнула рукой, как бы обрывая смотрины отряда:

— Ну что — пошли обниматься, целоваться?

Первой их заметила Галинка Демьянова. По-детски взвизгнула, подпрыгнула:

— Лия! Лия пришла! Антонио!.. Ура!..

Была немая сцена. Девчата повскакивали, замерли на какое-то мгновение. А потом началась... русская куча мала. Лия и Антонио исчезли в толпе смеющихся, кричащих, визжащих, ошалевших в радости девчат.

Надя пыталась хоть как-то остановить ликующую толпу подруг — задавят же! Но крик ее тонул в счастливом оре.

И вдруг... полоснула автоматная очередь.

Это лагерный комендант тетя Катя полоснула.

Девчата вскочили на ноги, замерли.

Тетя Катя негромко объявила:

— Лия и Антонио — в круг! Как на смотрины. Вопросы к ним — несть числа. Только без криков и... плясок.

Девчата захохотали, но приказа своего коменданта не послушались. Расселись вокруг желанных гостей. И посыпались вопросы: как нашли нас? пришли повидаться или?., что в Эрувиле? как живется-может? Антонио — не обижает?..

Первой заговорила Лия:

— Вот пришли мы... оба... Я не могу без вас... И Антон тоже. Катрин помогла нам найти вас...

И заплакала. Разревелась.

Антонио обнял ее, успокаивая. Заговорил. И надо же — столько русских слов!.. Молодчина Лия, обучила...

— Боши сказали Лие: назад, в шахту. Сказали — на три месяца отпускали к Антонио. А Лии нельзя назад. Меня надо поздравить, синьориты: я буду папа. Отец! Лия сказала! У меня будет бамбино. Син! Лия — мама будет...

Девчата опять онемели. Тетя Катя как простонала: — Милая, куда ж ты подалась? Здесь же драка...

А Лелька Кабановская не согласилась, вскочила, подбежала к Антонио, хлопнула его по плечу:

Молодец, Антон! Это по-нашему! Качать его, девоньки, за бамбино Лии!..

Девчата подхватились и ну качать!.. А Лия кружила вокруг этой сумасшедшей качки своего суженого, уговаривала подруг:

— Не уроните! Ну пожалуйста... Не уроните!..

Не уронили. Снова в круг расселись. Антонио в смущении обнял за плечи Лию. К ним пробралась Галинка Демьянова, протянула две кружки парного молока. Лия опять в слезы...

— Перестань реветь, — приказала тетя Катя. — В твоём положении реветь... никак нельзя.

— Это я от счастья...

Надя выбралась из круга, подалась к себе в шалаш. Намедни командан Жак подарил ей отрез белого парашютного шелка: «Командан Надья должна носить хорошее обмундирование».

Всамделишное свадебное платье для Лии!

Пошла к немцам, к кухонному столу. Вот этот седой замухрышка отменный портной, за час управится...

— Лия, на пять минуток пожалуй-ка сюда!

Лия поднялась, пошла, не понимая, зачем ее зовет Надя.

— Давай-ка, подружка, готовиться к вашей с Антонио свадьбе, — улыбнулась ей Надя и тотчас стала на пальцах объяснять немцу, что из этого отреза парашютного шелка надо сшить.

За считанные минуты немец снял мерку с Лии, принес швейную машинку и с наслаждением застрожил на ней. Девчата загалдели, потянулись к нему. Кто-то что-то подсказывал, кто-то просто подхваливал портного. Сбившись в кучу, одобрительно цокали языками пленные.

Лелька Кабановская подошла к Антонио, пристально глянула на него, ни с того, ни с сего спросила:

— Чудно получается, Антон! То ты с немцами идешь в Россию, против нас, то ты с нами здесь, во Франции, вроде бы против немцев. Где ж твоя истинная совесть?

Антонио вздрогнул, как от удара.

— В России Антонио не убивал, — ответил раздумчиво. — Антонио связь, радио... Тут, — показал он на левую ногу, — русский бомбежка.

Посмотрел на счастливую Лию, добавил:

— А совесть... Она — моя совесть. Грудь Лии гестапо резал звезда. И Антонио тоже маки. Как это по-русски — партизан?

— Ну, Лелька! — накинулась Надя на Кабановскую. — Испортить песню захотелось? Тогда мое объявление — всем несведущим: Антонио наш человек! Не без его участия мы связались с французским подпольем. Если б не такие, как он, колотить бы нам с тобой до сей поры ту проклятую железную руду в шахте.

Не прошло и получаса — немец-портной закончил работу и гордо посмотрел на Надю:

— Битте!

Надя вышла из-за стола, обошла Лию. Невеста! Повернулась к немцу:

— Хорошо! Гут! Данке!..

Девчонки загалдели. Портной сгрел со стола остатки шелка.

За все это время Надя как-то потеряла из виду Катрин. А тут сама француженка подошла:

— Надья, к тебе гости.

К толпе девчат шел Вывалов в сопровождении Жана, связника командана Жака. С автоматами. Ясно, дело не чаепитием пахнет.

— Здравствуй, командир, — пожал Наде руку Вывалов. — Присядем на минутку.

Присели на траву. Вывалов вытащил из сумки карту, распахнул ее, повел по ней пальцем.

— Наши люди сообщили: по этому шоссе боши будут везти горючее, боеприпасы. Ваш отряд должен уничтожить и бошей, и их машины. Идти надо сейчас же, быстро.

— А командан Жак?

— Наш отряд ушел встречать карателей, которые пойдут в это село, — Вывалов снова повел пальцем по карте, — жечь, убивать женщин, детей, стариков за их помощь маки, за помощь вам. — И вдруг улыбнулся: — С вами пойду я. Не возражаете? В качестве советника.

Надя ответно улыбнулась:

— Добро пожаловать. Сегодня весь наш отряд идет?

— Все обучены?

— Все.

— А обстреляны?

— Девять девчат и... я, стало быть.

— Значит так: каждая из обстрелянных берет под свое крыло троих-четверых необстрелянных.

Бывалов встал, коротко бросил:

— Поднимай отряд по тревоге.

Катрин решительно заявила Наде:

— Сегодня и я с вами...

Надя кивнула согласно:

— Возьми автомат.

Тетя Катя посоветовала:

— Надь, Лию оставь в лагере. Нельзя же ей... Не слышит ведь почти — куда ее в новую драку тащить? А, Надь? Пусть остается.

Отряд уже строился, когда Надя увидела: из шалаша выскочила, переодевшись, Лия. В руках карабин. За ней выскочил с ручным пулеметом Антонио.

Надя перехватила Лию, крикнула:

— Ты останешься охранять пленных!

Лия сверкнула глазами:

— Я иду со всеми!

Надя еще громче:

— Это приказ!

Увидев Варвару Смирную, Надя обрадовалась:

— Варя, останешься здесь, в лагере, за командира. — И тише: — Лию стереги, не пускай...

Варвара ничего не ответила. В глазах — какое-то колебание.

Надя с Бываловым прошла к построившимся шеренгой девчатам. Те стояли не шелохнувшись. На шею у каждой — автомат, в сумках — рожки с запасом патронов.

— Прошу внимания, — попросила Надя, хотя девчата и так стояли, не спуская с нее глаз. — Чернова, Дерех, Сомчинская, Кабановская, Агошкова, Дик, Михайлова, Петракова, Вашкинель берут под свое крыло каждая трех-четыре необстрелянных девчат. На перестроение — пять-шесть минут.

Перестроились за две минуты. Надо же — радуются!

— Девочки, — обратилась Надя к своим боевым подругам, — отряд Жака ушел на перехват карателей, которые решили предать огню село. А его жители помогают нам. Отряду «Родина» приказ — на самостоятельное задание. Вот так... Налево! Бегом марш!

Отряд побежал в лес. Бывалов и Жак бежали с Надей впереди.

Надю догнал Антонио, улыбается:

— Командан Надья, какой приказ Антону?

Надя улыбнулась в ответ:

— Приказ, дорогой мой, один: бить фашистов!

Бежали, задыхаясь, версты две. На шаг перешли, когда доброй половине отряда уже неважноту стало. Но через сотню-другую метров Бывалов, шедший рядом с Лисовец, снова подсказал ей:

— Бежать, у нас времени в обрез.

Надя продублировала его подсказку:

— Бежать, девочки, бежать!..

И так всю дорогу: с бега — на шаг, с шага — на бег.

Когда выскочили к шоссе, которое тянулось будто в ущелье, Бывалов остановил отряд.

— Командир, — обратился он к Наде, — с этого места все пойдут за мной, устраиваясь по обоим «берегам» шоссе. Отсюда, от тебя, весь отряд я вытяну навстречу фрицевской колонне. Мы встретим их, но будем молчать до той секунды, пока ты со своей тройкой не откроешь огонь по первой машине. Маскировка здесь для нас отличная: по «берегам» — кустарник, густой лес.

Отряд потянулся за Бываловым и Жаном.

Надя, тетя Катя, Лелька Кабановская только затаились у корявых комлей грабов, обросших густым кустарником, как рядом с ними хлопнулась Лия Русакова.

Тетя Катя приподнялась на локте:

— Т-ты?..

Лия — словно извиняясь:

— Мы их связали... пленных. Не убегут!

Тетя Катя стукнула кулаком по земле:

— А ну давай обратно! В лагерь!..

Кабановская остановила ее:

— Погоди... Кажись, машины.

Надя, тетя Катя повернулись в ту сторону, куда ушел отряд, прислушались. Да, это рокот моторов.

В это время рядом опустилась еще и Варвара Смирная, положила перед собой карабин.

Говорить что-то ей сейчас, выговаривать уже не было времени.

Вот они — машины. В кузовах первых трех — ящики, четвертая — бензовоз. В пятой — на скамьях — сидят с автоматами немецкие солдаты. В кабине — рядом с водителем — офицер. Курит безмятежно.

Надя дождалась, когда первая машина подошла к повороту, ударила длинной очередью по кабине. Рядом ударили автоматы тети Кати, Лельки Кабановской, карабины Лии и Варвары. Машина, потеряв управление, не вошла в поворот — полезла на глинистый склон, потом сползла назад, перегородив дорогу. Вторая машина сходу врезалась в нее. Третья попыталась свернуть — полезла на склон, как и первая. С пятой машины солдаты прыгают под прицельный огонь девчат, что под началом Бывалова и Жана, падают, ползут под скаты.

Потом — тишина, в которую невозможно поверить. Вот так, вдруг...

На шоссе — машины вразброс, вповал — трупы, трупы...

Надя приподнимается, смотрит и не верит, что все это — вот сейчас! — они, ее девчата, сотворили.

Поднимается тетя Катя, Лелька Кабановская тоже смотрит на дорогу. Вслед встает Лия, прижимая к груди карабин, в глазах — несказанное удивление.

Из-под колес бензовоза длинной очередью ударил автомат.

Девчата попадали под деревья.

Лия все так же удивленно смотрит на дорогу.

— Ложись! — кричит ей кто-то из девчат.

Она не слышит.

— Да ведь глухая она!

Это к Лие метнулась Варвара Смирная. Повторная автоматная очередь скосила их обеих.

Откуда-то выскочил Антонио с ручным пулеметом, резанул длинной очередью по спрятавшемуся под колесами бензовоза фашисту. И вдруг замер, пошатнулся, выронил пулемет, раскинув руки, упал.

Девчата швыряют в бензовоз гранаты. Пламя — к небу. И огромной силы взрыв...

Похоронили Лию, Варвару, Антонио неподалеку от лагеря.

Три могильных холмика. Без надгробий, без венков, цветов.

С одной стороны стоят женщины отряда «Родина». С другой — мужчины из отряда командана Жака. Среди французов много раненых — бинты, повязки...

Отгремел траурный салют. А строй не рассыпается.

Надя не отрывает глаз от могил, поминая, вспоминая каждого из трех своих сотоварищей. Варвара Смирная... Вот сидит она на полу вагона, несущего их на далекую каторгу, ковыряет доску заколкой с надеждой на побег. Надя помнит, дословно помнит ее тогдашнюю жуткую исповедь: «Мужа, мать с отцом и трех моих крошек-детюшек немцы спалили в хате... Я должна выжить... Чтоб шесть фашистских душ отпра-

вить на тот свет». Сдержала слово свое, отправила. Вернула карабин Наде: «Все, командир, отходила свое. Отвоевалась... Даже прикажешь — не пойду. Боюсь. Живой мне надо домой вернуться. Рожать...»

Ну, зачем, зачем опять взяла в руки карабин?..

У Лии безмерная радость — ребенка в себе носила. Зачем сегодня потянулась вслед отряду?..

Антонио... Итальянец мечтал о своем бамбино. И унес мечту в мир иной...

Связник Жан забросил на дерево антенну, принялся колдовать над приемником. Только треск и посвисты.

Нина Агошкова вышла из строя, решительно отстранила Жана:

— Пусти, у меня это лучше получится...

Наде очень хотелось, чтоб получилось у Нины: разведчица...

И вдруг сквозь шумы и треск эфира зазвучал голос Левитана:

«Внимание! Внимание! Говорит Москва! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!»

Идет сообщение Советского информбюро о полном освобождении Белоруссии.

Девчата вскинули оружие, и еще один залп прогремел на земле Франции.

Перед строем мужчин прошла Катрин. В руках она несла полевые цветы. На каждую могилу по два цветочка.

Звучит голос Левитана:

«...Вечная слава героям, павшим в боях за честь и независимость нашей Родины!»

После паузы командан Жак поднял руку:

— И за независимость Франции!

Еще один залп прогремел...

СЕНТЯБРЬ

Будто все ветры разом обрушились на лес. Стонут, трещат высоченные грабы, и в стоне этом, в треске — не мольба о пощаде, а удивление: чего это взбесились вдруг, ни с того, ни с сего?.. Звезды в ночи не волнуются, не прячутся в ожидании грозы, а тут такая колумуть! Не будь защиты деревьев, от шалашей ни ветки, ни кола не осталось бы.

Не спится командиру в этой ночи. То и дело выбирается из шалаша, вслушивается в стоны и треск...

Вчера сам командан Жак пожаловал. Предупредил: швабы со своим отребьем зашевелились, рыщут по лесам, не исключена блокада...

Вот и не спится, не лежит Наде. Обходит дозоры. Сегодня в них — половина отряда. И выставлены от лагеря на добрую версту. Не уследи, не угляди — быть большой беде. А как тут углядеть, когда ни черта не видно? Мудрено и услышать что-либо: ветер беснуется, все глушит.

Тетя Катя тоже на ногах. Надя к одним дозорам, она — к другим. Лариса Сомчинская безвыходно в лагере: днем-то зрение может подвести, а уж в такую ночь и подавно. С Марией Андриевской коротает время возле «докторского» шалаша. Задача ее — поднять отдыхающих при первых же выстрелах кого-либо из дозорных.

Надя шла вдоль ручья, «нашего» ручья, на котором сидели вот уже несколько месяцев вместе с мужским отрядом. Шла от дозорной Сороки. У нее все спокойно. Да и вряд ли с этой стороны молено ожидать немцев. Если и пойдут отсюда, с запада, на отряд Жака напорются. А Михайлову поставили тут — так, на всякий случай...

С другой стороны, с востока, караулит сейчас Галинка Демьянова. Не надо бы ее, совсем девчонку, по-

сылать в такую ночь. Повстречайся кабан, опять крику наделает...

Улыбнулась Надя, даже тепло стало от этой мысли. И в самом деле смешно получается. Ходить с Болеславом за продуктами в город, где в любую минуту можно попасть в лапы гестаповцев, Галя не боится. А здесь наемдни пошла к ручью котелки мыть, напоролась на кабаниху с поросятами — сердце в пятки ушло, крику наделала...

Болеслав — из того польского отряда, откуда пришла в «Родину» Мария Бжизовская. Галя его Боликом зовет. Волнуется, когда на операции он. Неделю назад прошел слух — погиб Болик. А он и заявись целехоньким, в болоте сутки просидел, от погони уходил.

Последнее время хлеб доставлял крестьянин из местечка Виллерюпт. Сбросит мешок в окоп, что еще от линии Мажино, и уедет. А партизаны потом подбирают. Но вот арестовали его, и теперь Галя с Болеславом в город ходят, в булочную. Болик по-французски чуток говорит...

Когда ветер ударял в спину, чудилось — в стон грабов влетается рокот моторов. Надя останавливалась, вслушивалась. Но ветер шалел уже с другой стороны. Мерещится...

Время к полуночи. Надя по звездам научилась определять его, время, с точностью до получаса. Созвездие Большой Медведицы — как циферблат. Сегодня Медведица особенно ярко светится. И бешеный ветер не в силах затуманить.

Ручей вильнул круто влево. Вот и родные шалаши. Сейчас присесть, передохнуть чуток и снова — по дозорам, проверять.

Вернулась тетя Катя. Сошлись у Ларисы Сомчинской и Марии Андриевской.

- Ну, как там?
— Все спокойно. А у тебя?
— Тоже... В такую ночь вряд ли швабы пойдут.
— А мы?
— Что — мы?
— В такую ночь на задание идти — в самый раз.
— Так то ж для нас. Мы ведь на своей земле...
«На своей земле...»

Сказала просто так, оговорилась, а слова — в сердце: как она там, своя?..

Тетя Катя ворохнулась в темноте:

— Чего замолчали? Оговорилась я? Немцы на этой земле чужаками ходят, а мы здесь свои. Стало быть, и земля стала для нас не чужой. Верно я рассуждаю?

— Верно, — вздохнула Сомчинская. — Верно рассуждаешь. Только я бы сейчас...

Но что это? Кричит кто-то?..

Вскочили на ноги, насторожились.

— Померещилось. Ветер шутики строит...

Мария Андриевская усомнилась:

— Всем четверым — померещилось?

Чу, снова ветер, по ручью, несет:

— На-а-а...

Подождали, вслушиваясь. И вдруг — уже рядом — Сорока, Аня Михайлова кричит:

— На-адька!..

Надя шагнула навстречу. Что стряслось? Почему пост оставила?

— Надь, война для нас окончилась!

— Какая война?..

Вот оглашенная, воистину — сорока...

— Ну, эта... — еще раз выдохнула Аня, припала к груди Нади и расплакалась.

Ничего не понимая, Надя разволновалась. Сердце подсказывало: так плачут от великой радости.

Крепкими выражениями привели в себя Сороку. И она рассказала. В лагерь «Родины» бежали Жан-связник и Валентин Вывалов. Сорока их остановила, и они сообщили: в их лагере американцы!..

Дозорные командана Жака чуть не перебили передовой отряд союзников, приняв их за немцев.

— Сейчас они будут у нас!..

В считанные минуты девчонки были на ногах. Надя не приказала, попросила Михайлову и Клаву Чернову:

— Девочки, давайте бегом — все дозоры снимайте...

Никто уже не боялся демаскировки, все наличные фонарики были включены, их лучи суетились, плясали на ветках шалашей, пытались пробиться меж деревьев поглубже. Девчата — одна, другая, третья — бросились к ручью прихорашиваться. Ох, женщины, женщины!.. Да вы и голодранками — красивы, зачем вам наводить ее, красоту. Сейчас ваши платья — заплата на заплате — стоят королевских уборов.

Через десять-пятнадцать минут мощные фары машин раскинжалили весь лес окрест. Десант парней командана Жака мгновенно «захватил» лагерь отряда «Родина». За ними с большегрузных студебеккеров посыпались американцы — белые, черные.

— О, гёрлс? Рашен?..

Больше всего американцы были удивлены, что маки — девушки, да еще русские. Наперебой угощали девчонок шоколадом, печеньем, виски, жевательной резинкой. Митинг — не митинг, ораторами были все, речи — междометья, восклицания, похлопывания по плечам. И язык был общий — франко-англо-сербско-польско-русский. И понимали друг друга отлично...

На кабину одного из студебеккеров вскочил здоровенный негр с банджо в руках и ну, выбивая чечетку, наяривать залихватскую мелодию!

И тут уже никто не мог устоять. Все бросились в общий, какой-то фантастический пляс.

Каждый плясал по-своему: по-русски, по-французски, по-американски.

— Даешь, второй фронт! Давай еще! — орала пляшущая Лелька Кабановская.

Плясал командан Жак.

Плясала Надя,

— Командир! — подскочила к Наде Вера Егорова. — А ветер-то тю-тю!

Ветер? Какой ветер?

Точно... Только что выжимал из деревьев стон и треск, и вдруг, вот так, враз, выдохся. И деревья замерли, словно в удивлении, оглушенные радостью людей.

На рассвете командан Жак объявил приказ — короткий, как пароль:

— Всем выходить из леса!

И еще приказ: пленных сдать американцам.

А они, немцы, не хотят. Просятся, хватают за руки женщин: не отдавайте нас, куда вы, туда и мы!..

Во привязались! Будто не в плену были, а в кругу друзей хороших.

Вера Егорова.
Верден. 1944 г.

— Схватили меня фашисты — это в Лужском районе Ленинградской области. Кричат: «Партизанам помогаешь!» А я себе и думаю: «Так неужто вам, поганцам незванным, помогать буду, коль братья мои в партизаны ушли?!» Дурак он был, фашист... Коль ты в дом наши грабить лезешь, неужто потакать мы будем тебе? И когда вывез нас

за тыщу верст от дома, аж в рудники французские, опять же дурак — надеялся, таскать железо ему будем из-под земли, на танки, да на пушки, чтоб пушки те братьев моих расстреливали. Вы, конечно, знаете, на востоке Франции было около трех десятков советских партизанских отрядов. Все правильно — мы и на чужбине оставались людьми. Потому и говорю: дурак, фашист, на что надеялся?..

Водители студебеккеров поделились бензином, заправили трофейную машину, что была загнана сюда накануне девчонками. Но ехать на ней все отказались наотрез. Радость к рассвету не остыла, хоть бегом беги. Американцам на прощанье подарили русскую-перусскую «Катюшу» — ив путь!

Весь день шли, охрипшие, широченным шоссе на Верден.

Там, где шоссе простреливало поселки и одноэтажные городки или пробегало мимо них, оно прорастало живым коридором. Кричащие, танцующие, ликующие толпы приветствовали колонны маки — бойцов французского Сопротивления, одаривали цветами и вареньем, слезами и улыбками. Парни командана Жака пропустили отряд «Родина» вперед, и девчонки «командана Надьи» первыми принимали на себя взрывы ликования. С автоматами на груди, разутые, оборванные и гордые шли они живым коридором и плакали, смеялись, смеялись и плакали.

Галинка Демьянова шла рядом с Шурой Владимировой и полячкой Марией Бжизовской. Она так и не рассталась с отрядной Джульеттой, вела ее с собой на погодке.

Но вот остановилась:

— Подержи! — протянула поводок Бжизовской. — Я сбегая к нашему командиру.

Догнала Надю Лисовец, спросила:

— Я отдам Джульетту? Ведь она ихняя...

Надя согласно кивнула головой.

Галинка чуть поотстала от строя, высматривая, кому бы отдать свою буренку.

И высмотрела чету французов, подбежала, всунула старушке веревку и побежала догонять строй.

— Добже, добже, — похвалила ее Мария Бжизовская.

Бурлящими ручьями, речками выплескивались на шоссе из лесов Лотарингии все новые и новые отряды Сопrotивления.

Под вечер вошли в Верден. Улицы города затоплены народом. Над морем голов, в окнах, на балконах домов — трехцветные флаги Французской Республики.

И красные, красные флаги!..

Огромный плац опоясан строем. Объявлено всеобщее построение советских партизанских отрядов, сведенных в один батальон.

Уж четверть часа как построились, а ни объявления, ни приказа, лишь команда: «Стоять вольно!» А сколько еще стоять вольно? Командир батальона Виктор Игнатьев выхаживал вдоль строя по кругу и молчал. Чем-то обеспокоен. Чем?

Кто-то из самых нетерпеливых выкрикнул:

— Комбат, чего ждем?

Игнатьев остановился, повернулся к тому взводу, откуда вылетел вопрос. Потом поднял руку, призывая к вниманию всех:

— Товарищи, построение объявлено в связи с приездом представителя советского посольства и командования штаба партизанского движения Франции. С минуты на минуту они должны быть у нас. — И тотчас приказ: — Командирам взводов выйти из строя, провести поверку!

Надя Лисовец вышла, повернулась к строю своего девичьего взвода, достала из кармана список, составленный ею накануне по алфавиту. Собственно, зачем он, список, когда всех и так знает, поименно знает!

— Тетя Катя... Розалия Фридзон-Семенова!

— Есть!

— Аня Михайлова!

— Есть!

— Клава Чернова!

— Есть!

Она медленно шла вдоль строя — шаг, еще шаг, вызывая — глаза в глаза:

— Нина Корякина, Надя Дерех, Юзя Воробьева, Ядя Кунцевич, Рая Рылова, Вера Васильева, Соня Байкова, Галя Демьянова, Вера Егорова...

Вызывала не по-уставному, не только по фамилии. Имя каждой для нее было уже родным, на каждое имя своих подруг она еще много лет будет отзываться, как на собственное...

— Лена Грязнова, Клара Поскребко, Клара Петет, Нина Агошкова, Мария Андриевская, Валя Вашкинель, Шура Владимирова, Лена Дик, Лариса Сомчинская, Дуся Петракова, Монера Сафиулина, Лиза Исакова...

Глаза — серые, голубые, карие, черные, синие... Милые мои девчонки, сколько ж выпало на ваши худые плечи! Выдержали... Каторгу фашистскую выдержали!.. Вашим рукам пора бы детей колыхать, грудям вашим жизнь вливать в дочурок да сынков, а на ваших плечах — автоматы...

— Леля Кабановская, Шура Груздева, Нина Алексеева, Вера Завьялова, Ольга Клебанович, Лиля Яковлева, Тося Гордеева, Мария Иванова, Шура Парамонова, Аня Попова, Мария Колесникова...

Только-только прошла поверка, шеренги заволновались. Командир батальона Виктор Игнатьев зычно крикнул:

— Командирам взводов встать в строй! Смирна-а!..

Из ворот на плац шла большая группа людей. Среди них командир советских партизанских отрядов на востоке Франции Василий Таскин, несколько французских офицеров и еще один военный — в непонятной форме: китель, галифе, звездочка на фуражке наши, а на плечах — широкие золотые погоны...

«Может, это и есть новая форма?» — подумала Надя. Про погоны в нашей армии уже наслышаны были.

Это был военный атташе советского посольства в Париже.

Он первым и держал слово. Просил соблюдать воинский порядок, дисциплину. Благодарил за верность Отчизне. Домой, на Родину, обещал отправить, как только окончится война.

А потом было еще непонятное. От группы в центре плаца отделился пожилой французский офицер. Комбат Виктор Игнатьев и наш офицер сопровождали его. Они шли к девичьему взводу...

— Командир взвода Лисовец — выйти из строя! — скомандовал Игнатьев.

Французский офицер зачитывал, а наш переводил. До сознания Нади доходили только отдельные слова:

— За проявленные... в борьбе с фашизмом... командование... присвоило звание лейтенанта Французских внутренних сил Надежде Лисовец.

Француз козырнул, вручил ей маленькую книжницу, а Надя вконец растерялась: что отвечать-то? Служу Советскому Союзу? Да ведь не служит, вроде... В армии служат, а она... И не дома, а здесь...

Пробормотала «вив ля Франс!», «спасибо-мерси» — и скорей в строй, к своим девчонкам.

Такое же удостоверение вручили заместителю командира отряда «Родина» тете Кате — Розалии Фридзон-Семеновой. А всем — книжечки участника Сопротивления.

После построения военный атташе зашел в казарму, где размещался девичий взвод. Поинтересовался, кто имеет высшее, среднее образование, предложил поехать в Париж, работать в советском посольстве, которое только что возобновило свою деятельность в освобожденной столице Франции.

Согласились тетя Катя, Мария Андриевская, Нина Агошкова... Надя отказалась: «Буду до конца со своими...»

Что их тянуло сюда, в Эрувиль? Каторга не оставляет приятных воспоминаний...

Плац, бараки, один вид которых бросает в дрожь. Четырехъярусные нары, отполированные телами до грязного блеска...

Лелька Кабановская жить без идей не может:

— Девоньки, есть идея! Пластинку разыскать и — под нулевку!

Не своя, заемная идея... Женщин, водивших «дружбу» с немцами, французы публично стригли наголо: пусть ненадолго, но — клеймо!

Рызыскали Пластинку — остригли с визгом.

— Будто жабу остригла, — брезгливо поморщилась Аня Михайлова.

Потянуло и на рудники, на шахту. Нет, в промозглые штреки, галереи не стали спускаться. Постояли во дворе, как на могиле.

Здесь и Сильвио повстречали. Увидел инженер Клаву Чернову, бросился к ней, как самого родного человека повстречавши:

— Что же вы ничего не сказали тогда?.. Я бы тоже в маки ушел...

Не пожалела Клава радости Сильвио:

— Вам на своей-то земле проще было отыскать туда тропинку...

Потом Надя с девчонками ходила по одноэтажному Тилю, который в мрачные, страшные дни так сочувствовал им, русским каторжанкам. Форменный берет с эмблемой Надя сняла, лейтенантские погончики на плечах спрятала под косынкой. Неловко как-то с ними: встречные солдаты козыряют ей... Да и просто жители тарашатся — офицер Французских внутренних сил?!

Разыскали жену Франсуа. Уже вдову... Молоденькая, с глазами загнанного зверька: как жить-то дальше — с двумя малютками-сыновьями, с горе-горем сиротским?..

Поплакали вместе.

— Адью плэз!

«Дай-то Бог!..»

Не дай Бог слышать, как вздыхают убитые горем ВДОВЫ.

К полудню по батальону пополз слух: пришел приказ — сдать оружие. Люди заволновались. Каждый, конечно, понимал, что оружие больше не понадобится, всем им уготована участь только ждать. Ждать, когда окончится война, ждать репатриации на Родину. И все-таки... Это оружие добыто в бою, оно стало уже неотъемлемой частью их многотрудного бытия, частью их самих!..

Не просто это — сдавать оружие...

Надя обошла все казармы в поисках Виктора Игнатьева, комбата, чтобы выяснить, правда ли — приказ такой вышел? Не отыскался. И никто не знал, где он.

Вечером к девчатам залетела Катрин. Влетела, пообнималась со всеми, попросила:

— Давай-давай «Катюшу»!..

Но уже после первого куплета снова встрепенулась, подскочила к Наде:

— Надья, разговор есть... Нет-нет, можно всем слушать!

Подумала чуточку, вроде соображая — с чего начать.

— Союзники собирают все немецкое оружие. За чем-то им надо... Нам тоже надо. Командан Жак и его камрад идут дальше воевать. Минута, еще минута — наши будут здесь... Ну как, Надья?

Надя оглядела подруг, молча подошла к пирамиде, взяла свой автомат и так же молча протянула его Катрин.

— Нет-нет, Надья, минута, еще минута...

Через час Катрин снова пришла. Не одна. Молодые парни с холщовыми мешками.

Первой Лелька Кабановская поднялась, за ней Аня Михайлова, Шура Владимирова, Лариса Сомчинская... Подошли к пирамиде.

— А еще побольше мешки не нашли? — усмехнулась Лелька, обращаясь к молодым французам. — Сюда и танк всадить можно.

Парни, не понимая, только улыбались: «Мерси, мерси».

— Мерси-то мерси, да попробуй унеси.

В мешки шли автоматы, магазины к ним, карабины, патроны.

Лелька задержала один патрон на ладони, повернулась к Катрин:

— Послушай, Катюша... А может, оставить один, а? На память?

Катрин пожала плечиком, улыбнулась.

— А! Пусть идет! — Лелька метнула патрон в мешок. — Вдруг именно он достанет какого-нибудь фашиста.

Когда парни, взгорбившись мешками, удалились, Катрин подошла к Наде и грустно так заглянула ей в глаза:

— Ну, лейтенант Надья, я тоже прощаться... мерси за все, что вы сделали для Франции. И мне...

— Да что ж мы такое сделали, Катрин? Тебе за все мерси.

Улыбки вперемежку со слезами... Расцеловавшись со всеми, Катрин пошла. У порога задержалась, обернулась:

— Не надо забывать Франция! Она всегда будет вам другом.

— И вы не забывайте Россию!

— Всегда вместе!..

— До свиданья, Катрин!..

И все. Ушла Катрин.

В казарме повисло молчание. Но только на минуту. Вдруг, будто сговорившись, девчонки ударили хором «Катюшу». Там, на ночной верденской улице, шагая через строгий комендантский час, она, конечно же, слышала ее. Слышала и улыбалась.

А девчонки, растормошенные первой песней, еще и еще — вторую, третью — бросали в распахнутые окна казармы, в душно-парную сентябрьскую ночь, и летели их песни дальше, дальше, через одни окопы, другие, и Родина, дом родной становились ближе, будто вот они — рукой подать...

— Надька, ангел мой, а ты чего не поешь, зажурилась? — весело хлопнула ее по плечу Аня Михайлова. — Иль тебе жизнь не мила, или песня не по нраву? О чем душа твоя горемычная?..

Надя смутилась, закрыла лицо руками, вроде как смущение пряча. Потом отняла руки, ответила:

— Да вот... Наши там еще дерутся, а мы... автоматы свои на склад...

Лелька Кабановская прыснула смехом:

— Тебе, Надька, маршалом быть! Мы ж бабы!..

Надя отошла от окна, села на нары:

— Мы люди...

— Недавно один журналист написал про меня, что якобы я со своим отрядом итурмовала в Париже тюрьму с политзаключенными, чтоб, значит, освободить их. А я в Париж-то попала, когда он уже свободен был от фашистов... Кому нужно такое вранье? Мне стыдно перед нашими, вроде это я такое наговорила. Ничего такого героического мы не совершали. Мы просто... Ну, как это вам сказать?.. Просто что-

Надежда Лисовец.
Верден. 1944 г.

то делали, чтоб не сидеть сложа руки, вот и все. Оружие-то в руки нам попало, когда уж до конца совсем чуть-чуть оставалось.

Домой в сорок пятом вернулась — все мои живы... Только смотрели на меня как на привидение: тебя ж в Смоленске повесили! Откуда, говорю, взяли вы такое, не была я там вовсе... Потом-то выяснилось: наши думали, что пытали меня — и повесили — в смоленском СД, которое в сорок четвертом драпануло в Минск, здесь зверствовало.

Была ли после войны во Франции? Нет, не довелось... Жаль, конечно. Может, живы еще наши — Катрин, Жан, командой Жак... Кажется, имя-то его настоящее не Жак, а Жюль Монтанйри. Узнала бы точно, доведись побывать, да все не выходило — сначала поднимала со всеми Минск из руин, потом строила. Много строила... И достроилась до заслуженного строителя БССР...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

«Подвиги советских женщин из партизанского отряда «Родина» живы в памяти французских патриотов.

Жители города Эрувиль на востоке Франции великолепно помнят, как в лагерь военнопленных пригнали семьсот советских женщин, истощенных, разутых и раздетых. Гитлеровцы пригнали их на каторжные работы в рудники. Но ни каторга, ни унижения, ни тяжелые испытания не смогли подорвать их моральной чистоты, и боевого духа. После четырех месяцев пребывания в лагере группе заключенных с помощью французских партизан удалось бежать. Они создали женский партизанский отряд «Родина».

Они боролись за общее дело, против общего врага, при этом русские рисковали гораздо больше, чем французы. Поэтому их связь с французским движением Сопротивления была крепче, чем любая другая связь между людьми. Мы не можем забыть эту совместную борьбу, не имеем права.

В те годы по поручению руководства Национального фронта я был связан с партизанским движением. В женщинах советского отряда «Родина» мы видели представителей великой Советской Армии, великого советского народа...

*Гастон Лярош,
член Национального комитета
общества «Франция — СССР».*

«Французы знают, что сделала для них Советская Россия, и знают, что именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении».

*Генерал де Голль,
президент Франции.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо пролога.....	3
Начало.....	5
Как найти свой окоп?.....	13
Аусвайсы на дороге не валяются.....	22
Бомба немедленного действия.....	31
Будни.....	36
В лес, в партизаны.....	40
Арест.....	45
Точный диагноз.....	62
Дни и версты.....	71
Где ж ты, непокоренная Франция?.....	81
День, еще день, еще.....	95
Демонстрация.....	101
Побег.....	122
Июнь.....	145
Июль.....	162
Август.....	181
Сентябрь.....	192
Вместо эпилога.....	206

Литературно-художественное издание

Ерохин Роман

(Раймонд Алексеевич Ерохин)

ДЕВЧОНКИ НАШИ ЗА ВЕРДЕНОМ

Документальная повесть

Редактор *С. П. Пятковский*

Художник *И. В. Мацкевич*

Компьютерный набор *С. Н. Жаброва*

Корректор *П. С. Сергеев*

Компьютерная верстка *Ю. В. Шабан*

Подписано к печати 25.08.2006. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура ВьёоШоок. Офсетная печать.
Уч.-изд. л. 13,1. Усл. печ. л. 13,0. Тираж 400 экз.
Зак. 223.

Издатель Ю. М. Сапожков.

ЛИ № 02330/0133252 от 30.04.2004.

Адрес: 220123, Минск, пр. Машерова, д. 42, кв. 3.

Типография СООО «Мсдисонт».

ЛП № 02330/0056748 от 22.01.04 г.

Адрес: 220004, г. Минск, ул. Тимирязева, 9.